

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
[А. С. Бушмин], Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, С. А. Рустам, [А. А. Сурков], М. Танк,
В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

С А Б И Р

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

*Вступительная статья,
составление и примечания*
Ч. Г. ГУСЕЙНОВА

Редакция стихотворных переводов
В. С. ШЕФНЕРА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1983

В творчестве классика азербайджанской поэзии Мирзы-Алекбера Сабира (1862—1911) звучат мотивы борьбы против социального и национального гнета, тревога за судьбу своего народа, вера в его светлое будущее. Насыщенная передовыми революционными идеями, отличающаяся яркой образностью, новизной и богатством поэтического содержания, пронизанная любовью к трудовому народу, поэзия Сабира явилась надежной основой для развития азербайджанской советской литературы.

В настоящий сборник вошли все наиболее значительные поэтические произведения Сабира в переводах известных русских поэтов.

Многие стихотворения публикуются на русском языке впервые.

ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ

Азербайджанская поэзия прославлена творчеством таких всемирно известных поэтов, как Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Насими, Физули, Вагиф и другие. Среди этих имен достойное место занимает Мирза-Алекбер Сабир — поэт, первым поставивший поэтическое слово на службу революционно-демократическому движению широких народных масс и тем самым способствовавший интенсивному развитию азербайджанской советской литературы.

«Сабир» — один из псевдонимов поэта, означающий «Терпеливый». Однако псевдоним этот менее всего соответствует творческой направленности его поэзии, которую еще в юношеские годы сам автор определил как обличительную: «Не жди похвал — не одописец! Мне льстить и угождать негоже. Мой стих сатирую прольется(…) Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего дороже!» Его сатиры бичевали уродливые стороны патриархально-феодалного мирозерцания, многовековой институт деспотической власти царя, султана или шаха, питаемый пассивностью и неразвитостью народных масс, подавленных религиозными догмами и предрассудками. Сатирическая поэзия призывала к борьбе против рабства, тирании, царского колониализма, феодальной системы отношений, пробуждала в человеке активное отношение к жизни, нетерпимость к какому бы то ни было гнету. И потому понятие «терпения», заключенное в псевдониме, можно было бы объяснить как призыв: борись, но терпи, надейся, верь: сколь долго ни тянулись бы черные дни насилия, придет время свободы и братства.

Поэзия Сабира явилась детищем первой русской революции, порождением эпохи великих социальных потрясений, грандиозной ломки феодально-крепостнических отношений. Революция 1905 года, пробудив «от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы»¹ — Россию, отозвалась во многих азиатских странах. «Среди угнетенных народов России, — отмечает В. И. Ленин, — вспыхнуло

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

освободительное национальное движение». ¹ Народные массы встали на борьбу за свои права, начался мощный подъем антицаристских, антимоноархических движений, и поэзия Сабира явилась эхом революционных событий, конденсированным выражением чаяний и надежд азербайджанского народа.

Настоящее имя Сабира — Алекбер Таирзаде. Он родился в 1862 году в Шемахе, некогда крупном городе Востока, торговом центре Азербайджана, в семье мелкого торговца. Уже в детстве будущий поэт был свидетелем потрясающих общественных противоречий — и социальных, и религиозных: унижения и рабская доля одних — и знатность, богатство других, власть богачей, аристократии, духовенства, призывающих к терпению, смирению и послушанию. Через город шли торговые караваны, приходили паломники, посетившие святые мусульманские города — Мекку, Кербелу, Мешед и получившие титулы «гаджи», «кербелай», «мешади». Будущий поэт видел и вражду двух сект мусульманства: суннитства и шиитства. Эта вражда прошла и через его собственную семью: отец поэта еще в молодые годы порвал с суннитами, был проклят своим отцом-суннитом и принял шиитство с его неукоснительным следованием догмам и культом самоистязаний в дни религиозной мистерии шахсей-вахсей.

Отец Алекбера мечтал увидеть сына священником, моллой и потому отдал его в духовную школу — молла-хану. И, как это принято было в подобных случаях, сказал молле, поручая ему своего сына: «Мясо — твое (то есть в твоей власти наказывать, подвергать пыткам), а кости — мои (но истязать не до смерти!)». Там зубрили Коран, не вдаваясь в его смысл, но получали при этом и знание арабского языка, учили персидский, знакомились с поэзией Востока.

Годы учебы в молла-хане с зубрежкой и жестокими наказаниями за малейшие провинности, система воспитания в религиозной семье с обязательным соблюдением поста, молитвами и пренебрежением к светским наукам и мирским радостям — все это нашло впоследствии отражение в поэзии Алекбера Таирзаде, стало темой многих сатирических его стихотворений.

Еще в ранние годы, учась в духовной школе и прислушиваясь к разговорам о непримиримости двух сект ислама — шиитов и суннитов, — будущий сатирик сочинил свои первые рифмованные строки, воспроизведенные впоследствии по памяти его друзьями и включенные в первый сборник поэта, выпущенный через год после его смерти, в 1912 году. Эти сатирические строки запомнились друзьям поэта по ясности поэтического стиля Сабира, по звонким рифмам, четкому

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

метрическому рисунку, игре слов, не поддающейся буквальному переводу.

Вот сатирический осколок, приведенный в первом сборнике, — трехстишие, где рифмуются месяц поста «рамазан», манящий, одурманивающий запахами еды медный котелок — «казан» (пост! нельзя помышлять о еде, грех глотать даже слюну!) и «язан» — «пишущий» (страсть как хочется, устав от зубрежки, сочинить что-нибудь — но и это грех: «бьет молла, когда пишу...»). «Грехов» будет много — вся поэзия Сабира настоянна на них, каждое слово сатиры — грех с точки зрения сильных мира сего.

Значительную роль в формировании поэтического дара Алекбера Таирзаде сыграл выдающийся азербайджанский поэт Сеид-Азим Ширвани (1835—1888), открывший школу в Шемахе, куда поступил будущий поэт. Ширвани способствовал развитию поэтических способностей своего ученика, оказал влияние на сатирическое направление его творчества. Через своего учителя Алекбер Таирзаде познакомился и с русской культурой, русской литературой: в школе Ширвани преподавался и русский язык.

Сеид-Азим призывал познать «иноплеменный язык», особо «приникнуть к русской науке»:

Сын мой! Русским еще языком овладей,
Познакомься с наукою русских людей —
В ней нужда наша с давней поры велика,
И не можем не ведать мы их языка!

(«Сыну»)

Перу Ширвани принадлежали стихи «По случаю открытия памятника Пушкину», написанные в 1880 году, когда в Москве был установлен памятник Пушкину.

Из ранних стихов Сабира, дошедших до нас, видно, что учеба у Сеид-Азима Ширвани была превосходной школой поэтического мастерства: Сабир испробовал свои силы как в оригинальном творчестве, так и в жанре подражаний и пародий. Он освоил сложные формы восточной поэзии, символику поэтических фигур, постиг многообразие поэтической ритмики, в частности сложнейшую метрику аруза, строящегося на чередовании и комбинации долгих и кратких слогов, что придает стиху особую выразительность и музыкальность.

Аруз в течение тысячелетия — вплоть до XX века — оставался почти единственной системой стихосложения на Востоке, в литературе арабо-, персо- и тюркоязычных народов. Из девятнадцати метрических размеров аруза, известных восточной поэзии, Ширвани, как показали подсчеты азербайджанского ученого Акрама Джафарова, пользовался девятью (метры рамала, хазадж, хафиф, музари, муджтасс, сари, мунсарих, раджаз, мутакариб).

Сабир хорошо усвоил уроки своего учителя и впоследствии стал виртуозно использовать многообразные формы восточной поэзии. Это мусаддас — шестистишия, с принципом рифмовки: *аааааа, ббббаа, вввааа, ггггаа* и т. д.; мухаммас — пятистишия (*ааааап, бббаа, ввааа, гггаа* и т. д.); мурабба — четверостишия (*аааа, ббба, вваа, ггга* и т. д.) — формы со сквозными рифмами, позволяющими нанизать на единую мысль-нить и связать воедино множество реальных действительности, усилить экспрессивность стиха, придать панораме целостный в своем многообразии вид. То же происходило и с такой традиционной формой восточной поэзии, как газель (*аа, ба, ва, га* и т. д.), дающей возможность собрать единой рифмой целый ряд понятий, явлений, чувств, придать произведению характер объемной панорамы. Использует Сабир и бейты (двустистишия с парной рифмой), месневи (*аа, бб, вв* и т. д.), мустазад (*аааа, ббаа, вваа* и т. д.) и одические формы с монорифмой.

При такой сложной рифмовке возрастает роль редифа — повторяющегося слова (или группы слов) в конце каждой строфы, после рифмы. Редиф, во-первых, усиливает и нагнетает мысль и экспрессию, а во-вторых, может — если выбран удачно и богат оттенками — менять окраску, тональность, эмоциональную направленность в зависимости от содержания строфы, которую он замыкает. Сабир тщательно обдумывает архитектуру стихотворения, выбирая емкие, афористичные, запоминающиеся редифы — ведь зачастую на Востоке стихи запоминаются по редифу! — и в газелях, и в мусаддасах, и в мурабба.

Редиф «Ужель считаешь ты?» проходит через стихотворение «Рабочему» (1907), завершая каждый раз то угрозу, то мольбу, то негодование богача, ибо ему приходится иметь дело с восставшим классом в пору революционного подъема и только силой теперь не возьмешь: надо хитрить, надо расколоть единство рабочих, попытаться найти в нем слабину, трещину.

Мы — богачи, мы — богачи! Почет и слава — нам!

А если нам дана казна, то и держава — нам!

И власть над ней принадлежит — подумай здраво! — нам! —

Хозяев сборищем зевак ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Скажи, кому обязан ты работою своей?

За наши добрые дела ты нам дерзить не смей!

Да ты за это нам воздать когда-нибудь сумей!

За честь клеймить нас так и сяк ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?..

И, как часто в поэзии Сабира, мотив развенчания равнодушия власть имущих к нуждам беднейших слоев народа ярко выражен,

многократно повторен и сгущен в редифе, например: «Нам что?», «Я совсем ни при чем!», «Какое дело мне?», «Мне-то что?».

Роль своеобразного редифа играет и группа слов — повторяющиеся строки, часто две, в конце каждой строфы. Сабир шлифует и эти строки, заботясь об их ударной силе. Вот некоторые из повторяющихся строк: «Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути! Пора поддержку нам друг в друге обрести!» («К согражданам мусульманам и армянам», 1905); «Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь! И рабочий изгоняет из себя раба теперь!» («Бакинским рабочим», 1906); «Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело? Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?» («Что мне за дело?», 1906); «Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбьются пока!» («Один ответ на два вопроса», 1907); «Бежим, мой сын! Здесь суший кавардак!» («Ах вот как здесь поставлены дела!..», 1909); «Ко мне покупатели! Рей продаю!..» («Продаю!», 1909); «Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?» («Пахнет обманом», 1909); «Мы — brave орлы! Дела у нас идут!» («Марш умников», 1910) и т. д.

Данью многовековой поэтической традиции был и выбор автором псевдонима. Издавна в восточной поэзии было принято заключать строфу (а иногда, в поэзии крупных форм, и начинать) псевдонимом, который служил знаком авторской принадлежности. Известную роль при этом в древности играли объективные причины — в частности, отсутствие печатных станков и стремление зафиксировать принадлежность произведения перу данного поэта. Выбирали псевдонимы, как правило, по названию места жительства (к примеру: «Ширвани», «Гянджеви» — «из Ширвана», «из Гянджи») или содержащие как бы характеристику («Совершенный», «Гармоничный», «Влюбленный»). Случалось, однако, что псевдонимом избиралось понятие не возвышенное, а низменное, с целью отвратить эпитогонов, «избавиться от двойников», как писал великий азербайджанский поэт XVI века Мухаммед Физули, чей псевдоним означает: «Дерзкий», «Наглый», «Сующий свой нос во все дела», «Пристающий ко всем».

Выбор поэтом псевдонима — это, как сказано, дань традиции. Но множественность псевдонимов Сабира говорит и о другом. Во-первых, псевдоним зачастую был нужен поэту, чтобы спрятаться за ним, скрыть свое авторство, обезопасить себя и семью от провокаций и нападений; фанатики и власть имущие могли пойти на все, чтоб заглушить бунтарский голос поэта. Во-вторых, псевдонимы играли функциональную, идейно-содержательную роль, создавали эффект тождества или контраста с изображаемым. Многогранны стиливые оттенки его поэзии — ирония и сарказм, издевка и глумление, обличение и гнев, лирика и юмор, смех сквозь слезы (не случайно некоторые стихи подписаны псевдонимом «Смеющийся сквозь слезы»).

Не всегда направленности стихов отвечает псевдоним «Терпеливый», и тогда поэт избирает другие, соответствующие духу стиха псевдонимы: чаще всего «Хопхоп» — это птица угод, будящая людей на рассвете и очищающая сады от вредителей, иногда — «Впереди идущий, закованный в цепи», «Совершенный»... Псевдонимов у Сабира свыше пятидесяти («Скачущий по реке», «Паук», «Толстошей», «Человек с согнутой шеей» и даже «Легкомысленный, или Тетушка Тукезбан», «Раб брюха», «Колеблющийся» и другие). Сабир может спрятаться за именем свергнутого иранского шаха Мухаммедали и его устами поведать о блаженных и, увы, ушедших днях, когда можно было безнаказанно обирать и обманывать народ. Зачастую, касаясь тех же революционных иранских событий, Сабир подписывает сатиры именем реального персидского поэта-сатирика XIX века Абу Насра Шейбани, будто говоря: «Он жив, он творит, вот его стихи, он продолжает развивать в новых революционных условиях мотивы своей поэзии — протестует против несовершенства общества, жалуется на лихоимство властей, взяточничество чиновников!..»

После двух лет учебы поэту пришлось оставить школу, чтобы помогать отцу в лавке. Но Алекбер продолжал писать стихи, и однажды разгневанный отец разорвал его рукопись. Впоследствии Сабир отразит в своей поэзии эти события, создаст типический образ человека, враждебного всякому знанию («Ну что хорошего нашел мой сын в ученье», 1906; «Изучение наук», 1906; «Отцовский наказ», 1906; «Наставление сыну», 1907; «Еще малыш», 1908; «Ах вот как здесь поставлены дела!..», 1909; «Сочувствовать школе? Ну что за народ!..», 1910).

Чтобы вырваться из-под строгой опеки отца и получить возможность всецело отдаться поэзии, Сабир решил покинуть отчий дом и отправиться в путешествие. Идею поездки по странам Востока укрепил в молодом поэте, очевидно, и его учитель Ширвани, получивший образование в известных мусульманских духовных семинариях Ирака и Сирии — в Неджефе, Багдаде и Дамаске, но впоследствии отказавшийся от духовной карьеры, всецело отдавшись педагогической деятельности и поэтическому творчеству. Чтобы получить разрешение отца, Алекбер отправился в путешествие по странам Востока под предлогом паломничества к мусульманским святыням. Сабиру было в то время уже двадцать два года. Он побывал в Средней Азии и на Ближнем Востоке, посетил Самарканд, Бухару, Мешхед. Увидел нищету, отсталость, невежество, религиозный фанатизм, обман и лихоимство власть имущих — все это укрепляло Сабира в убеждении, что только сатира может быть уделом настоящего поэта.

Известие о смерти отца ускорило возвращение Сабира на родину.

А потом женитьба, семейные заботы, тяжелое материальное положение (у Сабира было восемь дочерей и один сын).

Стихи не давали средств к существованию, и Сабир вынужден был открыть лавку, заняться мыловарением, чтобы содержать семью. Так, уже став известным в городе поэтом, он продолжал вести затворническую жизнь мелкого торговца и ремесленника, деля со своими согражданами радости и горести их скромного существования. Сильное землетрясение в Шемахе, принесшее огромные бедствия и гибель тысяч людей, разрушило и дом Сабира. Тем временем в стране назревали революционные события. Начались политические демонстрации в Баку, и на всю страну прогремела знаменитая декабрьская стачка бакинских рабочих в 1904 году. Страна шла к революции 1905 года.

В 1903 году начала выходить газета «Шарги-Рус» («Русский Восток»), сыгравшая значительную роль в развитии азербайджанской литературы, и появилась первая публикация Сабира — стихи по случаю выхода газеты, в которых наметился сатирический поворот творчества поэта. Сатирический гнев только зреет и набирает силу в этих пока еще наивных и декларативных стихах.

Интерес к гражданской тематике укрепил в Сабире Аббас Сихат (1874—1918), видный азербайджанский поэт-просветитель и общественный деятель, переводчик поэзии Пушкина, Лермонтова и Некрасова на азербайджанский язык.

Известный азербайджанский писатель Абдулла Шаик (1881—1959) вспоминает свою первую встречу с Сабиром, состоявшуюся в августе 1905 года, когда он посетил Шемаху, «колыбель поэзии и искусств Азербайджана, город, взрастивший таких больших поэтов, как Хакани, Фелеки, Насими, Бахар и Сеид-Азим»: «В тот вечер Сабир и Сихат пришли навестить нас. С обонми мы познакомились впервые». Потом они отправились в лавку Сабира. «Показывая сваренное им самим мыло, Сабир с улыбкой сказал: „Моем мылом я помогаю своим согражданам очищать кожу, а стихами — мозги“».

Именно на 1905 год приходится программное стихотворение Сабира «К согражданам мусульманам и армянам», публикация которого вызвала значительный общественный резонанс. Стихотворение, пронизанное общенациональными мотивами, зовущее к единению народов, к их союзу и братству, было направлено против спровоцированного царизмом столкновения между азербайджанским и армянским народами.

Это стихотворение — образец публицистической лирики, открыто выражающей гражданскую идею, и не случайно в Азербайджане оно получило известность под названием «Интернационал». Либеральная газета «Хаят» («Жизнь»), где было помещено произведение Сабира, предпослала стихотворению примечание о том, что редакторы «сочли

необходимым внести поправки». К сожалению, оригинал стихотворения не сохранился, но, зная о бунтарской направленности поэзии Сабира в годы первой русской революции, можно предположить, что радикальные поправки носили отнюдь не «стилистический характер», как о том уведомяла читателей либеральная газета, а касались идейной направленности стихотворения. В нем Сабир намечает те мишени, по которым он будет бить отныне. Пришла ясность, понимание того, кто враг:

Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом?
Всплывет ли косность вновь? Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром. . .

Определенно обозначилась цель творчества. Разбудить народ, разорвать сети коварства, ополчиться на косность и невежество — вот программа, которую намечает себе Сабир.

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Всё мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

Революция 1905 года вызвала к жизни сотни сатирических журналов и среди них журнал «Молла Насреддин», основанный в апреле 1906 года в Тифлисе. Его издатель, выдающийся азербайджанский писатель, прозаик и драматург Джалил Мамедкулизаде (1866—1932), так же как и поэт-сатирик Сабир, стал одним из виднейших представителей критического реализма в азербайджанской литературе. Писателей разбудила революция, и журнал как детище революции стимулировал развитие творчества прогрессивных азербайджанских писателей, сформировал целое поколение деятелей азербайджанской культуры, получивших название «молланасреддинцев» — писателей, журналистов, художников, публицистов. Его выписывали и читали на всем Ближнем и Среднем Востоке, в «мусульманских» краях России, а также в Иране, Турции и Индии.

Джалил Мамедкулизаде впоследствии писал, что Сабир был для журнала счастливой находкой. «В первом номере первого года издания «Молла Насреддина» было напечатано, — вспоминал Джалил Мамедкулизаде, — сатирическое стихотворение как образец произведе-

дня, более всего подходящего к стилю журнала, — «Горе от языка». Автор этого стихотворения вовсе не был поэтом. Мы напечатали его как образец, чтобы показать, какой поэт нам нужен. Мы искали Сабир(*...*) И стихи эти, сами по себе несовершенные, увенчались большими результатами: на ширванской земле первый номер «Молла Насреддина» попал в руки Алекбера Сабир, прячущегося за мыловаренным котлом от такого лютого волка, как кази — духовный судья Гаджи Меджид-эфенди. «Пах, пах, пах! Здорово!.. — вскричал Сабир, прочтя. — Ай, жена, дай мне перо и крепко закрой дверь! Если кто спросит, скажи — ушел продавать мыло! Чтоб ни один мюрид и кочи Гаджи Меджида-эфенди не узнал! А то забросают меня камнями. Получай, Молла-ами, дядя Молла!» Да! А куда девался автор «Горя от языка»? Он тотчас закрыл рот, да и что ему оставалось делать? Сабир мужественно бросился в бой на майдан „Молла Насреддина“».

Джалил Мамедкулизаде чуть позже писал, что однажды к ним в типографию пришел юноша и, протянув пакет, скрылся. Юноша дважды принесил анонимные стихи, которые в журнале печатались, и лишь после долгих и упорных расспросов удалось узнать, что автор стихов — Сабир. Так встретились журнал и Сабир, и до конца дней поэт в каждом номере еженедельного журнала печатал стихи. И первый псевдоним — «Хопхоп» («Удод»), как вспоминает Джалил Мамедкулизаде, дал поэту журнал.

Сабир верил в силу слова, дающего «всему живому свет». Верил, что оно, «став правды смелым лучом», в состоянии будить человека, клеймить порок и, сотворенное истиной, обладает властью мудрого воспитателя. Эта вера, связанная с просветительской традицией как письменной восточной поэзии, так и поэзии народной, устной, ашугской, дала Сабиру силу, и он бесстрашно бросился в бой с беками, помещиками, моллами, капиталистами-нефтепромышленниками, замахнулся на власть тиранов, на тех, кто пытается лживыми красивыми словами усыпить народ, погасить его революционный дух.

Многokrатно в течение всего творческого пути Сабир славил слово, которое есть «воплощение света и ума». Именно слово, речь, язык выражают идеи свободы, верности, доблести, чести («Слово», 1906; «Поэтический мотив», 1907; «Истина», 1908; «Обращение к языку», 1911).

Поэт декларирует и собственными стихами реализует свою гражданскую программу:

Призван я быть поэтом. Стих — честный голос мой.
Пишу о хорошей славе и о молве плохой.

День обожу лазурью, ночь покрываю тьмой,
Кривое кривым рисую, прямое строкой прямой...

(«О чем писать?», 1908)

В поэзии Сабира просветительская традиция обогатилась новым качеством, приобрела революционно-демократическую направленность. И здесь он следует традициям своего великого предшественника Мирзы Фаталли Ахундова (1812—1878), первого азербайджанского прозаика и драматурга, с чьим именем связано формирование нового художественного метода в литературах народов Ближнего и Среднего Востока — критического реализма. Решительно выступая против произведений нравоучительных, дидактических, Ахундов считал, что такие произведения не могут принести народу пользу. «Истина, написанная в стиле нежных отеческих назиданий, — писал он переводчику своих пьес на персидский язык, — не оказывает никакого влияния на людей, привыкших к дурным поступкам. Эти назидания и проповеди вызывают лишь отвращение у читателя». Критический реализм Ахундова был развит в прозе и драматургии Джалила Мамедкулизаде и в поэзии Сабира. Более того: изображение действительности с позиций рабочего и крестьянина-батрака (а именно их голосом заговорил Сабир), показ жизни труженика-пролетария, его стремления революционными средствами изменить мир угнетения, вытравить из себя раба, добиться права на свободный труд — разработка в поэзии этих проблем предопределила значение творчества Сабира в азербайджанской литературе, выдвинула его в число писателей-реалистов, в чьих произведениях начали возникать элементы нового художественного метода — социалистического реализма.

В своих программных стихотворениях Сабир беспощадно вскрывает и клеймит социальное зло, олицетворенное во власть имущих, но и выступая с позиций рабочего и крестьянства, думая об их благе, подвергает резкой критике пороки, свойственные людям, ополчается против их невежества, темноты, пассивности, рабской психологии. В его стихах звучит также мотив терпения и веры в то, что наступят светлые дни.

Вряд ли отыщется в азербайджанской поэзии другой поэт, который бы сказал столько горьких слов о своем погруженном в спячку и плененном суевериями, обманутом властью имущими земляке-труженике, как Сабир. Мотив сна — один из доминантных в поэзии Сабира.

Черт побори, уснул же этот малый! Как мертвый спит!..

..Хоть скорпион в него вонзил бы жало, — как мертвый

спит!..

...Кой-кто уже из русских дам, представьте, щебечет: «Ах! Ведь этот мусульманин, я слыхала, как мертвый спит!..»

...Неужто этот богатырь удалый как мертвый спит?!»

(«Черт побери, уснул же этот малый...», 1907)

Здесь сказывается позиция поэта-гражданина, который с душевной болью отмечает, что массы погружены в сон, что многими он еще не понят, но верит, что это понимание придет, что горький смех сатирика послужит на благо его земляков-братьев. «Так будь терпеливым, — восклицает Сабир, обращаясь к самому себе, — ты терпишь от братьев своих, Страдаешь за родину ты — и гордостью сердце полно» («Поэтический мотив», 1907).

А вот обращение к забитому, темному, невежественному человеку:

Зачем же ты так тарщишь, читатель, глаза, скажи?
Иль в зеркале ты увидел себя целиком во лжи?

..Странно! С дороги правды ведь я свернуть не спешу,
О том, что воочью видел, и четверти не пишу.

..Пойми свои недостатки, не злобствуй, других кляня..

(«О чем писать?», 1908)

Сабир-сатирику не чужда светлая надежда, ему видится будущее сквозь тьму рабства и нищеты, он поэтизирует труд пахаря, воспевает его любовь к земле, радость слияния с землей-кормилицей, право труженика на лучшую долю:

Весь мир в чудесных солнечных лучах,
У пахаря сегодня гордый шаг.

Хотя железный плуг велик, тяжел,
Его усердно тянет крепкий вол.

Взрыхляет землю пахарь, весь в поту,
Бросает зерна в землю, в темноту.

И чем работа жарче и трудней,
Тем больше у него охоты к ней.

Он знает: только мужество и труд
К заслуженному счастью нас ведут.

Пусть ныне трудно, но зато зимой
Придут к нему и отдых, и покой.

Он с поля добрый урожай сберет,
Прокормит и семью, и свой народ.

(«Пахарь», 1909)

Простой, бесхитростный рассказ приобретает характер символического обобщения, за идиллической картиной проступает социальный оптимизм, создается единство таких понятий, как земля, труд, пахарь, народ, возникает мотив светлого, доброго будущего, имеющий как реальный, так и идеальный смысл.

Но порой поэту изменяет его оптимизм, и он готов впасть в отчаяние:

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом море мне стоять...

...Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне стоять...

...Сабиром, окруженным злом, в земном просторе мне стоять.

(«Мне стоять», 1907)

Снова — толща вековых предрассудков, сквозь которую трудно пробивается луч надежды; тяжкий сон, в который погружена масса народа, гнет беков, помещиков и реакционных священнослужителей; в рабстве мысль; разгул фанатиков и наемных убийц — кочи; догматическими предписаниями регламентирована жизнь человека... Сабир горько восклицает:

Мне страшно дышать между лживых, дурных!

Я вижу кровавые замыслы их.
Жить рядом с коварством, со злом — я боюсь,
Боюсь, боюсь, боюсь!

(«Боюсь!», 1907)

И нет предела его горечи, когда он видит, как глубоко въелась в сознание унижающая человека рабская психология:

В полудремоте мы, во власти грез —
Вот доля наша.
Да, перельется — жди! — от горьких слез
Терпенья чаша...

...Пред злом робеем,
Как овцы блеем...

...Роптать не смеем...

(«Судьбы коварство испытал наш край», 1906)

Излюбленный прием Сабира — непосредственный призыв, прямое обращение к читателю — и к тем, кого поэт высмеивает, пригвождает к позорному столбу, и к тем, кто вызывает у него искреннее сочувствие.

Поэт клеймит бакинских кочи — наемных убийц, к чьим услугам прибегали нефтепромышленники и царская полиция для расправы с рабочими-революционерами, — и здесь он применяет форму прямого обличения, требовавшую от поэта гражданского мужества — не таясь, бросить в лицо бандитов и стоящих за ними сильных мира сего слова, полные презрения и гнева («Бакинским кочи», 1906). Образ «ножа в ладони у кочи» не раз возникает в сабировской поэзии. Именно к нему обращается поэт, развенчивая лицемерие мракобесов, для которых вера — как нож в ладони у кочи: страшать и грабить «скованный народ», держа его в постоянном повиновении.

Другой мотив поэзии Сабира — обращение к человеку, в ком будущее нации, «надежда родины моей». Но, увы, талант его зарыт глубоко в землю, раздавлена его честь, некому проявить о нем заботу — он изгнан, бит, унижен. Это мальчик-сирота, который бредет и плачет навзрыд, и кусок хлеба у него омыт слезою. И неоткуда ждать помощи: беки-толстосумы «грызутся из-за теплых мест и жирного куска».

О нация, позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!
Дитя мое! Пускай храпят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума.

(«Бредешь и плачешь...», 1908)

«Тебя не воскресить пока», — пишет поэт, и ему видится единственный выход: социальный переворот, способный вызволить человека из нищеты и бесправия. Каждая весть о победе тебризских революционных сил, возглавляемых Саттар-ханом, вызывает открыто восторженные строки Сабира:

Меня безумцем не сочти, читатель: я восторгом пьян!

...Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!..

...Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

(«Саттар-хану», 1908)

Мотивами восторга, ликования проникнуто и стихотворение, прославляющее революционный порыв народа:

Да, брат, персидский жив народ! Всем страсть его сейчас видна!
...Ах, бьются скорбные сердца живей при чтении газет...

...И так светло у всех в груди, что из-под век струится
свет.

Волна событий со страниц сквозь темень общих фраз видна...

...И слава новая зажглась, а старая лежит в грязи.

(«Да, брат, персидский жив народ! . . .», 1910)

Каждое стихотворение задумывается Сабиром как панорама, охватывающая разные стороны действительности. В газели «Боже, слава тебе! . . .» (1907) автор создает панораму социальных зол, бед, дает образ мира угнетения и рабства. Части этой панорамной картины соединяются с помощью редифа: «Боже, слава тебе!», в котором слышится и негодование, и ирония, и сарказм, и издевка: поэт благодарит аллаха и за бессердечных дворян; и за тех, кто получил почет и сан, но равнодушно взирает на горе народа; и за кровь, что затопила Баку, — кровь патравленных друг на друга народов, кровь революционных рабочих, павших от руки наемных убийц, «за страданий и слез океан»; и за «честнейших людей, что всерьез помогают лжецам Замышлять сверх обмана обман», — сквозная рифма ведет поэтическую мысль автора, а рефрен: «Боже, слава тебе!» — замыкает каждый новый ряд.

Мотив «мудрости» всевышнего, наплодившего на земле столько бед (автор подчеркивает их социальный характер), не раз слышится в поэзии Сабир:

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?

Сердца холодные как лед на что тебе, аллах?

Чем зло сильнее, тем с каждым днем смиренней человек, —
Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, аллах?

...Когда из горьких слез людских сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах? . . .

...Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

(«На что тебе, аллах?», 1908)

Наряду с прямыми призывами и критикой, Сабир чаще — и особенно в журнале «Молла Насреддин» — прибегает к поэтическим формам и приемам опосредованного осмеяния пороков существующего социального строя.

Представители разных социальных слоев получают слово в его сатирах для того, чтобы не таясь затронуть сокровенное, коснуться проблем, волнующих мир, в столкновении мировоззрений раскрываются противоречия государственно-политического строя.

Это и помещик, равнодушный к нуждам народа, и капиталист-хищник, и обыватель, и купец, и ни к чему не способный, но высокомерный и заносчивый бек-аристократ, и тупоголовый невежда, и, наконец, те, кто стоит на самой высокой ступени деспотической иерархии — иранский шах и турецкий султан.

Прием саморазоблачения героя, впервые в азербайджанской литературе примененный Сабиром и отточенный им до совершенства, — настоящее открытие поэта. В этих самоизлияниях — открытость на уровне цинизма. Никто ни перед кем не таясь, спешит изложить свою программу жизни, свое восприятие событий: схитрить где надо, спрятаться за лживыми фразами, когда того требует обстановка, а порой прямо высказать свою враждебность народу, прогрессу, наукам и образованию, не скупясь на советы «своему брату».

«Что мне за дело?» — говорит хапуга — прожигатель жизни. Ему нет дела ни до народа: «Пусть грабят мой родной народ... Пусть он страдает от невзгод...», ни до отчизны: «Пусть пухнет с голоду весь мир...», ни до прогресса: «Тсс! Не шуми! Пусть люди спят!» («Что мне за дело?», 1906). Не на шутку напуган революционными выступлениями рабочего класса — бакинских пролетариев — хозяин-капиталист. «Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь! И рабочий изгоняет из себя раба теперь!» — возмущается он. И здесь же увещевает и стыдит «обнаглевшего» бедняка-пролетария, ратует лицемерно за союз и братство работодателей и рабочих:

Но нельзя позволить, чтобы рядовой рабочий стал
В жарком споре с богачами смелым, твердым, как металл,
Чтобы вольно и открыто полной грудью задыхал
И хозяина-владыку вдруг бояться перестал!

(«Бакинским рабочим», 1906)

Рабочего надо призвать к порядку, напомнить, что его обязанность — служить «богатым с миром, как до сей поры служил»: «Брось, любезный, эти штучки! Не жалея горба и сил...» И непре-

менно предупредить «своих»: «Не сплошай!(...) Если даже прав рабочий, ты свою неправду гни!..»

Многолик мир фанатизма и невежества, уродующий душу человека, прививающий ему пассивность и лень мысли. Что советует фанатик правоверному в тот день, когда у него родится сын?

Пошли за колдуном, чтоб козни злого джинна
Не тронули дитя.

Дай крошке талисман, припомни все приметы
Юродивых старух,
Используй заговор, заклятья, амулеты —
Смути нечистый дух!

...С младенчества дитя учи отборной брани,
Стараний не жалей.

...Одним его не мучь — не посылай учиться.

(«В тот день, когда аллах тебе дарует сына...», 1906)

«Ну что хорошего нашел мой сын в ученье? — бранит отец семейства жену, «шайтана дочь», вынудившую его отдать мальчишку в школу. — Когда же ты поймешь, Что денег не сулит нам книжная наука — Нам их дает грабеж!..» («Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?..», 1906).

Часто Сабир выводит на сцену отца, читающего нравоученья сыну: «Мой наивный сын!.. Школа — вот источник бед, вот источник боли! Что нашел ты в школе?» («Изучение наук», 1906).

Монологическая форма сатир Сабира своеобразна. В монологах автора слышатся голоса враждующих сторон: капиталиста и рабочего, крестьянина-пахаря, бедняка и помещика. В этом «споре», казалось бы, «наступает», приводя убедительные доводы в свою пользу, богач, он грозит, умоляет, становится в позу обиженного, «жертвы». Его доводы делают понятной и позицию рабочих. Их взгляды, борьба, идеалы, во имя которых идет бой, в отраженном свете присутствуют в исповеди богача.

Помещик в своем недоумении («Чего бунтуют? ведь не будь его — погибли бы с голоду!..») и возмущении («Ведь до чего дошли? на благодетеля руку поднимают! ни стыда ни совести! раскричались как!..»), как и капиталист в обращении к рабочим, дает читателю возможность увидеть разные типы крестьян, их расслоение под влиянием революционных событий. Мы видим и тех крестьян, кого уже не обманешь и кто пойдет до конца — погибнет или побе-

дит; и тех, кто еще в плену предрассудков и их можно подкупить, пообещав подачки; бунтарей и робких, борцов и слабых духом. И на все случаи жизни бедняка есть свое мнение у бека в знаменитом его монологе — обращении к пахарю, «экинчи»:

Что тяжелым был год у крестьян — я совсем ни при чем!
Что взошел вместо хлеба бурьян — я совсем ни при чем!
Что погибли чалтык и баштан — я совсем ни при чем!
 Винovat же не я, а какой-то там зной, экинчи!

Но помещик свое возьмет: «Вывру к черту глаза и печенку твою, но возьму! Плетью голое тело твое обовью, но возьму!», потому что:

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан!
Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян!..
 ...Таково положенье мое под луной, экинчи!
Я ведь бек, а не пахарь, не червь земляной, экинчи!
(«Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи...», 1907)

Поэт довел до совершенства и выявил неисчерпаемые возможности монологической формы, которая в дальнейшем получила широкое развитие в азербайджанской советской литературе, и не только в сатирической поэзии, но и в новейшей прозе в виде «внутреннего монолога».

В творчестве Сабира широко использованы и собственно диалогические формы, уходящие своими корнями в традиции азербайджанской народной поэзии. Диалоги — емкая форма, дающая разностороннюю картину нравов. Насыщая их острым социальным содержанием, поэт выявляет в их столкновении интересы реакционной власти и бунтующего простонародья; передового мыслителя и отсталого фанатика; сторонника свергнутого шаха и недоумевающего правоверного; смиренного обывателя и воинствующего мракобеса и т. д. и т. п. («Вопрос — ответ», 1907; «Пусть не будет», 1908; «Пахнет обманом», «Выкладывай!», 1909; «Задуманный разговор», 1910; «Диалог», «Любовные похождения Мемдели в Европе», 1911 и др.). Диалоги эти, как правило, остроконфликтны: власти требуют от граждан — не смей глядеть, молчи, не слушай, не смейся!.. «Что ж, — отвечает гражданин, — не смею, не гляжу! молчу, ни слова не скажу!» И лишь на запрет думать гражданин отвечает: «Нет!», ибо: «На мысль, прости, не выдуман запрет! Коль я живу в бушующем огне, Я вместе с ним пылаю наравне».

С точки зрения невежды нормальные вопросы воспринимаются как посягательство на основы веры, кощунство. Грех («шайтан в

башку проник!»), если кто-то читает газету, отдает сына в школу, неразлучен с книжкой, даже если занят мирскими делами, бреет голову и стрижется — это тоже грех!.. Даже европейская любовница изгнанного шаха оказывается значительно более нравственной, чем он, и устами «мадмазель» сатирик подтверждает правоту тех, кто изгнал шаха: «Весь в крови твой трон!.. Потопил Иран ты в крови!.. Ты — забытый всеми подлец, Твой давно растоптан венец!.. Изумлять весь свет не хочу! Жить с дубиной? Нет, не хочу!..»

Новаторство Сабира проявилось и в том, что он создал новые емкие формы, рожденные на стыке драматургии и поэзии, прозы и поэзии («Беседа двенадцати мужей на собрании», 1906; «Вопрос — ответ», 1907, 1908). Цифра двенадцать — символическая у мусульман, часто правоверный клянется «двенадцатью имамами-апостолами»; у Сабира «двенадцать мужей» — это своего рода «духовные предводители» народа, и каждый раскрывает сокровенную свою суть: и адвокат, который, «неправого правым в суде называя», на корню уничтожил правосудье; и врач — горе-лекарь, который, «причину болезни больного не зная», заставлял плакать «большого родню»; и купец-мошенник; и служители религиозного культа: розехан — духовный служитель, повествующий о мучениях «святых», вымогатель и пройдоха; софи — фанатик, одурачивающий темный народ; плут-молла; лживый дервиш; ученый, которому нет дела до просвещения народа; поэт, оторванный от нужд народа, чей предмет поэтического вдохновения лишь розы, соловьи и любовь. А что газетчик? «А я, чтобы место заполнить в газете, Искусно растягивал жвачку статей».

А в «Маленькой сценке» (1911) наблюдается синтез трех жанров: прозы, поэзии и драматургии. В прозе излагаются события, в стихах звучит восторг старого крестьянина, что наконец-то дана «конституция». Помещик гасит преждевременную радость хлебопашца, и начинается драматический диалог, завершающийся тем, что несчастного крестьянина, не ко времени изъяснившего свои чувства «хозяина» земли, избивают, так как на страже интересов помещика стоит полиция и «верзилы-головорезы».

В поисках новых форм Сабир стремится расширить экспрессивные возможности слова, найти емкую форму для обуревающих его чувств. Эти чувства находятся в причудливом сочетании, ибо поэт в одно и то же время при виде одного и того же явления может грустить и шутить, негодовать и печалиться, стонать и смеяться, впадать в отчаяние и возгораться надеждой.

Сабир выступил выразителем интересов беднейших слоев своего народа. Голосом поэта заговорил в азербайджанской поэзии пахарь, бедняк крестьянин, с его нищенской долей, патриархальными иллю-

виями, невежеством и стихийным бунтом, протестом против пасля.

С каждым стихотворением росла слава Сабира. Росло и число его врагов. За всеми бесчисленными псевдонимами фанатики узнавали руку поэта. «Плохи мои дела, — как-то сказал Сабир, будучи в Баку, редактору прогрессивного журнала «Дебистан» А. Джафарзаде. — Автор сатир на молл, беков и ханов тут же становится известным. Как бы я ни подписывался, меня узнают по почерку, манере письма, стилю. . . Что делать? Если изменить манеру письма, язык, убеждения, то какова будет цена всему, что я пишу? Что бы ни случилось, я не сверну с избранного пути, до самой своей смерти не прекращу будить стихами народ от спячки невежества.

* * *

Как уже отмечалось, значительное место в творческом наследии Сабира занимают произведения, посвященные иранской и младотурецкой революции 1905—1911 годов. При этом Сабир преследовал как бы две цели — собственно отклик на важнейшие события, всколыхнувшие Восток, и косвенное привлечение внимания к революционным событиям как в России вообще, так и в Закавказье в особенности.

Первым стихотворением Сабира, в котором поэт остро откликается на иранские революционные события, была «Исповедь Гаджи-Мирзы Гасана» (1906). Реакционный молла, изгнанный революционным народом, исповедуясь, обнажает свое истинное лицо. За этой исповедью незримо стоит автор: вкладывая в уста героя саморазоблачительный рассказ, он активно формирует и отношение читателя к реакционеру; последние строки сатиры — это исповедь «героя» и приговор ему восставшего народа.

Поэзия Сабира чутко реагирует на революционные события: подъем революции рождает ликование, а спад (вызванный тем, что властям удалось обещаниями конституционных свобод сбить народную волну) — настороженность, горечь, сожаление. Задачу революционной поэзии Сабир видит не только в том, чтобы будить народ от спячки, пассивности и воспеть революционный дух и борьбу, а и в том, чтобы не дать народу обмануться иллюзиями, поверив в обещанную конституцию, обещанные свободы. Причем зачастую Сабир имеет в виду не только и не столько собственно иранские революционные события, сколько более общие внутривосточные проблемы, политику царизма, пытающегося обманом погасить революционные пламя в стране. «Вот тебе и кукареку!» — насмешливо говорит Сабир о призрачности обещанных свобод:

Показалось мне, что зреет заря.
«Кукаре-еку!» — запел я. А зря:
Кто-то камнем мне дал по перу.

Первые же удары повергли обывателя в отчаянье, и он поспешил
«под прикрыть»:

«Я не бу-у-ду!» — пишу и молю...

...Кукарекать погас во мне пыл,
значит, стал я умнее, чем был.

(«Вот тебе и кукареку!», 1907)

Образ петуха — предвестника зари пользовался в годы первой русской революции большой популярностью. В одном из издававшихся в те годы в Тифлисе журналов, «Кукареку», на обложке был изображен петух с гордо поднятой головой, символизирующий наступление нового утра, а в ногах его валялись разорванные звенья цепи.

Некоторые сатиры Сабира печатались в журнале «Молла Насреддин» как органические части прозаических фельетонов, принадлежащих перу Джалила Мамедкулизаде. Один из фельетонов был посвящен выходцам из Иранского Азербайджана, которые прибыли в Россию в поисках работы, опасаясь голодной смерти; чаще всего эти выходцы устраивались работать на нефтяные промыслы, и их презрительно называли «амшари». «Боюсь я, — завершал фельетон Дж. Мамедкулизаде, — что вы понадеетесь на всякие там свободы и снова погрузитесь в глубокий сон. Не надо обманываться, тешить себя всякими иллюзиями. Лучше послушайте, что говорит об этой самой свободе наш поэт Хопхоп...» И далее следовало стихотворение Сабира «Свобода» (1907). Иранцу, гнущему спину на нефтяном промысле, чтобы накопить денег и отправить их голодающей в Иране семье, снится морской берег, где лежит и ждет отправки свобода, сваленная в тюках.

Я стал покорнейше просить: «Друзья, мне дольку уделите!
Кусочек только. Знать хочу, что беднякам дает свобода».

«Прочь! Руки коротки твои! — мне крикнул кладовщик сердито. —
Тебе, чужак, не разрешит вкусить запретный плод свобода!..»

.. Я, огорченный, отошел в сторонку, грустно ожидая,
Что, погрузившись на корабль, покинет нас вот-вот свобода.

.. Но вдруг огромный черный флаг затрепетал на главной мачте.
Я понял этот скорбный знак: там ждут — сейчас умрет свобода.

В который раз Сабир возвращается к теме обманутых надежд: в Иране надеялись на выборный меджлис, а в России — на Думу.

Ну, где твои надежды? Где? Ответь, наивное дитя.
Ведь ты, я помню, ликовал, в прогресс поверив не шутя.
Иль ты прозрел и различил поток высокого вранья?
Теперь признайся, погляди, не я ль орешек
раскусил?

(«Или, где твои надежды? . . .», 1907)

Может быть, Сабир обращался с этими горькими словами и к самому себе, и к тем, кто, как он, верил в наступление нового светлого дня?

Еще одна страна, в которой вспыхивают от огня первой русской революции революционные волнения, — Турция. И снова — иллюзии, надежды, крах, переживаемые народом. И поэт, чутко реагирующий на мировые события, предостерегает:

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Сабир предупреждает турецкий народ: не верь, что «Свободу слова вам дадут, — мол, говори, народ!», не верь, что отныне можно открыто говорить «о том, что душу мучит».

Османец, право, ты чудак! Ты весь в плену прикрас!
Вам конституция дана — уж ты пустился в пляс.

...Свободу совести и мы однажды обрели,
И наш счастливый смех летел к народам всей земли.

(«Османец, нет, не верь опять. . .», 1908)

Сабир видит слабости турецкой революции и подвергает критике как раз те качества младотурков, которые, как отмечал в это же время В. И. Ленин, расхваливаются европейскими державами, — умеренность и сдержанность.¹

В поэзии Сабира в полном обличье предстает характер деспотического правителя, будь то иранский шах, изгнанный революционным народом, или его турецкий собрат — османский султан. Они

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 223.

саморазоблачаются в своей опьяненности былым величием; в убежденности, что ничто не может поколебать их власть; в готовности продать и предать все и вся, лишь бы сохранить свое право безграничной власти. «Я — могущественный шах, подо мной — страна моя! — хвалился шах. — Конституция — ничто! Власть еще сильна моя!»

В самых разных обличьях предстает на страницах журнала шах Мухаммедали или Мамедали: здесь и шах на троне, уверенный в себе, и шах унывающий, свергнутый народом. В одном стихотворении Сабир использует форму диалога, лицом к лицу сталкивая «товарищей по несчастью» — иранского шаха и турецкого султана Абдул-Гамида («Диалог», 1911). В другом султан жалуется шаху на свою печальную судьбу: «Тридцать лет я власть держал — отобрали в пять минут» — и пытается утешить венценосца:

Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: «Вай-вай!»
Ведь еще кальян — твой! . .

. . . Мемдели, не удирай,
Не зови врага в свой край:
Ведь еще майдан — твой!

(«Мне не повезло», 1909)

Но наступает момент, когда в диалог вторгается некто третий, который подводит итог затянувшемуся разговору двух владык и разрушает их последние надежды: «Твой кальян уйдет из рук, И не только Тегеран — Весь Иран уйдет из рук!»

Изгнан шах Ирана, изгнан и султан Абдул-Гамид, и ему Сабир дает право высказаться, выступить с исповедью — в изгнании, как сообщали газеты, Абдул-Гамид «премного доволен своим состоянием: ест, музицирует, пишет, читает, а порой занимается плотничеством». Сообщение это было опубликовано в стихотворной форме, и Сабир немедленно откликается сатирой, вкладывая в уста бывшего султана следующее признание:

Не думай, что строгать, рубить я начал лишь с тех пор,
Как с горя плотничье постичь решил я ремесло.
Ах, боже мой, еще в те дни, как я султаном был,
Я резал, бил, ломал, рубил — да так, что трон трясло.

(«Тарджумани-Хагигат говорит. . .», 1910)

Для развенчания шаха Сабир использует всевозможные формы сатирической поэзии: пародии, сатирическую оду, шарж, эпиграмму;

и даже, случается, рисует сатирический портрет шаха в форме загадки и ее последующей отгадки. При этом Сабир многократно обыгрывает имя шаха: Мухаммедали или Мамедали он переделывает в «Мемдели» или «Мендели», что означает «я дурак», и в «Мэ'дели» или «Медели», что означает «раб брюха», «толстопузый».

В традициях азербайджанской классики, в частности, в творчестве великого предшественника Сабира Мирзы Фатали Ахундова, было избирать Иран как модель деспотической системы правления для развенчания царского самодержавия и для выражения свободолюбивых идей. Эта тенденция отчетливо реализовалась в середине прошлого века в повести Ахундова «Обманутые звезды». Реальная основа повести, а вместе с тем и символ — модель «восточной» деспотии, дающая возможность для широких аналогий.

Известно, что в подавлении революционного движения иранскому шаху активно помогало царское самодержавие. В. И. Ленин, пристально следя за революционными событиями в Турции и Иране, неоднократно отмечал жандармскую роль царизма, контрреволюционной коалиции держав с Россией во главе.¹ «Предстоит новое избиение персидских революционеров, — пишет В. И. Ленин в работе «События на Балканах и в Персии», — войсками Николая Кровавого». Тем самым намечалось «повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 году, когда Николай I посылал войска против венгерской революции».² И далее: Россия «ведет борьбу с персидской революцией всеми средствами, от интриг до посылки войск».³

Не имея возможности, прежде всего по соображениям цензурным, писать о помощи царя шаху, Сабир прибегал к иносказаниям, чтобы показать единство интересов деспотов, заклеить самодержавие, объединившееся с шахской армией в борьбе с революционным движением. Так, в форме героического сказания Фирдоуси «Шахнаме» Сабир в одноименной сатире рассказывает о сражениях между шахской армией и отрядами революционных сил, «мятежниками».

Комический эффект создается контрастом между высоким стилем, свойственным героическому сказанию, и содержанием сатиры — рапортом шахского генерала: шахская армия позорно отступает, терпя поражение от революционного войска Саттар-хана

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

² Там же, с. 228.

³ Там же, с. 232.

(Сабир по цензурным соображениям не мог назвать имя Саттар-хана, поэтому оставлял в стихах лишь частицу «хан», а перед ним — многоточие). Армия шаха разгромлена. Как рапортует генерал, не помогли и казаки, присланные на подмогу царем.

Касаясь именно этих событий, В. И. Ленин, цитируя «громовую статью» из журнала «Новое время» по поводу «анархии» в Тебризе и о «полудиких революционерах», отмечает, что «победа революции над шахскими войсками» в Тебризе «сейчас же вызвала бешенство русского официоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой газете «азербайджанским Пугачевым».¹

Высокий слог и «низкое» содержание, соединившись в стихотворении Сабира, создали комический эффект:

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?..

...Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!..

(«Шахнаме», 1909)

Успех революции означал бы, как подчеркивает В. И. Ленин, «новый толчок к демократическому движению в Азии, усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России, и так далее».²

Конечно, Сабир не мог так же отчетливо, как большевик-ленинцы, уяснить связь турецкой и иранской революций с мировыми событиями. Но выступления журнала «Молла Насреддин» в защиту революционного движения в Иране и Турции, произведения Сабира, поэтизирующие победу революционного народа, воспевающие Саттар-хана, объективно способствовали формированию революционного сознания народных масс — журнал имел широкое распространение во многих регионах России, населенных тюркоязычными народами, проникал и за пределы России — в Индию и на Ближний Восток.

Мотивы поэзии, сатирические сюжеты Сабир черпает из окружающей действительности. Он видит иллюзорность идеи об улучшении жизни народа путем просвещения и благотворительности, которая сродни подачкам. Отвергает поэт и пессимистические прогнозы

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, с. 227.

² Там же, с. 222.

о несправимости нравов, неверие в возможность устранения насилия.

Самому поэту с каждым годом все труднее живется, он еле сводит концы с концами. Мыловарение не может прокормить семью, и стихами не проживешь. К тому же за них продолжают грозить расправой. Поэт мечтает открыть школу, чтобы учить детей по новому методу, с преподаванием светских наук, — школу, как тогда называли, «русско-татарскую». Это не удается. Как жить? «Вы знаете, каково мое положение в Шемахе. Для таких, как я, здесь тюремный застеноч... Чем дальше, тем больше дела мои приходят в упадок... Моя страсть, моя любовь принадлежит науке и просвещению... Именно поэтому вот уже пять месяцев, как я продал лавку... В прошлом году я лелеял надежду служить своим соотечественникам. Но пришлось горько плакать, ибо уделом моим вместо вознаграждения было наказание... Силы и терпение мое иссякли... От одних получаю оплеухи; кидаюсь к другим — получаю удары кулаком по голове; отвернешься от этих, чтоб найти утешенье у других, — отталкивают, да еще дадут в зубы; отвернешься от них — получаешь удар в спину и падаешь ниц... Состояние ужасное, жизнь на грани печальной трагедии... Нет мочи больше оставаться в Шемахе... Жизнь здесь как каторга» («каторга» написано по-русски).

Наконец получено разрешение на открытие школы в Шемахе, и Сабир называет ее символически: «Школа надежды». Но мракобесы окрестили его школу «бунтарской». По сатирам Сабира можно судить, как относились к школе. Вот «Пожелание» (1909):

Хоть бы не было ремесел, школ, наук и обученья,
От наук и обученья ждут нас только огорченья.

И еще:

Срамить и презирать
Такую школу надо
И чаще посылать
Ее в объятая ада!

(«Ах вот как здесь поставлены дела! . . .», 1909)

Через год Сабиру пришлось закрыть свою школу, и снова — жизнь на стихи, печатающиеся главным образом в «Молла Насреддине», частые приезды в Тифлис, где успешно выходит журнал, в Баку, где начинает издаваться детище «Молла Насреддина» — сатирический журнал «Зенбур» («Овод») с участием Сабира, поиски работы, которые завершились тем, что поэта приглашают пре-

подавать в школе в пригороде Баку — рабочем предместье Балаханы, потом преподавание на вечерних курсах для рабочих нефтепромыслов. И все это время поэта преследуют анонимные письма-угрозы мракобесов. Однажды пришла грозная записка с подписью «Кровавая рубаха»: «Уходи из школы, не то плохо кончишь!..»

Но Сабир продолжает активно сотрудничать в бакинских газетах и журналах. Случается, что почти каждый день стихи Сабира публикуются в прессе под новыми псевдонимами («Копьеносец», «Рогожная игла», «Бек с глазами джинна», «Годжа-бек» («Старый бек») — а то и просто с семью точками вместо имени.

Особенно часто он ополчается против тех, кто лицемерно прячется за фразами о служении народу, о том, что именно у них в груди хранится гордость нации и именно они ведут «к блаженству нацию свою», убежденные, что «Чернорабочих или слуг — нет у нас! Несчастий, нищеты и мук — нет у нас! Не занятых работой рук — нет у нас!» («Кто может усомниться в нас в эти дни?..», 1910). На деле же они пекутся лишь о собственных интересах и доходах, о собственном кармане, довольные, что «страна во сне» и «их песенками убаюкан народ». У Сабира немало сатир, в которых выведен многоликий собирательный образ «вождей нации», ее «духовных поводырей». Он называет их «гусарами-интеллигентами», «бравыми орлами» («Марш умников», 1910), «защитниками мира ислама», предающими апафеме «иноверных мудрецов», толкующих о прогрессе и светских науках, «вольнодумцев», мутящих покой народа («Песня нации», «Достоинство нации — где оно?..», 1910; «Не веришь ни во что, но всем внушаешь веру...», 1910; «Фисинджан», 1908 и др.). «Уйми пустое хвастовство: „Смотрите, мол, какие мы!“ — пишет поэт, называя «летучими мышами» тех, кого «просвещения луч, сверкая, ослепил» («Фисинджан»).

Самодовольные власть имущие, для которых «привычно бить и драться, ближних в рог бараний гнуть», попрали все законы ради новых чинов, новых наград и хвастают: «Мы — кавказцы». Сабир четко расставляет акценты в их циничном монологе, ударными заключительными строками каждой строфы подчеркивая их «заслуги» перед обществом: они горды тем, что преграждают путь к свету, к жизни, к знанию, к счастью.

Где-то там, в Европе, знания повышаются... Пускай!
Честь страны и достоянье умножаются... Пускай!
Человеческое званье утверждается... Пускай!
Будем в спячку погружаться. В этом — жизни смысл и суть!
Псы цепные, мы, кавказцы, к счастью преграждаем путь!

(«Наше главное стремление...», 1907)

Сколько спеси у тех, кто упивается мнимыми успехами феодального мира («Где правоверные живут — узришь блаженный рай!»):

Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!
На всю страну, из края в край, и шум, и вой идет! ..
...Такая прыть, такой порыв — как на разбой идет!

(«Эй, не зевай! Раздавит конь! ..», 1910)

Духовные пастыри народа, забыв о его нуждах, увлечены юбилеями: вошли в моду юбилейные торжества, и поэт едко высмеивает их («Обнищала Европа — не то что Баку! ..», «Юбилейные торжества», 1911).

Кого же чествуют «земляки»? Может быть, великого азербайджанского поэта Хагани? Или прогрессивного журналиста, основателя первой азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь») Гасанбека Зардаби? А может, чтят учителя Сабира — Ширвани Сеид-Азима? .. Увы, чествуют невежественного писака, усыпляющего народ своими байками и оттого угодного власть имущим. «В кого-то — камень и репей, кому-то — славный юбилей!» — с горечью заключает Сабир в стихотворении «Юбилейные торжества». От критики «бравых орлов» поэт переходит к более широким обобщениям, он клеймит тех, кто дурманом национализма, идеями пантюркизма усыпляет революционный дух народа, отвлекает его от борьбы за свои права, погружает в мир иллюзий «единства интересов» помещиков и батраков, капиталистов и рабочих.

Принципиальное значение для понимания направленности творчества Сабира имеет сатира «Восхваление» (1907), вызвавшая в свое время нападки ревнителей былого величия «туранцев», выступающих в сатире синонимом «вождей нации». Каждая строфа этого полемического стихотворения остроконфликтна, разоблачает противоречие между объективной сутью «деяний предков» и восторженным отношением к ним нынешних «вождей нации» с их пантюркистскими националистическими устремлениями. Строфа «взрывается» от противоречивых эмоций, контрастных стиливых оттенков. Одический стиль в рефрене: «Туранцы мы! Свой род ведем издалека!» — сталкивается с насмешливым выводом финальной строки: «Мы — шоры на глазах народа-простака!» «Духовные наставники народа», а по существу «орава дармоедов», гасящих «самый робкий светоч мысли грязным сапогом», эти «враги свободы, чести, просвещения и наук» страшатся лишь одного: что народ проснется и глаза его увидит свет:

И он разберется, где вправду молитва, где бред,
Где предан забвенью торжественно данный обет, —

Наложит на взятки, на все подношенья запрет.
Не почесть, а ненависть — нам и навстречу и вслед!»

(«Достоинство нации — где оно? ..», 1910)

Среди угнетенных народов России не могло не вспыхнуть освободительное национальное движение. Завоеванная первой российской революцией — хотя бы и на короткий срок — свобода печати дала возможность Сабиру заклеить колонизаторскую политику царизма, лихоимство и взяточничество царских чиновников, утвердить, в частности, идею о праве народа пользоваться плодами своей прогрессивной национальной культуры, своим национальным языком.

Сабир развенчивает конституционные иллюзии, преждевременность ликований по поводу обещанных свобод, показывает враждебность интересам народа «демократических институтов» — прежде всего Думы:

Не ты ли Думу возвышал, за благо благ приняв ее? ..
...Ну как, бакинский депутат улучшил нам житье-бытье? ..

.. Не ты ль молол, что Дума бдит и видит, в чем людей нужда?
Не я ль сказал, что Дума нас не обогреет никогда?

(«Ну, где твои надежды? ..», 1907)

К теме о Государственной думе Сабир возвращается не раз, освещая собственно «думские» проблемы, говоря о механизме и «условиях» выборов гласных в Думу (продать душу и совесть и обратиться к двум испытанным средствам: «Первое — взятка, второе же — скрытый шантаж») и сопоставляя Думу с иранским парламентом. Казалось бы, Сабир пишет об иранских делах и развенчивает меджлис, — но сколько общего между меджлисом и Думой! ..

Конечно, спору нет, луч солнышка блеснул,
На малый, краткий срок развеялся туман,

Народ чуть-чуть успел возвысить голос свой
В защиту бедноты — рабочих и крестьян.

Но это был лишь миг...

...Так кто же и когда в родной твоей стране
Уменьшил горч бед и горя океан?

Лишь фабрика чинов работала стремглав
Да в битву за чины дельцы шли на таран.

(«Хотя и горем он безмерным обуян. . .», 1911)

Сабир показывает, как в борьбе против просвещения азербайджанского народа объединяются «местные» фанатики и «столичные» чиновники из Санкт-Петербурга. Кому нужны эти «просвещенные», эти «холопы-сыновья пастухов и батраков», которые восстают против «законов», «шумят» про социализм и демократию, встают на министров и идут даже против царя («Отцовский наказ», 1906). И фанатики поддерживают решение «миссионеров» ограничить число национальных школ с преподаванием на родных языках:

Нет слов таких, чтоб восхвалить ваш ум, миссионеры,
В Санкт-Петербурге был совет на благо нашей веры,
Какой резон для мусульман открыть в науку двери?
Родной истории зачем им нужно знать примеры?
Зачем им алгебра нужна и прочие химеры?

(«Благодарность», 1910)

Революция разгромлена и в России, и в Турции и Персии, где она возникла под влиянием российских событий. В стране царит разгул реакции. «На миг блеснуло солнце свободы, — говорит Сабир, — и небо снова затянули черные тучи».

В Сабире борются вера и неверие, надежда и разочарование. В стихах для детей вера и надежда поэта неизменно побеждали, и даже столкновение весны и зимы, жаркого солнца и льда неизменно завершается символической победой первых:

«Ах ты, лед! Какой ты злой!
Человека — с ног долой!

Вот постой! Придет весна —
И тебе задаст она!

Станешь ты водою, лед,
Воду в море унесет».

(«Мальчик и лед», 1907)

И хотя наступают порой минуты сомнений и разочарований, Сабир все же верит в лучшую долю, и эта вера к концу жизни разгорается сильнее, звучит в стихах о свободе, созданных в зиму 1910 года. Да, с тех пор как Сабир поет о свободе, он «не раз был порицаем и руган», но он твердо верит:

Когда я уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

(«*Душа моя!* . . .», 1910)

* * *

Лишения, трудности, изнурительная борьба с нуждой не могли пройти бесследно: в сентябре 1910 года Сабир тяжело заболел. Пришлось покинуть Баку и вернуться к семье в Шемаху, а зимой следующего года приехать на лечение в Тифлис, где поэт остановился в доме Джалила Мамедкулизаде. В благополучном исходе предполагавшейся операции не были уверены ни медики, ни сам Сабир. Он писал своему другу Аббасу Сихату: «Некоторые врачи считают нужным сделать операцию. Мне предложили выяснить, в каком состоянии моя печень, мол, нам неизвестно, что с нею, если согласны, проведем операцию, — нужно будет вырезать печень — вырежем, не нужно — снова зашьем и вылечим. Я сказал: «Извините, уважаемые доктора, мой живот не портмоне, чтобы его открывали и закрывали, как вам захочется. А вдруг разрежете, да ничего не выйдет?!» Это очень понравилось врачам, они засмеялись. . .»

Состояние Сабир ухудшалось, он вернулся в Шемаху, и нужда продолжала неотступно следовать за ним. В это тяжелое для поэта время руку помощи протянул ему журнал «Молла Насреддин», в 14-м номере которого за 1911 год появилось следующее объявление: «Нашим читателям! В недавнее время в наших мусульманских газетах, выходящих в Баку и Тифлисе, печатались прекрасные стихи. Часть читателей знала автора этих стихов, но многие не знали. . . А где же наш поэт? С чувством глубокого огорчения сообщаем, что поэт уже несколько месяцев прикован к постели. . . Хотим довести до сведения уважаемых читателей, что дорогой наш писатель не имеет средств не только на лечение, но и на самые необходимые повседневные расходы. Этому ни он сам, ни его друзья и родственники не удивляются, ибо так уж повелось у нас, что большинство самых выдающихся и достойных бессмертных писателей нуждались в куске хлеба. . . Этими словами мы преследуем цель поставить в известность читателей и друзей о создавшемся положении, чтобы они смогли выполнить свой долг. . .» Подобные объявления появились и в газетах «Каспий» (Баку), «Хакк» (Астрахань). В адрес «Молла Насреддина» стали поступать деньги: из Баку, Тифлиса, Киева, Темирхан-Шуры (ныне Буйнакск), Нухи (ныне Шеки), Батума, Ашхабада, Гянджи (ныне Кировабад), Мерва, Джульфы. Но помощь пришла

слишком поздно: 12 июля 1911 года в расцвете творческих сил Сабир скончался.

Хоронила Сабир вся Шемаха, несмотря на запрет духовенства, объявившего, что участвовать в похоронах «нечестивца» — грех. В связи с трауром в городе были закрыты все школы.

Сабир был похоронен на кладбище «Семь куполов».

Накануне смерти поэт написал свои последние горькие строки:

Я жажду смерти, а она все убегает от меня!

Ах, даже смерти злой каприз переносить обязан я!

(«Я жажду смерти...», 1911)

Смерть помешала ему закончить еще одно стихотворение. Оно было задумано из двух частей: первой — воспевающей и утверждающей, второй — отрицающей, критикующей; поэтизация и сатира в одном произведении. Поэт повествует о самом светлом весеннем празднике азербайджанцев — празднике веселья, весны, гостеприимства, воспоминаний, «счастливым дне», дне Нового года — новрузе («Лишь этот благодатный день поныне нам сродни...»).

Во второй, «негативной», части стихотворения «Новруз» Сабир успел написать лишь одну строку: «Но в этом празднике у нас и недостаток есть...» Она свидетельствует о том, что и здесь поэт остался верен своему поэтическому прищипу: уметь критически отнестись к действительности, не закрывать глаза на недостатки своего народа, прививать ему трезвый взгляд на окружающую жизнь, на самого себя, изживать, как рабью психологию, патриархальные предрассудки, отсталые обычаи, так и довольство собой.

Сабир велик прежде всего как выразитель прогрессивных устремлений народа. Как поэт-интернационалист, чья поэзия пронизана любовью к народу-труженику, верностью революционным идеалам. Как мастер, доведший бесценное сокровище народа — его язык — до высокой степени совершенства в выражении многогранных оттенков чувств, прогрессивных идей, передовых мыслей, выявивший все его потенциальные возможности в познании мира и человека. Эти особенности поэзии Сабир ярче всего проявились в лучших его произведениях, печатавшихся в революционно-демократическом журнале «Молла Насреддин». Поэта часто укоряли, будто он выставляет напоказ дурное, «клеветает» на народ, «срамит» его перед другими нациями. Да, поэт клеймил, но клеймил дурное, рабье, преследовал невежество и фанатизм, видел и отчетливо различал в

своей нации две нации — власть имущих и беднейших слоев. Более того, и в беднейших слоях поэт различает косное и отсталое, пред-
рассудки как феодально-патриархальные, так и мещанско-обыва-
тельские, внедренные в народные массы за века угнетения. Сабир
мыслил социально, он видел многослойность народа, и в этом смы-
сле приблизился к научному пониманию категории народа и сумел
выразить это понимание в художественном творчестве.

Вот как трактовал это понятие В. И. Ленин в 1906 году: «рево-
люционный народ» и народ, как неоформленная «масса населения». ¹
Во всем народе, отмечает В. И. Ленин, размышляя о причинах пора-
жения революции, «есть люди, забытые физически, запуганные, люди
забытые нравственно, например, теорией о непротивлении злу наси-
лием, или просто забытые не теорией, а предрассудком, обычаем,
рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане,
которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо
или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!)». И имен-
но «революционный народ», указывает В. И. Ленин, «нисколько не
боящийся... всего народа», открывает «всему народу причины своих
действий и все подробности их...». ² Как справедливо отмечают ис-
следователи Сабира, творческий путь поэта — это не всегда восхо-
дящая прямая, он противоречив и при ясно намеченной прогрессив-
ной направленности сложен и неоднозначен. Как известно, он печат-
ался во многих газетах и журналах, выходивших в Закавказье:
в изданиях крайне левых, революционно-демократических, и в пра-
вых, реакционных, и в изданиях так называемого «промежуточного»
направления, с неясно выраженной программой, полулиберальной,
мелкобуржуазной, тяготеющей либо к демократическому крылу, либо
к умеренно-либеральному. В изданиях буржуазно-националистических
он печатал произведения, содержащие абстрактную проповедь добра,
тяжеловесные поучения, насыщенные религиозно-философской лек-
сикой, архаичными книжными оборотами, сложными поэтическими
фигурами. В изданиях умеренно-либеральных доминируют робкие
призывы, просветительские нотки поучения, либеральная тематика.
Но когда стих Сабира обретает революционно-демократическую три-
буну в лице журнала «Молла Насреддин», в нем появляются рево-
люционные мотивы, язык приобретает демократическую окраску, он
народен, ясен, богат оттенками, предельно приближен к разгово-
рному языку масс, насыщен фольклорными образами: изменился
адресат — изменилась форма поэзии, стиль произведения, тематика,
поэт обращается к животрепещущим проблемам времени, отражает

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 320.

² Там же, с. 321.

революционные события, гневно клеймит господствующую верхушку, представителей деспотической власти. Все это отражало и противоречия в миросозерцании великого азербайджанского поэта: Сабир не смог до конца изжить в себе религиозные предрассудки, возвыситься до воинствующего атеизма, как это продемонстрировал за полвека до него философ-материалист Мирза Фатали Ахундов. Он пишет стихи на чисто религиозные темы: «Эйди-мовлуди-наби» — о празднике в честь рождения пророка Мухаммеда, «Новхе» — о религиозном плаче в месяц траура мухаррам и другие. И одновременно создает реалистические сатиры, направленные против религиозной идеологии.

Исследователь творчества Сабира Азиз Шариф пишет: «Справедливость требует отметить, что по самому существу своего поэтического творчества революционный и весьма близкий к пролетариату поэт Сабир в своем отношении к религии не поднимался до атеизма Ахундова и Мамедкулизаде. Однако своими резкими сатирами на мусульманское духовенство и религиозный фанатизм Сабир объективно вел антирелигиозную пропаганду». В итоге объективный характер творческой направленности поэзии Сабира брал верх над субъективными слабостями его миросозерцания, его либеральными иллюзиями и религиозными взглядами.

* * *

Поэзия Сабира обрела новую жизнь после Великого Октября. Во вторую годовщину установления Советской власти в Азербайджане, в 1922 году, в саду, носящем имя Сабира, поэту был воздвигнут памятник.

Книги Сабира изданы на родине в сотнях тысяч экземпляров. Его поэзия давно перешагнула границы Азербайджана, издается на многих языках народов СССР и мира. Имя Сабира носит один из крупных городов Азербайджана — Сабирабад. Его именем названы улицы, парки, дворцы культуры, библиотеки и школы. Ежегодно, и это стало традицией, в день рождения Сабира, в начале мая, в Азербайджане проводится многонациональный праздник поэзии — «Сабировские дни» — на родине поэта в Шемахе, а также в Баку и других городах республики. Все это — реальное проявление ленинской национальной политики, воплощение идей «Декларации прав народов России», подписанной В. И. Лениным уже через неделю после Великой Октябрьской социалистической революции.

Выдающийся турецкий поэт Назым Хикмет в дни, когда широко отмечалось в СССР столетие со дня рождения Сабира, так охарактеризовал значение творчества поэта:

«Сабир, по-моему, гениален. О Сабире написано много томов и будет написано еще больше. Сабир преподавал всем нам, и особенно азербайджанским писателям, два урока, которые учат: 1. Мужеству, героизму, неустрашимости. Беспощадной борьбе с явлениями, которые тянут народ назад. Искусству владения пером, литературе, достигшей философских глубин, обладающей силой обнаженного клинка. 2. Мастерству, живости, образности. Литературному языку, в основе которого лежит тот, что мы слышим в городе и селе, в домах, на фабрике, в поле. Я восхищен борьбой, которую вел Сабир, и еще больше — литературным мастерством, с которым он вел эту борьбу. Это замечательно, что азербайджанцы имеют такого поэта, как Сабир».

Ч. Г. Гусейнов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стих — это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью.
 Не жди похвал — не одописец! Мне льстить и угождать
 негоже.
 Мой стих сатирою прольется — пути иного быть не
 может.
 Пусть мир услышит голос правды: мне истина всего
 дороже.

Конец 1890-х годов

2. К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ И АРМЯНАМ

Когда идущий век единством осиян,
 Когда благая цель не призрак, не обман
 И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
 Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
 Откуда ж этот спор армян и мусульман?
 Иль не рассеялся тот вековой туман?
 Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
 Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
 И мощь родной страны в содружестве благом,
 Какой же дьявол злой стучится в братский дом?
 всплывет ли косность вновь? Вот, оглянись кругом:
 Резня по городам, убийства и погром...
 Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
 Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
 Пора собратьев нам друг в друге обрести!

На сеть коварных дрязг, возникших вдруг, —
 взгляни!
 То дело наших рук иль ваших рук? Взгляни!

Кто ссорит — друг армян иль наш он друг? —
взгляни!
Всё дело в кости в одной — вокруг взгляни!
Во всем виновен гнет — вот наш недуг, взгляни!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

Народу правду дать, унылый стон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Всё мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

1 июля 1905

3. БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТИ МУЖЕЙ НА СОБРАНИИ

Адвокат

Неправого правым в суде называя,
Я правосудье валил на корню.

Врач

Причину болезни больного не зная,
Я плакать неволил больного родню.

Купец

Забываясь о сумме большого дохода,
Я сваливал в кучу харам и халал.

Розехан

А я, вымогая деньгу у народа,
В нужде задышаться его заставлял.

Дервиш

Свой хитрый базар открывая повсюду,
Лишь голым враньем я вовсю торговал.

Софи

А я на позор правоверному люду
Глумленьем своим клал его наповал.

Молла

Я, волей небес принимая решенье,
Частенько обманывал честный народ.

Ученый

А я, не надеясь развить просвещение,
Покинул народ, как неграмотный сброд.

Неуч

А я между тем, хоть в хлеву, хоть в кювете,
Достиг своей цели и счастлив, ей-ей!

Поэт

О розе, любви, соловье на рассвете
Я лгал. Чем красивее лгал, тем сильней!

Невежда

Невежество! Лучшее ложе на свете!
Выходит, я спал на подстилке твоей!

Газетчик

А я, чтобы место заполнить в газете,
Искусно растягивал жвачку статей.

10 февраля 1906

4. ЧТО МНЕ ЗА ДЕЛО?

Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?
Я сыт. Что мне за дело до других?
Я сыт. Мне просто наплевать на них!
Пусть пухнет с голоду весь мир — что мне за дело?

Тсс! Не шуми! Пусть люди спят. Я не желаю,
Чтоб спящих подняли, глаза им раскрывая.
А если кто проснется, пусть мне бог
Устроит так, чтоб я лишь не был плох.
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Не говори о судьбах мира мне ни слова,
Да хлеба принеси, чтоб я покушал снова.
Зачем, зачем тревожить мне века,
Ведь жизнь, я знаю, очень коротка!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Сыны отчизны пусть на дне клоаки
Гродяжат в страшной нищете, как те собаки,
А вдовы носят пусть позор тряпья,
Лишь был бы славен всюду только я!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

Любой народ не может жить без интереса;
В своей стране шагает он путем прогресса.
Что ж, коль прогресс в дремоте вспомню я,
Немедля совершу его, друзья!
Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?
Пусть он страдает от невзгод — что мне за дело?

28 апреля 1906

5

В тот день, когда аллах тебе дарует сына,
Судьбу твою щадя,
Пошли за колдуном, чтоб козни злого джинна
Не тронули дитя.

Дай крошке талисман, припомни все приметы
Юродивых старух,
Используй заговор, заклятья, амулеты —
Смути нечистый дух!

Коль занеможет сын, простынет не на шутку,
Заботься о больном:
Не вызывай врача, не оскверняй малютку —
Пошли за колдуном.

Коль ночью твой малыш запачкает пеленку,
Заплачет, закричит —
Вели жене пугать бабайками мальчонку,
Пока не замолчит.

С младенчества дитя учи отборной брани,
Стараний не жалея.
И вот они, смотри, плоды твоих стараний:
Мальчишка всё наглей!

Открой его глазам нескромности природы,
Пусть знает, что к чему.
Пусть видит наперед все выходы и входы,
Готовый ко всему.

Одним его не мучь: не посылай учиться.
Не множь его обид.
Придет пора — поймет, привыкнет, наловчится,
Словчит — и будет сыт.

Вдолби ему в башку поверия, и страхи,
И всё, чему учен. . .
Пусть думает, что мир стоит на черепахе, —
Не всё ль равно, на чем?

Постичь, что плутовство — доходное занятье,
Довольно для юнца.
Пусть пьет, ворует, врет, купается в разврате —
И радуется отцу.

Но вот твой дом богат и сахаром, и пловом. . .
Всего не перечести!
Да! Вырос твой сынок отнюдь не безголовым —
Хвала ему и честь!

И вдруг — арест, тюрьма и сына ждет расплата. . .
Ты в ужасе. . . Бодришься!
Борись, купи судью, присяжных, адвоката,
В лепешку расшибись!

Но приговор суров. . . Последнее свиданье. . .
Последнее прощанье. . .
Ты нищ и одинок, и скудно подаешь,
Зажатое в горсти,
И душу не спаси. . .
Деньжонок наскрести,
На ужин набрести. . .
Ученому вовеки
Не быть в такой чести!

26 мая 1906

6. ПЕ ГРУСТИ

Погас твой месяц невзначай, муж из Канана, — не
грусти!
Стал садом скорби твой цветник, жжет сердце рана —
не грусти!
Обиды, раны — что они? Ты радуйся и веселись,
Труд возвеличит хоть кого! Тут нет обмана — не
грусти!

Фортуны хитрой колесо пошло не так, как нужно вам.
Таким пусть и пребудет мир, пока не сдвинется он сам!
Бедняк, на долю не ропщи, стеной и волю дай слезам!
В ярмо рабочего ты влез или дехкана — не грусти!

Пусть над тобой глумится хан и пусть тебя изводит бек,
Ты слушай их: они сильны, а ты — убогий человек!
Им — угнетать и пировать, тебе же — черствый грызть
чурек!
Спеша работать на господ, ты утром рано не грусти!

Трудись, хоть сгорбится спина, трудись, хоть ливнем
хлынет пот,
Трудись, хоть с голоду семья твоя иссохнет, перемерет,
Трудись, хоть помнунтно с губ слетает жалоба на гнет!
Ограблен ты рукой моллы иль, скажем, хана — не
грусти!

Несчастный, до скончанья дней вздыхай, томись,
исчахни весь,
Какие тайны скрыты здесь, попробуй на досуге взвесь!
Друг Молдаи! С тобою вел Неведомый беседу здесь.
Знай, совесть чистая твоя — от бед охрана, не
грусти!

2 июня 1906

7

Ну что хорошего нашел мой сын в ученье?
Долбит всё то же! Ах,
От чтенья книг, газет и прочей дребедени
Мой милый сын зачах!

Читает день и ночь — сошел с ума, как видно.
Другой надежды нет,
Как на тебя, аллах! Обидно мне и стыдно!
Жена, подай совет!

Всё ты, проклятая, ты, ведьма, виновата:
Не ты ли в дом внесла
Заразу книжного, безбожного разврата?
Молчи, исчадьё зла!

Тебе, злодейка-мать, глаза бы вырвать надо:
Свое дитя любя,
Какая мать его низвергнет в пламя ада?!
Бог покарай тебя!

Кто вынудил меня отдать мальчишку в школу?
Ты, ты, шайтана дочь!
Что делать думаешь? Ведь мы в беде тяжелой.
А чем беде помочь?

Как мальчика спасти? Где взять бальзам целебный,
Представить не могу!
От книжек и газет, от чепухи учебной
Туман в его мозгу.

Мой дом разрушила, сгубила сына, дура, —
Конец мне самому!
Знать не хочу наук, что мне литература,
Искусства мне к чему?!

Мечтал я, чтоб мой сын добился уваженья
Без глупых, вредных книг,
Чтоб сильным кулаком богатства, положенья
Легко, как я, достиг.

Хотел я, чтоб мой сын подобен стал Рустаму,
Чтоб славу заслужил
Разбоем, грабежом, и, преданный исламу,
Он жил — и не тужил!

Из-за тебя, жена, погиб сынок мой милый, —
Несчастный я отец!
Смотри, как сохнет он, всегда унылый, хилый,
Неопытный птенец!

Ай, непутевый сын, мое страданье, мука!
Когда же ты поймешь,
Что денег не сулит нам книжная наука, —
Нам их дает грабеж!

О свет очей моих, меня счастливым сделай,
От книжек отрекись,
Сядь на коня, скачи: преуспевает смелый —
Так за разбой берись!

Себя ты изведешь учебною усердной.
От грешной чепухи
Скорее откажись, прочь, прочь от книжной
скверны,
Оставь, сынок, стихи!

Как ни был бы учен, а никому не нужен
Без денег человек!
В морях поэзии будь лучшей из жемчужин —
Оценят ли в наш век?!

Ты роду моему почтенному изменник,
Черт побери!
Пойми, ученостью не наживают денег!
Ну что ж, дури,
Читай, зубри,
Жри сухари,
Вопи, ори —
И, хоть сгори,
Себя корн!

16 июня 1906

8. ЖАЛОБА СТАРИКА

Увы, я стар. Я очень стар. О молодость моя,
К тебе возврата нет!
И всё, что вижу я кругом, не радует меня,
Как в пору юных лет.

И так я немощен теперь, что даже палку мне
Не удержать в руках.
Былые дни передо мной проносятся во сне,
Увы, увы и ах!

Спина согнулась, борода сверкает сединой.
Неважные дела!
И вот мне бороду жена под вечер мажет хной,
Чтоб темною была.

А был я некогда силен, весь мир считал своим.
Любой бедняк знаком
Был с плеткою моей витой, а нет — тогда с моим
Чугунным кулаком.

В те дни я пил, гулял и мог всё делать, что хотел.
И деньги бедняков,
Без капли жалости в душе, присваивать умел
Я силой кулаков.

Теперь от старости ослаб, дошел я до черты,
Но дружбой не согрет.
Кто посочувствует, что я скатился с высоты,
Кто мудрый даст совет?

Где власть минувших лет?
Затмился белый свет!
Мечтаю о былом,
Иных желаний нет.

23 июня 1906

9. БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Но нельзя позволить, чтобы рядовой рабочий стал
В жарком споре с богачами смелым, твердым, как металл,
Чтобы вольно и открыто полной грудью задышал
И хозяина-владыку вдруг бояться перестал!

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Эй, рабочий! Неужели ты почтенье заслужил?
Неужели размышлять ты о своем пути решил?
Брось, любезный, эти штучки! Не жалей горба и сил!
И служи богатым с миром, как до сей поры служил.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Не сплошай, богатый! Слышишь, ни на шаг назад, ни-ни!
Если даже прав рабочий, ты свою неправду гни!
Пусть бедняк на толстосума ночи трудится и дни,
Как положено трудиться оборванцу искони.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Ум рабочему несвойствен, и талант ему не дан,
Ходит он босым по свету, жалок, голоден и рван.
Ни абы, ни шали нету, череп пуст, и пуст карман,
Лишь чоху бедняк имеет да единственный кафтан.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если хочешь быть спокойным ты в своем родном краю,
Не тужить, а жить богато и привольно, как в раю,
Действуй запросто, согласно своему календарю,
Относись всегда к рабочим, как к скотине и зверью.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

Если ты увидишь горе, устраняйся за версту,
Не спеши вдову утешить, приголубить сироту,
Да еще смотри не вздумай, согревая бедноту,
Провести по кругу жизни вместо зла добра черту.

Колесо свое упрямо катит вспять судьба теперь!
И рабочий изгоняет из себя раба теперь!

7 июля 1906

Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом.
Свята такая ложь.
Тая в себе огонь, прикинься хладным прахом —
И целый мир сожжешь.

Купи священный сан угодливостью сладкой,
Обзаведись абой.
Вниманье привлеки к абе своей — пусть всякий
Любуется тобой.

Следи за бородой, как за любимым сыном, —
Да славится она!
Купи кушак; учти, чтоб десяти аршинам
Равна была длина.

Итак, ты облачен в такое одеянье,
Что сразу стал умней, —
Недаром ты снискал почет и почитанье
В кругу святых мужей.

Без четок не ходи и между разговором
Бубни: «Аллах, аллах. . .»
Будь горд — но не спесив, будь строг — но кроток
взором,
Нетороплив в речах.

И вот уже твердят: «От тувель до папахи
Он честен, как святой».
Ты своего достиг! Забыты беды, страхи. . .
И этот мир — он твой!

Ты можешь грабить, жечь — лови свой час,
решайся,
Не упускай, спеши!
Ты властен надо всем — суди, распоряжайся,
Хватай и потроши.

Тирань сирот и вдов — не бойся божьей кары:
Тебя хранит твой сан.
Коварствуй, но молись: «Да сгинут злые чары
И нечисти дурман».

Возрадуйся, тиран,
Алчбою обуян. . .
Где ты — царит обман. . .
Пускай забыт Коран,
Зато набит карман!

21 июля 1906

Судьбы коварство испытал наш край,
 А будет хуже.
 Ликуем мы — ведь нам обещан рай,
 А сами — в луке.

Аллах, услышь — убереги от бед!
 Терпеть доколе?
 От козней шарлатанов спасу нет —
 Нет горше доли.

Ну что за рок? Ай-ай, какой яман!..
 Сгорай от боли!
 Он к стонам глух, не видит наших ран —
 Ослеп он, что ли?

Дарован свет наук другим краям,
 Сгинь, злое время!
 А прозябать и дрыхнуть — это нам:
 Дурное племя!..

Что-что? Ну да, есть школы и у нас —
 Орудье пытки!
 Как вздернут пятки кверху — кровь из глаз:
 Казнить мы прытки!

Да, нечего сказать, нам повезло —
 Куска нет хлеба!
 А с жалобой к кому? Повсюду зло —
 Что ж терпит небо?!

Кричат: «Эпоха!..» Пухнет голова
 И чахнут души.
 А там под шум знай мелят жернова —
 И глохнут уши.

Вдавило в землю колесо судьбы —
 Трещат аж кости.
 Господ своих и пришлых мы рабы —
 «Но-но!.. Вы бросьте!..»

В полудремоте мы, во власти грез —
 Вот доля наша.

Да, перельется — жди! — от горьких слез
Терпенья чаша.

Чиновник взглянет, ты уж сам не свой, —
Пред злом робеем,
Как овцы блеем.
За ним сардар, начальник, — он ой-ой!..
Роптать не смеем,
Аллах свидетель —
Как овцы блеем.

4 августа 1906

12

Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись,
Сон неведенья от глаз не гони ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

В пробуждении твоём дней без гроз не может быть,
Как во сне, счастливых грез, сладких грез не может
быть.
Чтоб неспящий не познал горьких слез — не может быть!
Одеяло выше глаз натяни ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

Ах, открыв глаза, вокруг лишь беду увидишь ты,
У народа скорбь одну и нужду увидишь ты,
Горя, зла, страданий, мук череду увидишь ты.
Под подушку — головой! В эти дни ты не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

А проснешься хоть на миг — чтоб избежать ран, засни!
Живо опий разыщи, выкури кальян, засни!
Если правый бок устал, ты на левом, пьян, засни!
Все свои привычки сном сохрани ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспишь, бай-бай!

Сон — спасенье для тебя, не раскрой случайно глаз,
Нет, не позволяй ему улететь хотя б на час!

Ты в беспамятство вступи, забудь совсем о нас!
Пусть кипит, бушует мир — не мёргни ты, не проснись!
Бай-бай, малыш, бай-бай,
Так всё проспнись, бай-бай!

11 августа 1906

13. ИЗУЧЕНИЕ НАУК

Брось науку! Ведь она нам страшнее ада
И душнее чада.

Всем известно, что она ядовитей яда, —
Подтверждать не надо!

Мой наивный сын, услышь эти наставленья,
Не ввергай в мученье!

Счастлив, кто живет без дел нль в горах у стада —
Вот кому отрада!

Да, наука к нам идет с тьмою, а не светом.
Знайте ж все об этом!

Прочь гоните, кто твердит, что она — услада,
Как воров из сада!

Школа — вот источник бед, вот источник боли!
Что нашел ты в школе?

Школа — вот грабитель душ, языку преграда,
Вечная досада!

А чернила — что они? Мрак, душа злодея!
Вылей их скорес!

Эта краска светлый день сделать черным рада, —
Что страшней для взгляда?

А тетрадь — к чему она? Ереси и скверны
Сотоварищ верный!

С ней поэты болтовню затевают смлада —
И живут без лада!

Ах, зачем твоя рука эту ручку сжала?
Бойся, бойся жала!

Ты ужален будешь, сын, — у такого гада
В жале много яда!

С черным сердцем карандаш, краснолицый,
длинный —
Друг писак старинный...
Заморочит он тебя — не найдешь ты клада!
По делам — награда!

Просвещенные кругом хвалят просвещение,
Будто в нем спасенье.
А взглядишься — в нем конец нашего уклада,
Злой залог распада!

Лаглагы, засада!
Мозалан, ограда!
Сыртых, бойся града,
Гыздырмалы — смрада!
О Хопхопе говорят —
Дело плохо, будет град:
Камни, палки полетят
Пострашней заряда!

18 августа 1906

14. ОТЦОВСКИЙ НАКАЗ

Довольно, сын мой, зря не трать на книги столько сил
И юных дней не порть!
Напрасно ты и день и ночь за книгой проводил!
Судьбы своей не порть!

Ученым в городе у нас ну просто счета нет!
Но кто из них богат?
Безумцы! Тратят столько средств! На что? На сущий
бред!
Живут — как будто спят!

Ах, сколько бед от этих школ! А ну, сынок, считай —
Я перечислю их:
Во-первых, истомит тебя проклятый школьный рай,
О свет очей моих!

Ты там ослепнешь, во-вторых, а в-третьих — пропадешь:
В душе тоску тая,
Ты побледнеешь, станешь ты на мертвеца похож,
Зачахнет грудь твоя!

Допустим, кончить курс наук отправишься потом
Ты в университет.
Но ты по совести скажи, какая польза в том? . .
Что ж ты молчишь в ответ?

Шуметь начнешь про *сосализм*, твердить, что ты
домкрат, —

Не знаю, как их там?
Навлечь на наш народ беду бездельники хотят!
Безумцы! Горе нам!

Слегка подучится холоп — и он уж человек!
На что ему закон?
Сын пастуха иль батрака, а держится как бек!
Всё отрицает он!

То на министров он встает, то на царя идет!
Подумай, боже мой!
На знахарство и колдовство затеял он поход —
Неверный он, чужой!

Оставь ты замыслы свои, опомнись, школу брось!
Ты с толку сбит, мой сын!
К чему учителя совет? Живи с наукой врозь!
Ну где твой стыд, мой сын!

Закинь винтовку за плечо и действуй — ночь не ждет!
Как ветер, шалым стань!
Большой дорогой завладей и обирай народ,
С большим кинжалом стань!

Живым, не вялым стань,
Во всем нахалом стань!
Здоровье береги,
Бесчестным малым стань!

25 августа 1906

15

Я вздыхаю, так я жажду дыма твоего кальяна,
Горько плачу, так мне чашка кофе твоего желанна!

Проповедую не ради святости и благочестья, —
Цель моя — кошель твой толстый в недрах твоего
кармана.

Где б ни странствовал я, сердце рвется к твоему амбару,
Я влюблен в твои богатства, что дороже мне Корана.

Я всегда готов подставить голову тебе подножьем
Ради изобильной снеди, ради лакомств достархана.

Плоть изныла в вожделенье твоего кюфта-бозбаша,
Фаршированного также страстно жажду баклажана.

Прославляя во весь голос дивных райских яств улады,
О земных мечтаю блюдах, — рай не стоит фисинджана!

И когда я восхваляю воды райского Ковсера,
Мысль мою шербет душистый соблазняет постоянно.

Наблюдая, как готовят ужин в пользу немущих,
Голод я смирял, вдыхая запах плова невозбранно.

Если бы хоть раз увидеть, как ты, милый мой наследник,
Золото рукой дырявой рассыпаешь неустанно!

Сердце, бейся только ради благодетелей богатых
И не думай о несчастной доле нищего дехкана!

Знай, Хопхоп, зажечь не сможешь никого ты искрой
Что в твоей душе бушует лавой огненной вулкана!
вздоха,

Смотри — молчи, аллаха ради!
Гори — молчи, аллаха ради!
Знай — никому ни слова правды:
Ври иль молчи, аллаха ради!

1 сентября 1906

16. ОТВЕТ ГОПГОПУ ИЗ ГАЗЕТЫ «ХАЯТ»

Этот мальчик — свет очей, радость сердца и покой,
Сила тела, жизни сок, замечательный такой.
Этот славный мальчуган выхолен твоей рукой, —
Что ж ты гонишь в класс его? Пожалей и успокой!
Пусть режется и поет без забот сыночек твой,
Как захочет, так пускай и живет сыночек твой!

Глянь, как мучается он, голосистый соловей,
Так избавь его от мук, горе детское развей!
Он достаточно уже знаний в школе взял твоей,
Клетку мальчик твой обрел вместо зелени ветвей!
Чуть взлетел — и оборвал свой полет сыночек твой!
День и ночь он там торчит, пропадет сыночек твой!

Всюду выходцев из школ, лишь пройдешь, ты узнаешь.
Слыша речи тут и там, молодежь ты узнаешь!
Кровь гнилую, немочь их сквозь галдеж ты узнаешь!
Ты неглуп: кто плох из них, кто хорош — ты узнаешь.
Можно ль, чтоб сошел с ума от хлопот сыночек
твой?
Чтоб наукам отдал жизнь твой оплот, сыночек твой?

Не поверю, чтобы к нам радость от наук пришла!
Нет и нет! Чем больше их, тем, скажу я, больше зла!
Если хочешь, чтобы жизнь юноши легка была,
А с деньжонками мошна оказалась тяжела —
Научи, чтоб, не трудясь, брал доход сыночек твой!
Пусть мошенником, плутом прослывет сыночек твой!

Слушай, жалкий человек! Сколько тупости в тебе!
Чтишь науки, а скажи, что они в твоей судьбе?
Ну, к чему должны мы знать: это «а» и это «б»?
Сколько знаков, сколько букв — мне от них не по себе,
Лучше пусть дома, стада наживет сыночек твой,
К бекам, к ханам пусть найдет верный ход сыночек
твой!

Бесполезным, как Гопгоп, ты писакою не будь!
Если бьют по голове, раскрывай для горя грудь!
Лихорадочным ты будь, слезы, поиски забудь!
С Насреддином подружись — вот прямой к позору путь!
Став Хопхопом, обретет лишь почет сыночек твой!
Но стихами денег он не пайдет, сыночек твой!

8 сентября 1906

17. ТРУДИСЬ ДЛЯ ГРЯДУЩЕГО

Не трать усилий, милый мой, обогащенья ради,
Не занимайся кутерьмой приобретенья ради,
Не трать часов, не трать минут ты наслажденья ради,

Пусть будет в мыслях светлый труд освобожденья ради,
Чтоб выжил твой народ, борись его спасенья ради,
И для грядущего трудись его рожденья ради!
Времен не изменяя ход, свободы кто добьется?
Будь трезвым, друг, гляди вперед, жизнь вспять не
повернется!

Оковы бедности впились в тела людей — ты видишь?
Ведь их терзают всё лютей, их боль — сильней, ты
видишь?
Как можно спать? Странанья, скорбь земли своей ты
видишь?
Вождем случайно дервиш стал, а жизнь трудней, ты
видишь?
Радетель этот низко пал, ведь он злодей, ты видишь?
Тут было зданье — от него гора камней, ты видишь?
Любое зданье — час придет — в руины превратится,
Любой родившийся — умрет, но жизнь — не
прекратится!

Скажи, чего добьешься ты богатствами своими?
Их наживал ты и копил, что делать будешь с ними?
Умрешь — и люди назовут труды твои пустыми!
Пока возможность есть, слепец, иди с людьми простыми,
Одно хоть зданье возведи — свое возвысишь имя,
Пример потомкам покажи поступками такими!
Нужд у народа не сочтешь, их время только
множит, —
Не так легко того найдешь, кто бедному поможет.

Народ мой, будешь в крепкий сон ты погружен —
доколе?
Постельных радостей искать, считать ворон — доколе?
На эту спячку, праздность, лень ты обречен — доколе?
Ислам в невежестве погряз, мир ослеплен — доколе?
Терпеть убогость, темноту, и плач, и стон — доколе?
Народ забит и угнетен, бесправен он — доколе?

Иль не способны мы сынов вести к прогрессу, к свету?
Иль не талантлив наш народ, к науке тяги нету?
Ведь знанья каждому нужны, на всё нужны ответы,
Но школ-то нет, а ведь сыны должны учиться где-то?
И где, скажите, есть богач, который понял это?

Мы ожидаем от него поддержки и совета!
Помочь нам надо с прошлым рвать, чтоб счастье
обреталось,
Ну а Сабирам — лишь звать! Что им еще
осталось?

24 сентября 1906

18. ПОЧЕМУ ЖЕ?

Нашей душою наука была, — почему же,
Родину к свету наука вела, — почему же,
Зеркалом жизни наука была, — почему же,
К знаниям она, совершенству звала, — почему же
Наши «вожди» проклинали ее, словно яд?
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Если действительно все уважали науку,
То почему же науке не подали руку?
Нет, отвращенье она вызывала и скуку;
Не единение с ней предпочли, а разлуку.
И устыдилась, измену встречая стократ,
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Ценит вино не бутылъ, а уста винодела.
То, что понятно душе, непонятно для тела.
Неуч поймет ли, что мастером сделано дело?
Перед наукой замешкались мы оробело.
Нас обогнали соседи — идут, не стоят.
И умерла, и сомкнула страницы «Хаят».

Пусть настоящей победы соседи добьются,
Пусть их газеты в несметном числе издаются!
Нам — если даже над этим они посмеются —
Много и двух! Пусть в одну они лучше сольются.
«Знание вредно!» — пророки ислама твердят...
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

О превосходстве врагов нам печалиться вечно.
Время ислама, увы, не кончается, вечно.
Преданность истине не замечается вечно!
Если от тела душа отлучается вечно —
Люди в мирок свой от мира уйти норовят.
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Но не стыдись, когда увидишь своих детей в оцепененье.
Разнарядись, когда увидишь свою любовь из заведенья,
Сжигай рубли с ней наживные, как просмоленные
поленья,

Но зарычи, когда увидишь свою жену в изнеможенье,
От горя ставшую давненько своею собственной тенью.

Смейся, хвастай, что б ни случилось,
Продувной гуляка.

Но возьмет за глотку старость

И тебя, однако,

Как гнилой, седой обабок,

Схватит. Вот тогда-то

Ты поймешь, хватаясь за бок,

Что пришла расплата.

13 октября 1906

20

Имелся старинный обычай у нас:
При драках камнями кидаться — вжик, вжик...

И если уж камень в кого попадет,
То стоном потом раздаваться — ох-ох...

А вылечат зельем каким, то душе
На ниточке только держаться — эх-эх...

Теперь — револьвер! Стать мне жертвой его!
А пулям свистеть и впиваться — фьють-фьють...

Вот юноши, вижу, упали ничком,
Как горько, что им не подняться, — жуть, жуть...

Тьфу, выпало ж время! Сподобил же бог
С порою такой повстречаться... Нет, нет!

И режет, и колет друг друга народ,
Какие кошмары творятся — ой-ой...

Брат вышел на брата. Как, люди, смогли
Вы в диких зверей превращаться? Боль, боль...

Народ мой! Ты ввергнут в хаос и в разброд,
Тут кровью душе наливаются — буль-буль...

Так дальше пойдет — наш Баку пропадет,
Жестокость к нам хочет ворваться — вот-вот...

О боже, избавь нас, поправь этот мир,
Ему для людей возродиться! Мир, мир!

27 октября 1906

21. СОВЕТЫ СТАРОЙ КОЛДУНЬИ ДЕВИЦАМ

Советы бабушки своей пустыми не считай —
Прими, моя душа!
В них слово каждое — рубин, пленивший целый край,
Пойми, моя душа!

Я много прожила, и как дивила белый свет —
Лишь ведает пророк!
Каких уловок не нашла я с тех далеких лет
За этот долгий срок!

О женской хитрости сто лет я говорить могу —
И всей не исчерпать!
Заполню хитростью весь мир, — тебе я не солгу! —
И не найдешь, где стать.

А колдовать начну — и джинн сбежит как от огня!
Хвала моей волшбе!
И сам шайтан не знает чар таких, как у меня,
Творцом клянусь тебе!

Ты счастлива, ты обрела благословенный миг
Свидания со мной!
Пойми, пойми мои слова, о свет очей моих!
Скажу тебе одно:

Во-первых, знай ты, что мужей на свете верных нет —
Хоть глуп он, хоть умен!
Нет, не найдешь и одного за сто и двести лет —
Умен ли, глуп ли он!

Не жди, что верен будет тот, кто мужем стал твоим,
Будь начеку всегда!
Как раз троих он заведет, кто мужем стал твоим:
Тебе грозит беда!

Прослужишь тридцать — сорок лет безропотно ему —
И не оценит он!
И вот молоденькой женой — он властелин в дому —
Тебя заменит он!

Не плачь о муже, не горюй, что твой удел жесток!
Ко всем чертям его!
Лукавства женского тайком разматывай клубок,
Тебе я дам его.

Пока не спит, оставь его подольше одного —
Он молнии грозней!
А как заснет, скорей проверь карманы у него,
Но только не красней!

Тайком, безмолвно, по ночам верши свои дела:
Женой-плутовкой будь!
Чтоб сам шайтан не мог понять, как ловко ты взяла,
Отменно ловкой будь!

Вот, выпив утренний свой чай, он из дому ушел —
Забудь про всякий страх:
Свободна ты от всех забот и от бесчетных зол,
Весь дом — в твоих руках!

Собраться в лавку поскорей ты Хансенем велишь.
Что нужно? Масло, мед,
Чай, сахар, сыр, халва, урюк, ну мясо, рис, кишмиш,
Варенья пусть возьмет!

Пусть за подругой поскорей твой мальчуган пойдет
И за твоей сестрой,
И пусть она своих подруг побольше приведет —
Веселый пир устрой!

Пусть на огне котел стоит и самовар кипит!
Бей в бубен без забот!
Пусть ест любая гостья плов, не ведая обид!
Пусть льет шербет и пьет!

Шербет! Каймак! И мед!
Пусть трудится супруг
Не покладая рук
И горе сносит сам, —

Пошли его к чертям!
Вовек не знай невзгод!
Пусть в доме круглый год
Веселый пир идет! . .
О, наш злосчастный род!

3 ноября 1906

22. ДЕТЯМ

Надежда народа, с веселым лицом детвора,
Любимая матерью, добрым отцом, детвора!

Любовью и лаской обязаны вы матерям,
Их вечным объятьям, о дети, их нежным словам.
Отцы не скупилась, хоть каждый суров и упрям,
И, слава творцу, обижаться на счастье не вам.

Ты так возмужала в семействе своем, детвора, —
Свободно гуляй на просторе земном, детвора!

Вы, мальчишки, ростом уже кипарису равны.
Как взрослый петух, вы поете — враги тишины.
Родители рады, что стали большими сыны.
Довольно! Уж вам колыбели теперь не нужны.

Скорее расстанься с постельным теплом,
детвора!
Оставь наконец-то родительский дом, детвора!

Болтаться на улице, всюду бывать вам пора,
Валандаться, шляться опять и опять вам пора,
Скандалить и драться, громить, воровать вам пора,
Меняя наружность, весь мир расшатать вам пора.

Стреляй что ни день, забавляйся свинцом,
детвора,
Как славно на улице слыть молодцом, детвора!

Настал не учению, не школьным занятиям срок:
Взлелеянным детям все знания о мире не впрок.
Нет, время настало всё делать добру поперек,
Пусть в сердце войдут беспрепятственно зло и порок!

Учись обращению с крепким словом, детвора!
Учитель и школа тебе нипочем, детвора!

Как следует, дети, владеть кулаком вам пора,
По чести хозяйничать в доме своем вам пора,

Быть с матерью дерзкими, драться с отцом вам пора,
Покой их разрушить своим удальством вам пора!
Несчастную мать избивай вечером, детвора,
Да так, чтоб вздохнуть не смогла она днем, детвора!

Отец не исполнит какой-нибудь просьбы твоей, —
Чтоб он устрасился убытков, бей утварь скорей!
Яви свой характер, бранись, да, смотри, погрубей!
Стремясь к избавленью от смелых сыновних затей,
Из дома продаст он посуду с котлом, детвора!
Он рад распроститься с последним добром, детвора!

Достаток? Достаточно горя ему одного!
Уж так повезло ему — праздник сплошной! Торжество!
Что светом очей он считал, то сгубило его!
Трудился — и вот тебе: нет за душой ничего!
И душу не спас он прискорбным концом, детвора!
Печаль у бедяги — всей жизни венцом, детвора!

10 ноября 1906

23. ИСПОВЕДЬ ГАДЖИ-МИРЗЫ ГАСАНА

Не знал я, что горю наступит черед,
Что счастье нежданно бедой предстает,
Что может судьба так ускорить свой ход,
Что волю потребовать может народ,
Что сила такая в народе живет!
Я власть над народом — беда! — потерял,
Величье свое навсегда потерял.

Невежды рабами спешили за мной —
И юный, и тот, кто намазался хной,
Хоть не коронован, но правил страной.
Все знают прекрасно, какую ценой
Достался мне райский кусочек земной.
Нет, вашей свободы никак я не ждал!
Что день превратится во мрак, я не ждал.

Ах, сколько имений ко мне перешло!
За крохи склонил я народа чело.
И пашен и стад я умножил число.
Сумел не одно я заставить село
Трудиться, чтоб счастье мое возросло.

И всё это — вникните! — прах, пустота!
В душе — пустота, и в руках — пустота.

Пируя в Тавризе, я в жире увяз,
И в страхе дрожали, заслышав мой глас,
И нес мне доверчивый хлеба запас.
Строптивых лишал я то жизни, то глаз.
Бесстыдно окраску менял я не раз.
Народ — пусть он сгинет! — мой сад погубил,
Меня конституции яд погубил.

Не знаю, кто рой этих пчел раздражил,
Родил у народа дремавшего пыль?
Кто буйное дерево распри взрастил? —
Рубил я, но выбился только из сил!
Безумный мятежник мечты воплотил!
Вернется ль к владыкам весна, не дождусь.
В амбары мои ни зерна не дождусь.

Мирзе бы Джаваду отрезать язык:
Все тайны мои он раскрыл, еретик.
С Мирзою-Гусейном, что к сплетням привык,
Болтали друзья — и урон мой велик!
В Тавризе война показала свой лик:
Я изгнан — и сердцу так больно теперь,
А зависть — победой довольна теперь!

Мечтою о доме мой ум поврежден:
Там всюду встречал я привет и поклон,
Там — запахи кухни, посуды там звон,
Шербет в пиале, навевающий сон!
Там рисом садри я бывал опьянен!
Те дни! . . . Проживу ли я, боже, без них?
Иль встречу я смертное ложе без них?

О боже, что, если такое придет:
Вот я возвращаюсь. Мне вторит народ!
Мне каждый с почтеньем дорогу дает,
Ладони в поклоне слагает, — почет!
И в страхе замкнулся у каждого рот!
Я знатных учу — и гордятся они!
Увы и увy — не вернутся те дни!
Поди и засни, и засни, и засни!

24 ноября 1906

Будь щедрым — что скупиться? Но бедным —
ни гроша!
При виде нищих татов пусть не болит душа.

Что взял — отдай, но только не возвращай должок.
Тебе: «Привет!» — рабочий, а ты ему — плевок.

Что, что? Дела благие? Ну да, и я о том —
Чем не благое дело: с друзьями за вином!

Терзайся! Муки сладки, когда терзает страсть.
Что? Совесть? Глупый малый — имей над нею власть!

Беги от книг, от знаний, послушайся меня!
А вера, убежденье — пустая болтовня!

Вдыхаешь? Брось! Ты лучше кальяна дым вдыхай.
Что нам до бед народа? Пусть рухнет отчий край!

Сироты? Вдовьи слезы? .. Какой же, право, вздор!
Ты муж, кокоток очи пускай ласкают взор.

Добро — не наше дело: у нас крепка рука!
Ах, ах — кулак тоскует по морде бедняка!

8 декабря 1906

25. СЛОВО

Я слово солнцем назову — других сравнений нет!
И впрямь ведь, слово, ты даешь всему живому свет!

Ты истиной сотворено, ты правды смелый луч,
Ты рождено, чтоб сонмом благ осыпать белый свет.

То льешься ты из-под пера, то строчками встаешь,
То полыхаешь на земле, то в небесах твой след.

Как только появилось ты, исчезла темнота,
Ты человеку в первый день открылось, как рассвет.

Кто от рождения не слеп — влюблен в твою красу,
Тобою взор людей ума украшен и согрет.

С тех пор как ты слетело с уст, такое благо ты,
Что человек тобою горд уж много тысяч лет.

Строптивых тотчас усмирит и сломит власть твоя,
Ты можешь, мнится, расплавлять, сжигать любой
предмет!

Величие людских сердец ты — молния мечты,
И отраженье чести ты и всех души примет.

Ты — мудрый воспитатель наш, а потому тебя
Отцом поэзии всегда признать готов поэт.

Да, человека довело до совершенства ты —
И много в мире красоты он одержал побед.

Всем чистым сердцем я, Сабир, прошу тебя о том,
Чтоб древу мудрости во мне послало ты расцвет!

18 декабря 1906

26. ГОРЕ АПТЕКАРЯ

Ай, аман, ой, горе нам от гнетущих,
сердце рвущих
дел изменчивой судьбы, что, подвергнув нас ударам,
обрекает мир пожарам,
беспощадна к малым, старым,
а особенно ко мне, что, в огне сгорая даром,
как свирель в усердьи яром,
только стоны издаю, будто стал я самоваром
и во мне исходят жаром
много тысяч угольков, а из чашек глаз моих льются
слезы, пышут паром,

ай, аллах, каким угаром
я охвачен, кто поможет мне, несчастному: на свете по-
явилось поколение просвещенных — литераторов и вся-
ких вообще интеллигентов, — тех, которые всечасно вво-
дят новые порядки, называя их наукой, да и нас всё
время тянут приобщиться к злему делу, и скажу я: их
призывы — ничто! — они учились, курсы кончили, усво-
ив кое-что от обученья, но, клянусь вам, надоели мне
проклятые поэты, что о всякой дряни, вздоре,

чертовщине, мелком соре
разболтались, как в бреду, —
всё у наглых на виду:
каждый ваш грешок в году,
всех пороков череду
и подметят на ходу,
и опишут на беду,
и почтенный чужестранец с ними сразу же в ладу;
я оглох, я пропаду,
слыша в муке
о науке
речь скучнее всякой скуки, —
мол, дадим друг другу руки,
а на что нам эти штуки,
если всё, что получили мы от прадедов в наследство,
наши древние законы, наш уклад и образ жизни, пове-
денье, положенье, что нам будет искони, —
всё в стихах своих они
порицают в эти дни:
то и это изгони,
переделай, измени,
жить по-новому начни,
траурный надень наряд —
в школу отведи ребят, —
боже, что они велят! —
значит, собственной рукою
преврати дитя родное —
ужас! — в русское, в чужое,
чтоб лишить себя покоя,
созерцая, как святое
мусульманское дитя, словно дети ишверцев, в картузе
который год
всё твердит «иштот-миштот»,
ходит учится — и вот
станет доктором оно и подверженным недугу правовер-
ным мусульманам выдавать начнет лекарства, те аптеч-
ные лекарства, что от века состояли из вина наполови-
ну, а другая половина — из воды, и оскверняли непо-
винные желудки у несчастных правоверных, между тем
как есть на свете парфюмерная лавчонка, чей хозяин —
раб аллаха, наш гаджи благочестивый, самый верный
сын пророка, кто на всё
глядит глазами, подведенными сурьюю,
голову покрасил хною,

у кого меж пальцев четки, в чьей душе глубокий корень
навсегда пустила благодать, кто вовеки не обидел ни-
кого своей изменой, кто и куплю и продажу вел со все-
ми без обмана, вместо мускуса ни разу не давал деше-
вой дряни, — в этой лавочке, в которой наследить не
смеют крысы, в этой лавочке, в коробках, безо всяче-
ских покрышек, много дивных средств хранится, что ле-
жат десятилетия, но от этого сильнее аромат их и це-
лебность и еще верней спасенье от болезней и печалей,
а они и впрямь спасают — эти травы и коренья, семена,
пилюли, смеси, — и подумайте: всё это в лавке так и
пропадай,
все забудут этот рай,
за зимой наступит май,
вновь луна осветит край,
а гаджи — сиди зевай,
год за годом — баю-бай —
гостя в лавке не встречай, —
так вот и придет вай-вай!

29 декабря 1906

27. ВОТ ТЕБЕ И КУКАРЕКУ!

Показалось мне — зреет заря.
«Кукаре-еку!» — запел я. А зря:
Кто-то камнем мне дал по перу,
И я понял: напрасно ору.

С той поры прозорливей стал я.
Чуть завиджу полет коршунья,
Под прикрытье скорей норовлю,
«Я не бу-у-ду!» — пишу и молю.

О лихие ястреба в вышине,
Не грозите расправою мне!
Ваша доля — парить над землей,
Жить в пыли, во дворе — жребий мой.

Вы не хнычьте, цыплятки мои,
Не нарушу покоя семьи,
Кукарекать погас во мне пыл —
Значит, стал я умнее, чем был.

6 января 1907

28. ПРИЗВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

О судьба моя ты злая,
Что за дни пришли, не знаю,
То и дело я стенаю,
Не живу — в огне сгораю,
Без конца в слезах, без краю,
Сердце кровью обливаю,
А сильнее претерпеваю,
Чем от горестей и бед, —
От журналов и газет,
Где писаки — хуже нет!
Узнаю гяуров след! —
У меня во цвете лет
Отнимают солнца свет,
Смело пишут всякий бред,
Ужасая весь ислам,
Призывая здесь и там,
В каждом городе, селенье
Не забыть о просвещенье:
Школы девочкам открыть,
Чтоб малютки во всю прыть
Мчались в классы по утрам,
Получали пользу там,
Чтоб к ученым степеням
Был для женщины путь открыт,
Чтобы шли, забывши стыд,
В новых платьях в новый быт:
Та с грамматикой сидит,
Медицину эта чтит,
А у третьей важный вид —
О природе говорит;
Книги, письма, ох и ах,
Гибель скромности, аллах,
Страх и прах,
Туман в умах,
Всё — впотьмах;
Такой размах
В их словах
И в их делах,
В этой армии задир,
Взволновавших целый мир —
Чтоб язык их мертвым был,
Чтобы камень их убил,

Чтоб навеки мир забыл
Их слова и обращенье,
Срам, бесстыдство, преступленье,
Злое дело — просвещенье,
Их тлетворное стремленье;
Ведь и знанье и уменье
Каждой девушки лишь в том,
Чтоб держать в порядке дом:
Шить одежду и стирать,
Шерсть расчесывать и ткать,
Тряпки старые латать,
Дом и дворик подметать,
Каждый раз посуду мыть
И — варить,
Варить,
Варить,
Заслужив гостей хвалу,
Голубцы, кюфту, халву,
Из баранины — бозбаш,
Из фасоли — кашу каш,
Фисинджан, чурек, лаваш, —
Вот и всё, что нужно знать
Тем, кто есть жена и мать,
А не знаешь — не беда:
Знанье главное всегда
Заключается в другом,
Суть его, во-первых, в том,
Что, пришедши к мужу в дом,
Огрызайся, прекословь —
Будь там свекор иль свекровь, —
Чтоб не смели возражать,
А умели уважать,
Во-вторых — пускай жена
Будет хитрости полна:
В мужа с деверем она
Бросить розни семена
Обязательно должна,
Чтобы дружбу многих лет
В десять дней свести на нет,
В-третьих — знать важней всего
Всех чертей до одного:
Джиннов, леших, домовых,
Самых страшных, самых злых,
Никого не позабыть,

А напротив, проявить
Здесь особенную прыть,
Чтобы пользу получить,
Если здраво рассудить:
Скажем, стал ребенок ныть
Или попросту шалить —
Имя черта назовешь,
Шалунишку бросит в дрожь —
И ребенок стал хорош;
Так вот сразу и уймешь —
И от всех забот уйдешь
И душою отдохнешь.

Повелел ислам идти
Лишь по этому пути.
Ограничивай дитя,
Чтоб его от бед спасти!
Разобраться не берись,
Делом начатым гордись!
Что? Не веришь? Ну, не верь!
Не стыдишься? Не стыдись!

19 января 1907

29. СВОБОДА

Мне горечь рот свела, хочу вкусить твоих щедрот,
свобода!
Дай мне изведать: ты халва или сладчайший мед,
свобода.

Приснился берег мне морской, пусть сон мой сбудется
скорее!
На нем лежит гора горой — в мешках отправки ждет
свобода.

Свобода свалена в тюках, завязанных веревкой прочно,
Давненько я мечтал о ней, пусть мне перепадет свобода.

Я стал покорнейше просить: «Друзья, мне дольку
уделите!
Кусочек только. Знать хочу, что беднякам дает свобода».

«Прочь! Руки коротки твои! — мне крикнул кладовщик
сердито. —
Тебе, чужак, не разрешит вкусить запретный плод
свобода!»

Не знаешь, что ли, простота, что суждена она Ирану?
Зачем красавице урод! Знай, на таких плюет свобода!»

Я, огорченный, отошел в сторонку, грустно ожидая,
Что, погрузившись на корабль, покинет нас вот-вот
свобода.

Трель полицейского свистка... И двинулся корабль
громоздкий,
В свободном море по волнам медлительно плывет
свобода.

Но вдруг огромный черный флаг затрепетал на главной
мачте.
Я понял этот скорбный знак: там ждут — сейчас умрет
свобода.

Нерасторопный капитан был смыт бушующей водою.
Что ж, должен потонуть корабль, с ним вместе пропадет
свобода.

Кипят и пенятся валы, неумолимо наступая,
Истошный вопль услышал я и понял, что орет свобода.

Крик разбудил меня. Я встал и, на часы взглянув,
промолвил:
«Ночь глубока. Усни, бай-бай, пока не рассветет,
свобода!»

19 января 1907

О страсть! Веления твои превыше всех иных!
И голова моя всегда, всегда у ног твоих.
Мой нрав и вера — это ты! Ты проявляешь их!
Повелевай — перед тобой я трепетно притих!
Исполню всё! Пойду в огонь я по твоим следам.
О, будь уверена — весь мир я за тебя отдам!

31. НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

О наследник милый мой,
Красящий мой путь земной,
Лишь ты один,
Мой юный сын,
Моих седин
Опора, свет,
Уж десять лет,
Как стар и сед,
Не говоря, в конце концов,
О вере дедов и отцов,
О самолюбии моем,
О теле и душе, о том,
Что больше жизни бережем:
О чести, совести моей, —
Остаток дней,
Остаток сил
Лишь тебе я посвятил;
И не только все соседи — безусловно, весь народ
Знает, что не первый год
Дни и ночи напролет,
Потеряв убыткам счет,
Много всяческих забот,
И уроков, и невзгод
Испытал я на себе, делая добро и зло,
Ибо всё для сына шло;
Пусть мне было тяжело —
Всё, что слала мне судьба,
Я сносил, не хмуря лба,
Чтобы, зная в жизни толк,
Выполнить отцовский долг:
Я выращивал, любя,
Милый кипарис, тебя, —
Я не подражал глупцам,
Тем невеждам, тем отцам,
Что по грубости своей
Губят свет своих очей —
Ненаглядных сыновей
Гонят в школу поскорей, —
Нет, я сердцем был нежней,
Я не стал во цвете дней
Обижать души твоей,
И в темницу школы той,

Полной бреднями, пустой,
Я тебя не заключил,
Ибо здраво заключил,
Что, бесспорно, лжет весь свет,
Будто скрыт в науках свет, —
Верь, от них покоя нет:
Наложив на них запрет
И твоей свободе рад,
Я не ставил ей преград,
Но тебе в пути твоём
Не отказывал ни в чём:
Не стесненный ремеслом,
Вечно улицей влеком,
Ты сменял базаром дом,
Правил праздник день за днем,
Утро с вечером смешав,
Шел, куда направит нрав;
Что б ни делал — был ты прав,
Ибо, сыну волю дав,
Понимая юный пыл,
Где б ты ночью ни гостил,
Наслаждаясь под луной
Пеньем, бубном и зурной,
Я тебя всегда хвалил — и могу на коврик сесть,
Чтоб творцу хвалу вознесть:
Сын мой стал таким, как есть,
Доблестей его не счесть,
Молодцу такому честь:
Силой — лев, повадкой — тигр,
Миновавший время игр, —
Значит, сын мой, должен ты
Воплотить мои мечты:
Воспитанье завершить,
Некий подвиг совершить:
Высмотри табун в горах
Иль посеи смятенье, страх
Ты в каких-нибудь домах,
Повергая жертвы в прах,
Сузив землю второпях
И отрезав путь у всех,
Чтобы каждый твой успех
Был мне лучшей из утех, —
Стать разбойником не грех:
Молод, весел и удал,

Наточил в ночи кинжал,
На большой дороге стал
И сражаешь наповал;
Пусть преследуют везде,
Ты не думай о беде:
Даже в камеру попав,
Ты пребудешь жив и здоров, —
У начальства добрый нрав:
О тебе похлопотав,
Хлеба мягкого дадут,
И водички тут как тут
Кружку чистую нальют,
Создадут
В тюрьме уют,
И не будет смельчака,
Чья решит тебя рука
Оскорбить хотя б слегка,
Ну а там, — прощай, тоска! —
Выбрав миг наверняка,
Ты бежишь из-под замка,
А задержит часовой,
И побег сорвется твой,
И с поникшей головой
Ты встретишь приговор суда
О том, что сослан на года, —
Мой милый, не горюй тогда:
И поселенье — не беда! —
Иди ты с радостью туда,
Там девок много, верь ты мне,
Что подойдут тебе вполне,
С красоткой Соней наравне:
Не ротик, а бутон им дан,
Как серебро их белый стан,
Цветок с неведомых полян,
Глядит — ты думаешь: джейран! —
От их кудрей ты будешь пьян:
Таят сирени аромат;
Ах, красота их ранит взгляд,
А белизна туманит взгляд,
Когда ж ласкать их станет взгляд,
То лишь к одной пристанет взгляд:
Одной из этих стройных дам,
Изящных и достойных дам
Ты скажешь: сжался — всё отдам! —

И сделаешь своей женой,
И будешь верен ей одной,
Она велит: свой дом забудь! —
И не смутишься ты ничуть,
И, сколько б твой ни длился век, ты там и завершишь
свой путь.

10 февраля 1907

32. ГОРЕ СКРЯГИ

О деньги! Вы моя душа, так радо сердце вам!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Свет жизни, люди ищут вас, как божью благодать,
И всякий вами свой недуг умеет исцелять.
Кто вас не знает, тот спешит благотворить опять,
Кто вас не ценит, тот готов для нации отдать.
В друзья души зову я вас, тоскуя по ночам.
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Все знают, как я предан вам, сиянью ваших глаз.
И дни и ночи глаз своих я не сводил бы с вас!
За вашу полноту отдам я весь ислам зараз!
Гори весь мир — одним грошом его бы я не спас!
Пусть к вашим сундукам пути не будет беднякам!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

С почтеньем, деньги, каждый день я навещаю вас:
Я поклоняюсь, деньги, вам, ценю без края вас,
Я нежу вас, я вам служу и умножаю вас, —
На соли, сыре берегу, на чашке чаю вас!
Вас ущемив, я под удар себя подставляю сам!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Как жизнь свою, я берегу тебя, мой чистоган:
Зря и молле тебя не дам, хоть чту высокий сан!
Он не получит ничего — прочти хоть весь Коран!
Голодный, голый — проходи! Для них ли ты мне дан?
Пусть нищий кровью плакать стал — не верю я
слезам!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Без вас лишь час я проведу — в стенаньях изойду,
Заставлю плакать ради вас детей своих орду,
На страже вас поставлю честь и славу приведу,
А день придет — я жизнь отдам, сгорю за вас в аду!
Туда в тревоге я уйду, на радость сыновьям.
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Низринется моя душа туда, в кипящий ад!
Моллы степенные придут и, совершив обряд,
Наследникам передадут тебя, мой добрый клад!
Ах, кто поймет, что до небес мои мольбы взлетят?
О денежки! На вас глядеть я с болью буду там!
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!

Не надо думать, что меня благословят они, —
Распределят и на разгул растратят клад они!
Из-за веселья полетят куда хотят они!
По Соне или Анне взяв, начнут разврат они:
«Чинара! Ротик ваш — бутон! Прильнув к таким
устам,
За вас отца и мать отдам и душу я отдам!»

21 февраля 1907

33

Злой шайтан из преисподней восклицает: «Люди, люди!
Знанья мир заполонили, много знать желают люди.

Кто поймет науки эти? Кто втемяшит? Кто посеет?
Иль не видите, смутьяны вас к беде толкают, люди?

Если вдруг простонародье от ученья станет зрячим —
Тем оно почета, славы богачей лишает, люди!

Разве хочет власть имущий пробуждения народа?
Эти знанья да науки в страх его ввергают, люди.

Батраки уже проснулись, жаждут прав они, свободы!
Или ханы, или беки знать о том не знают, люди?

А газетчики-писаки без стыда раздоры сеют,
Пачкотню распространяют, вечно вас пугают, люди!

Зло храните! Режьте, жгите! Людям головы рубите!
Души — вон! Добра — не надо. Пусть ножи сверкают,
люди!

Убивать — в природе вашей, проливать потоки крови.
Можно ль нас, шайтанов, трогать? Нам еще внимают
люди...

Очень жалко, если сгинут и невежество, и дикость, —
От кровавых неурядиц пусть вражда вскипает, люди!

Пусть призывы ежечасно раздаются: жечь и резать!
И рассудок свой, и души для чего спасают люди?

Но не вздумайте сорвать вы покрывала бескультурья:
Станет видно, как шайтаны вашу жизнь терзают, люди!»

3 марта 1907

34

Наше главное стремленье — загубить страну вконец,
Клевета и озлобленье — вот услада для сердец,
Все дела у нас в забвенье, болтовня — всему венец,
Нам привычно бить и драться, ближних в рог бараний
гнать,
Кулаками мы, кавказцы, людям преграждаем путь!

Точно жало скорпиона — наша цепкая рука,
Пить попросит истомленный — не получит ни глотка.
Мы попрали все законы... Что ж, беда не велика, —
Что нам совести бояться, ведь медаль украсит грудь!
За награды мы, кавказцы, к свету преграждаем путь!

Имя доброе пороча, стали мы бичом земли,
Честность мы порвали в клочья, всех коварством
превзошли.
Что?.. Прогресс?! Других мороча, лучше стать мы не
смогли.
Что нам к свету устремляться?! Прежней чести не
вернуть!
Мы довольны. Мы, кавказцы, к жизни преграждаем путь!

Зло исходит очень часто от поэта.
Бейте, бейте же безбожника за это!
Бейте, бейте же его, а сочиненья
Разорвите на клочки без сожаленья!
Он религию порочит, — не пускайте!
Над святынями хохочет, — не пускайте!

Он без совести и чести, — не пускайте!
Гром срази его на месте, — не пускайте!
Нечестивец и тупица,
Не желает он молиться, —
Нужно вместе навалиться, — не пускайте!
Удирает? Хочет скрыться? Не пускайте!

31 марта 1907

36. ПЛАЧ

Зачем я должен сострадать и подавать ему, господь?
Зачем я должен помогать и потакать ему, господь!

Босой? Голодный? Поделом несет терновый свой венец!
Что, он не может прокормить себя, как пахарь или жнец?

Какая польза богачам, что он оттянет свой конец?
Да если он умрет скорей, ему же выгодней, господь!

О голодающих скорбеть, скажу открыто наперед,
Я не намерен. Нет и нет! Пускай хоть вымрет весь народ!..

Создатель сам поможет им, коль в этом надобность
найдет.

А мне, признаться, видеть их противно-мучительно,
господь!

А всё газетчики виной: чуть что — они уж тут как тут,
На всю губернию кричат, статьи аршинные пекут —
Мол, помогите беднякам! Не дай бог бедные умрут!
Зазря карман опустошать — да это ж просто смех,
господь!

Ты что, скажи, сошел с ума? Ты так стоять за нищих
рад,

Что, можно думать, среди них скулит твой сват иль
даже брат.

Ведь деньги мне дороже глаз! Дороже всех земных
наград!
Нельзя же их совать в ладонь любому встречному,
господь!

Бедняк к богатым знает путь — за подаяньем лезть
горазд!
Ишь, попрошайничать привык! Коль брюхо пусто, пусть
продаст
Чоху свою, и шапку, и недавно сотканный палас.
Да разве мало мне кому подарки надо слать, господь!

Ты всё газету мне в глаза свою ничтожную суешь,
А суть увидеть не спешишь, а дело толком не поймешь:
Ну, дам я деньги беднякам, а без копейки Анна что ж?
Ведь Анна-то не Хансенем, чтоб попрошайничать,
господь!

7 апреля 1907

37

О виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок,
Чтоб он в мечеть не превратил наш погребок в короткий
срок!

Красавица, своих волос не связывай ты в узелки:
Пойми, что зерна четок нам напомним каждый узелок!

Ни колдовством, ни волшебством в любви безумцу не
помочь, —
Лишь слово «милый» повторяй, забудь слова «ты мне
далек»!

Когда не вижу я тебя, твоих расстроенных кудрей,
Поведай горе гребешку и мне пришли твой гребешок!

Какую сладость я познал, к бокалу горькому склоняясь!
Должно быть, краешек его и ты пригубила разок!

Когда возлюбленных сердца сгорают в пламени любви,
То в целом мире им сродни — свеча и бедный мотылек!

Увидел родинки зерно на дорогом лице Сабир —
И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна его увлек!

13 апреля 1907

38. НЕ КРИЧИ, СПИ!

Спи, курица!.. И хоть во сне наешься проса до зари!
Потише!.. Коршун над тобой парит кругами — посмотри!

В курятник прятаться — нельзя! Гуляй поменьше во дворе!
Хозяйский нож сверкает. Смерть — не за горами!..
Посмотри!

От тех яиц, что ты снесла, не вздумай ожидать цыплят!
На сковородку загляни! В очаг, на пламя посмотри!

Как зангезурец, не кричи о хлебе, о зерне своем!
Разбогатели хан и бек, став торгашами, — посмотри!

Не доверяйся языкам тех, кто о храбрости твердит.
Как в миг опасности они бегут скачками — посмотри!

Речь проповедника — сладка. Пытливей на него взгляни!
В том сладкоречье яд гюрзы, на тех, кто в сраме, —
посмотри!

Чем на дворянское лицо смотреть с надеждою, бедняк,
Уж лучше в саване ступай к могильной яме!.. Посмотри!

Ты хочешь знать, кого у нас интеллигентами зовут?
Взгляни на карты и вино... В грязи их знамя!..
Посмотри!

Их разговоры и дела — политиканство, болтовня,
Ложь укрывается у них за похвальбами — посмотри!

14 апреля 1907

Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!
Ей-богу, я горю в огне, спаси, податель благ!
Горсть недругов чернит ислам, забыв и стыд и страх,
Непослушанье пробудить хотят в твоих рабах.

В такие злые времена мне жить пришлось, ах-ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Повсюду к жертвам нас зовут, к созданию школ зовут,
Поставить доску в каждый класс, поставить стол зовут,
Зовут нас розги отменить, к нам произвол зовут,
И выставить скорей из школ почтенных молл зовут,
И пригласить взамен моллы учителя, ах-ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Что значит он, зачем он к нам пристал, учитель тот?
Чтоб в год пятьсот — шестьсот рублей хватал учитель
тот?

Чтоб новый метод применять он стал, учитель тот?

Чтоб, загребая свой оклад, сиял учитель тот?

Чтоб, видя этот капитал, молла вздыхал: «Ах-ах!»

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог,
К работе руки не лежат, к делам — не двинуть ног:

Ах, даже у детей моих какой-то новый слог!

Ах, это всё в моих ушах трещит, свидетель бог!

Права... Свобода... Порт-Артур... Маньчжурия...

Размах!..

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Клянусь былым, сошли с ума, развращены они!

Ислам!.. Безверьем новых дней заражены они!

О, как понять, во что теперь превращены они?

Какой-то там свободе все душой верны они!

Такие, право, молодцы — не выразить в словах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Ах, неужель минувших дней никто нам не вернет?

Ах, неужель им не дано продлиться лет пятьсот?

Науки, знания, мораль, мы дали б вам расчет.

О ненавистный прошлый год и позапрошлый год!

Сгореть бы вам, чем у невежд будить огонь в умах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Не знаю, чем я занят был, что не видал ничуть,

Как прежние враги наук избрали новый путь.

Такою верой в этот путь наполнена их грудь,

Что когти горя рвут меня и не дают уснуть.

Как знать, потерпят ли когда стремленья эти крах?

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

28 апреля 1907

Ну, где твои надежды? Где? Ответ, наивное дитя.
 Ведь ты, я помню, ликовал, в прогресс поверив не шутя.
 Иль ты прозрел и различил поток высокого вранья?
 Теперь признайся, погляди, не я ль орешек
 раскусил?

Не ты ль долбил, что ни один тебя не трогает недуг?
 Не я ль на это возражал: «Тебя терзает алчность, друг»?
 Не ты ль твердил в ответ свое и надувался как индюк?
 Взгляни на факты позади, не я ль орешек
 раскусил?

Не ты ль захлеб хвалил, мой друг, вновь испеченный
 энджумен?
 И утверждал, что Атабек не осквернит священных стен?
 Меж тем осталось всё, как встарь: меджлис без всяких
 перемен!
 Как ни суди, как ни ряди, не я ль орешек
 раскусил?

Не ты ли Думу возвышал, за благо благ приняв ее?
 Не я ль тогда на этот счет сомненье выразил свое?
 Ну как, бакинский депутат улучшил нам житье-бытье?
 Ты зелен, друг, и глуп, поди! Не я ль орешек
 раскусил?

Не ты ль молол, что Дума бдит и видит, в чем людей
 нужда?
 Не я ль сказал, что Дума нас не обогреет никогда?
 А гром гремит, а град сечет. От стужи спрятаться куда?
 Зуб на зуб, вишь, не попадет. Не я ль орешек
 раскусил?

Кто о сплочении трубил, о дружбе плел сто раз на дню?
 Кто, как не я, развеял в прах пустую эту болтовню?
 На злобу тянет нас, на месть да на позорную резню!
 Туман разогнан впереди. Не я ль орешек раскусил?

12 мая 1907

Ты, пекущийся о чести, не обманывай народ,
 Говоря, что славу только справедливый обретет, —
 Лишь терзания и муки болтовня твоя несет.
 Вот совет тебе мой мудрый — размышлений долгих плод:
 Славу духа обретает в наше время только тот,
 В ком невежество и зависть крепко сплетены
 в клубок.

О достоинстве и чести не веди пустых речей,
 Пospеши свое богатство приумножить поскорей,
 Чтоб его, утроив, нежно мог прижать к груди своей.
 Вороти свой лик от нищих, прочь гони их от дверей,
 О больных и неимущих ни минуты не радей —
 Следуя этому закону, что прекрасен, хоть и строг.

Пусть тебя не омрачают ни печали, ни беда.
 Будь ханжой, слезу пуская, — нет большого в том вреда.
 Пусть в грехах ты утопаешь, унижайся без стыда,
 Только не учишь ремеслам, не работай никогда.
 Ну, а если тяжко будет, то без всякого труда
 Вором стань — разбогатеешь, мне поверь, в короткий
 срок.

Не гнушайся ложью, если выгоду она сулит,
 Воровством займись, покуда в мире этом зло царит.
 Будь проворен и пронырлив, бей других — не будешь бит.
 Пospеши: расплатой горькой промедление грозит.
 Спит народ, а вдруг проснется и к аллаху возопит —
 В гневе праведном жестоко покарает тебя бог!

19 мая 1907

43. РАБОЧЕМУ

Ты человек? Что это так, ужель считаешь ты?
 Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

У человека красота и роскошь быть должны,
 Дома в убранстве у него и не сочтешь казны.
 Следы усердия его на всех вещах видны.

Дворцом хибарку, грязь и мрак ужель считаешь
 ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь
 ты?

Ты в знатном обществе, смотри, не вылезай вперед!
Перед начальством смиренно стой, закрыв покрепче рот!
Нехорошо, когда бедняк, пороча нас, орет.

Что равен богачу бедняк — ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Кто с богачами уравнил несчастных бедняков?

Мы взяли всем: лицом, умом! Бедняк, а ты каков?

Ты о достоинствах своих и двух не свяжешь слов!

Что мы в одном ряду, простак, ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Удел твой — молотом стучать, не зазнавайся, эй!

О равенстве мечтаешь ты? Не строй пустых затей!

Двугривенный получишь в день — уж ты и богатей?

Мильоном каждый свой пятак ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Мы — богачи, мы — богачи! Почет и слава — нам!

А если нам дана казна, то и держава — нам!

И власть над ней принадлежит — подумай здраво! —

нам!

Хозяев соборим зевак ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Скажи, кому обязан ты работою своей?

За наши добрые дела ты нам дерзить не смей!

Да ты за это нам воздать когда-нибудь сумей!

За честь клеймить нас так и сяк ужель считаешь ты?

Что человеком быть — пустяк, ужель считаешь ты?

Смушенье знаешь ты?

Себя ль терзаешь ты?

От срама, от стыда

В огне сгораешь ты?

26 мая 1907

44

Честь и слава воздадутся, если будешь ты богат,
Ум и знания не в почете, ты запомни это, брат.

Будут петь тебе хваленья, много ль чести от того:
Грамофон с трубою это лучше сделают стократ.

91

Стол твой яства украшают, плов и сладкая хурма,
Ты, в отличие от животных, знаешь цену всех усад.

Коль назвался человеком — в горло ближнему вцепись,
Кровь его испей: для сильных в этом мире нет преград.

Только дикостью звериной ты проложишь к счастью путь,
А иначе наслажденья дымом в небо улетят.

Ну а те, кто денно-ночно спины гнут? .. О них молчи, —
Лишь на тех, кто счастлив ликом, останавливай свой
взгляд.

2 июня 1907

45. ПОЭТИЧЕСКИЙ МОТИВ

Святое призванье твое, поэт, не добро ли оно?
Не родины ль верным сынам оно искони суждено?

Не песням ли звучным певца эпоху свою воплотить?
Не чуткое ль сердце его быть зеркалом мира должно?

Страну возвеличить свою, увидеть счастливой ее —
Не этой ли светлой мечтой певцу вдохновляться дано?

Кто в царстве поэзии смог достойно взойти на престол,
Тот знамя надежд развернул — и гордо оно внесено.

Но если поэт занялся одним пустословьем, хвалой,
Не мерзкий ли это холоп, чье рабское сердце черно?

Поющий за деньги певец! Презренна продажность его!
Не самым ли страшным грехам его песнопенье равно?

Тогда как для мудрых стихи — сокровищница жемчугов,
Не гнусно ли их продавать с разбитым горшком заодно?

Стихи восхвалителей — пыль с порога богатых людей.
Таковыми стихами льстецы и славятся в мире давно.

Навек подхалимству поэт всей сутью враждебен своей —
С душой лицемеров оно на все времена сращено.

Для нас лицемерье — порок, оставим его для святош,
Которым притворствоваться, лгать как будто совсем не
грешно.

Чем несколько дней протянуть, распластываясь у
владык, —
Уж лучше мы сразу умрем: у гордых решенье одно!

Когда пребывает певец во власти высоких идей,
То в речи высокой его заложено правды зерно.

Певца не могу я призвать: «Ты в песне людей поноси!»
Коль честного слово чернит, то чести оно лишено.

Из личной вражды никого ты ложно не смей обвинять,
Иначе — ты попросту груб и действуешь ты неумно.

Я также призвать не могу: «В стихах интригана
хвали», —
Дурные дела прославлять нам совестью возбранено.

Всегда справедливость храни: в ней прочный к спасению
мост;
Едва оступился на нем — как тут же свалился на дно.

Живи ты, как правда велит, иди только правды путем,
Пусть горе познаешь на нем — то правдою повелено.

Так будь терпеливым, Али, ты терпишь от братьев своих,
Страдаешь за родину ты — и гордостью сердце полно.

6 июня 1907

46

Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?
Войдет ли в тупицу ума благодать как-нибудь?

О деньги! Душа моя сызмала предана вам!
Что дивного в том, что я жив поклоненьем деньгам?
Без вас не бывать ни пирам, ни веселым денькам!
Смогу ли без вас я людей убеждать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Растет моя гордость, как отданный в рост капитал.
Растете вы, деньги, — и вес мой как будто не мал.
Не раз при молитве от Мекки я взор отвращал,
Но взор мой от вас я смогу ль оторвать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Я грабил народ — и совсем захирел из-за вас.
Пока не закрою сундук, не смыкаю я глаз.
«Ешь досыта, — мне говорят, — мало ль денег припас!»
Но сможет ли пылкий влюбленность унять
как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Нужда — не про нас! Нам знакома чеканка монет!
Без денег — и славы у самого славного нет!
Хоть мал мой убыток, горит всё же сердце в ответ.
Но деньги в огонь разве можно швырять
как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Корпел я годами, истратил недюжинный пыл,
Спешил, торопился, глядишь — и богатство скопил!
И прожил я свято, хотя никого не щадил.
Возможно ли святость мою утратить как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

А ныне в народе замечена новая прыть:
Поддай-ка им денег, чтоб школы для бедных открыть,
Чтоб, видите ль, деток обоего пола учить!
Но можно ли бедных к науке поднять как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Что толку, что к знаниям нищие дети идут?
Что встали и в школу они на рассвете идут?
Нет, пусть на работу нахлебники эти идут!
Родные! Могу ль просвещение признать как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

Чтоб чтили науку всецело — новинка для нас!
Чтоб женщина в книгу глядела — новинка для нас!
То богопротивное дело — новинка для нас!
Нельзя ль этот буйный родник задержать
как-нибудь?
Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?

1 июля 1907

Черт побери, уснул же этот малый! Как мертвый спит!
Не шевельнется даже одеяло! Как мертвый спит!

Перебудил родню и всех соседей тревоги шум,
А он всё спит, ему и горя мало! Как мертвый спит!

Не скажешь, глядя, что, как все живые, проснется он:
Сон мертвеца! Такого не бывало! Как мертвый спит!

Чуть бьется пульс. Он дышит иль не дышит —
не разберешь.
Кровь, видимо, остыла, гуще стала, — как мертвый спит!
Клещи иль блохи присосутся к телу — всё нипочем!
Хоть скорпион в него вонзил бы жало — как мертвый
спит!

Каких только врачей к нему не звал я — ответ один:
«Плюнь! Не помочь нам этой кляче палой! Как мертвый
спит!

Тут ни массажем и ни прижиганьем спасти нельзя:
Он даже разлагаться стал, пожалуй! Как мертвый спит».

Уже все мусульманские мальчишки кричат: «Аллах!
Неужто он скончался?! Всё пропало! Как мертвый спит!»

Кой-кто уже из русских дам, представьте, щебечет: «Ах!
Ведь этот мусульманин, я слыхала, как мертвый спит!»

Аман, дядя Молла, теперь по книжке нам растолкуй:
Неужто этот богатырь удалый как мертвый спит?!

8 июля 1907

48. БЛАГОРОДНЫЙ НАПЕВ

Эй, чумазый, как ты втерся в наш имущий класс?!
Неужели в самом деле ты достоин нас?!
Только стоило нам смолкнуть, ты уж тут как тут.
Лезешь, дурень, прямо в залу, как наглец и плут!
Ты рабочий. Ты в опорки грязные обут.
Так не пробуй же тягаться с ханом, свинопас!

Что за шум ты поднимаешь, что за чушь несешь!
Созерцать твои лохмотья просто невтерпеж!
О приличии понятия нету ни на грош.
Не в папаше ли ты прячешь золотой запас?!

Рожа в саже, руки — крюки, посмотри, каков!
А язык подвешен ловко — рассуждать здоров.
Кто привез и расселил их, этих бедняков?
Кто развел их, этих нищих, миру напоказ?!

Было время, с поклоненьем к беку шел бедняк,
В три погибели сгибался, а не кое-как,
Унижался, улыбался даже натошак.
Чуть покажешься, бывало, вскакивал тотчас.

Было время, да минуло, нынче жизнь не та:
Осмелела, обнаглела всюду беднота.
Равноправье им подайте! Взъелись неспроста!
Спячка кончилась, выходит. Пялят бельма глаз!

Эй, феле! Ступай сочти-ка заработок свой,
Со своей родней голодной на судьбу повой.
Разве можно выйти в люди с честной головой?
Жалок твой портрет, рабочий, в профиль и анфас.

Веришь? Ищешь человечность? Где ж твой сан и
Чин?
Чести ждешь? Культуры жаждешь? Пышных
Именин?
Где ж твои ковры и шали, окромя овчин?
Где твои шальные деньги? Где ты их растряс?

Говоришь-то ты надменно! Где ж твой замок? Где?
Где любовницы-красотки? Сони, Ани где?
Где отрада опьяненья? Звон бокалов где?
Где, скажи, игра в рулетку в поздний сладкий час?

Был бы ты в ладах с аллахом, он тебе бы дал,
Как и всем богатым людям, ум и капитал.
Но ведь ты бедняк бесштаный! Постыдись, нахал!

Не пытайся быть культурным! Слишком ты чумаз!
Убирайся вон, рабочий! Сгинь, ничтожный, враз!
Не погань паскудным видом благородных нас!

14 июля 1907

49. ЛЕЙЛИ-МЕДЖНУН

О, богатств моих расточитель злой,
Мой несчастный сын, мой мучитель злой!

Просвещенья друг, мерзкой школы друг,
Ты не можешь жить без своих наук!

В день, когда на свет появился ты,
Как я счастлив был, что родился ты.

Я сказал тогда: «О мой сын, пойми:
Ты — наследник мой, честь моей семьи!

От заслуг моих будешь ты сиять,
Будешь радовать ты отца и мать.

Если в мир иной перейду я жить,
Всё мое добро станешь ты хранить».

Я не знал, что есть у науки власть,
Что сожрет тебя эта злая страсть.

Мой ученый друг обманул меня:
В роковую сеть затянул меня.

Я послал тебя в этот страшный дом —
Ах, зачем я жил не своим умом?

Крепкий корень свой подрубил я сам,
И светильник свой погасил я сам.

Но ошибку пусть совершил отец,
Светлым дням своим положил конец.

Так зачем же ты по тому пути,
Не жалея сил, так спешишь идти?

Не пора ль тебе, мой сынок, устать,
От ученых дел наконец отстать?

Я вчера сидел проверял счета:
В кассе денег нет — и душа пуста.

Покупать, поверь, сотни книг нельзя:
Торговать совсем из-за них нельзя.

Ну, тетрадей пять ты б себе купил. . .
От кого такой непомерный пыл?

Карандаш, перо, кто придумал вас?
Лучше б он ослеп в тот недобрый час!

Пожалей меня, не давай сгореть!
Трудно золотом было сделать медь.

Деньги попусту, мой сынок, не трать —
Не расстраивай ты отца и мать!

То один пустяк, то другой пустяк —
Капитал мой весь, видит бог, иссяк.

Всё здоровье ты потерял, сынок:
Почернела кровь и лицом поблек.

Ох, опасен он, твой недуг, поверь! . .
Боже, кто его исцелит теперь?

Ты не спишь, не ешь и не пьешь совсем,
Стал за книгами нехорош совсем.

Говорю тебе: «Отдохни, приляг. . .»
Нет, ты отдыха и прогулок враг.

То бормочешь ты, позабыв досуг,
То закаркаешь, как ворона, вдруг. . .

Вот пришла весна, принесла цветы —
Неужель отца не утетишь ты?

Ты б, как сверстники, встретил эти дни —
На лугах теперь и в садах они.

Те гулять пошли на простор холмов,
С гордым соколом затевают лов;

Эти пить, кутить собрались тайком —
Кто в занятье их упрекнет таком?

Этот картами увлечен герой,
Тот любовною занялся игрой —

Каждый в чем-нибудь или как-нибудь
Сметкой, смелостью норовит блеснуть.

Силу в обществе укрепив свою,
Каждый радуется, веселит семью...

Благо вам, отцы, коль таких детей
Вы для радости обрели своей!

15 июля 1907

50

Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!
Не хитри, не вляй, как лисичка, смешной экинчи!

Что ни день, с извиненьями ты не торчи под окном,
Не склоняй головы ты ни днем, ни в ночи под окном,
По башке, по груди кулаком не стучи под окном!

Тон приличный усвой в разговоре со мной, экинчи!
Замолчи ты, холоп! Эй, не очень-то ной, экинчи!

Что тяжелым был год у крестьян — я совсем ни при чем!
Что взошел вместо хлеба бурьян — я совсем ни при чем!
Что погибли чалтык и баштан — я совсем ни при чем!
Виноват же не я, а какой-то там зной, экинчи!
Замолчи же, проклятый! Не очень-то ной, экинчи!

Всё твоё достоянье попало под град — мне-то что?
Твой баштан унесла саранча, говорят, — мне-то что?
Одеяло свое отдаешь ты в заклад — мне-то что?
Вот продашь ты палас, разживешься казной, экинчи!
Брось болтать, не хами и не очень-то ной, экинчи!

Что работал ты много, но нечего есть — не тверди!
Если правда, что ты умираешь, то к черту иди!
Нет пшеницы? Достань хоть из глаз! Мне плевать на
дожди!

Добывай мне пшеницу любую ценой, экинчи!
А не то разочтешься своею спиной, экинчи!

Не имеешь — так что же? Тебя я убью, но возьму!
Вырву к черту глаза и печенку твою, но возьму!
Плетью голое тело твое обовью, но возьму!
Потолкуй о судьбе со своею женой, экинчи!
Замолчи, не болтай и не очень-то ной, экинчи!

Эй! Из проса чурек ты, устав от работы, глотай!
Жаждешь? Лед растопи и без всякой заботы глотай!
Выпив яду змеи, и змею заодно ты глотай!
Не имеешь ты к мясу привычки дурной, экинчи!
Как животное, жил и живешь ты, дрянной экинчи!

Человеческий облик лишь мне по достоинству дан!
Я потомственный бек — нет мне дела до всяких крестьян!
За обедом я пьян, и за ужином тоже я пьян!
Таково положенье мое под луной, экинчи!
Я ведь бек, а не пахарь, не червь земляной,
экинчи!

24 июля 1907

51

Благодарение творцу за то, что «Дебистан» закрыли!
Рванул осенний ураган, сад знаний — гюлистан закрыли!

Побил в садах деревья град, посевы на полях поникли,
Арбузы на корню гниют. Где им расти? — Баштан
закрыли!

«Бурхани-тарагги» зачах, не расцветет «Ульфет» отныне,
Погиб в сраженьи «Хемийат», «Иршад» на откуп дан —
закрыли!

Устал «Рахбар» руководить, и «Текамюль» замолк
навек,
Могучий лев повержен в прах — поэзии диван закрыли!

С врагом забитых мусульман мы вышли на майдан
сразиться,
Победой схватку завершив, Рустама мы дастан закрыли!

Пусть мрут от голода, пускай ревут в отчизне наши
дети,
Дорогу молока к сосцам сто сотен жгучих ран закрыли!

Про суннитов и шиитов толковали без конца:
Мол, в единстве наша вера и оплот, учителя!

Мало женских, мол, гимназий, и училищ нет у нас.
Что еще на ум, скажите, вам взбредет, учителя?!

Кто же внял таким советам, ахинее вашей внял?
И какой себе снискали вы почет, учителя?

Удалась затея ваша? Ну, признайтесь, удалась?
Постыдились? Иль ничто вас не проймает, учителя?

Или мните, что у ближних нет заступников своих?
Распустились, всяким бредням дали ход, учителя!

Коль радетели такие у народа вроде вас,
Провались к чертям радетель и народ, учителя!

В дополненье откровенно честь имею заявить:
С вами мне не по дороге, так-то вот, учителя!

У меня одна забота — отмахнуться от забот,
Проводить в разгуле ночи напролет, учителя!

«Змий в сосуде, чаша — в длани, в голове — тяжелый
хмель», —
Этот стих куда милее ваших мол, учителя!

12 августа 1907

53. МНЕ СТОЯТЬ

Когда любимая уйдет, с тоской во взоре мне стоять.
В душе желанья сохранив, всю жизнь в позоре мне
стоять.

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен:
Утесом древним под грозой в открытом море мне стоять.

Укоры волнами идут, но челн упорства моего
Стоит на прежнем: так всегда при злом угоре мне
стоять!

Каких ударов ни обрушь на грудь Бистуна молоток —
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне
стоять!

Родная, если жизнь равна цене веленья твоего,
То жизнь я с радостью отдам: на уговоре мне стоять.

Беда ли, если некий час меня предаст небытию, —
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне
стоять.

Как в слове «этэна» с боков элифы стражами стоят,
Сабиром, окруженным злом, в земном просторе мне
стоять!

16 августа 1907

54. ВОСХВАЛЕНИЕ

Мы, пленники веков, живем в цепях судьбы.
Но не бродяги мы, не нищие рабы.
Не только мудрецу, известно и невежде,
Что, честь блюда свою, живем, как жили прежде.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Привыкнув жить во тьме и лени с детских лет,
Мы — вечные отцы раздоров, распрей, бед.
Взимая с ближних дань, мы смотрим воровато:
Нельзя ли их лишить последнего халата?
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Едва почил в земле великий Мелик-шах,
Мы тут же стали жить друг с другом на ножах.
И так нам удалось в борьбе себя ослабить,
Что враг взошел на трон и край наш начал грабить.
Как видишь, честь свою несем мы сквозь века!
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Чингиз нам, как глава, был нужен позарез.
Мы с конницей его не зря пришли в Хорезм.
Бежал хорезмский шах. А мы, резвясь как черти,
Дома и школы жгли и рушили мечети.

Повсюду нам почет. Запомнят нас века!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

К нам крестоносцы шли. И зазвенел булат.
Всех рыцарей побив, вернулись мы назад.
Но друг на друга тут рванулись наши кони.
И стали мы сады свои рубить под корень.
Трудились мы, пока держала меч рука.
Мы — шоры на глазах народа-простака.

Чернобаранными считали мы себя,
Белобаранными считали мы себя.
То в Анатолии, а то в Азербайджане,
Как долг и честь велят, друг друга поражали.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака.

Потом пришел раскол. Делились пополам:
Тех принял хан Ильдым, а этих — Тамерлан.
Потом и стон и крик стоял над Анкарою —
Там кровь пускали мы и исходили кровью;
Стрелки мы и мишень для доброго стрелка.
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Во славе — Тамерлан! Во прахе — Тохтамыш.
В Кызыл-Орде людей мы сбрасывали с крыш.
Но вот Кызыл-Орда, распавшись, опустела.
Тогда московский царь пустил дружины в дело.
И что же? Власть его для нас была сладка.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Султан Селим иль шах великий Исмаил,
Не помню, первым кто ислам наш раздвоил?
Но раздвоили нас: одни пошли в сунниты,
Другие — то-то грех! — немедленно — в шииты.
Тех и других судьба, увы, с тех пор горька.
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Недуг тот шах Надир поклялся излечить.
И, прежде чем в земле достойно опочить,
Войной решил пресечь он эти две болезни.
Где сыщешь средство ты разумней и полезней?
Но мы, его убив, забыли старика.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Вот зрелище опять! Какая, право, новь!
Из-за куска земли мы перегрызлись вновь.
И, воскресив слова «иранство» и «османство»,
Мы вновь ведем войну и вновь чиним тиранство.
Мы подняли клинок и гибнем от клинка.
Мы — шоры на глазах народа-простака.

26 августа 1907

55. БОЮСЬ!

Когда я брожу по степям, по лесам,
Колючий топтать бурелом — не боюсь!

И если брожу среди знойных пустынь,
С диковинным встречусь зверьем — не боюсь!

На море, когда на мой утлый челнок
Обрушатся буря и гром, — не боюсь!

Вопящую вижу толпу дикарей,
Навстречу иду напролом — не боюсь!

На темную гору паду, словно луч,
Вулкана, что дышит огнем, — не боюсь!

В ущелье войду, словно легкая тень,
Увижу змею — что мне в том? — не боюсь!

А в заросли спрячусь, уйду в камыши,
Там встретиться с яростным львом — не боюсь!

На кладбище, если встают из могил
Вампиры во мраке ночном, — не боюсь!

В развалинах бесы и духи подчас
Кружатся, как мошки, столбом, — не боюсь!

Немало загадочных, странных людей
Встречаю в скитанье своем — не боюсь!

Короче, всего, что случается мне
Увидеть на шаре земном, — не боюсь!

Но — каюсь! — что вместе с бесстрашьем таким,
Как только — аллахом клянусь я святым! —

Войдет мусульманин в мой дом — я боюсь!
Мне страшно дышать между лживых, дурных!

Я вижу кровавые замыслы их,
Жить рядом с коварством, со злом — я боюсь,
Боюсь, боюсь, боюсь!

2 сентября 1907

56

На плов я в домах набредаю подчас и на мясо,
Бросаюсь — еда хороша даровая! — на мясо!

Хочу, чтобы люди всегда для меня не скупилась
На вкусные яства и — так я мечтаю! — на мясо!

Подобно коту, что блудливо гуляет по крышам,
С урчаньем кидаюсь на дым шашлыка я, на мясо!

Завижу ли жирное мясо, висящее в лавке,
Как пес я ощерюсь и чуть ли не лаю на мясо.

Но слаще всего оно там, где голодные дети
Глядят со слезами, когда я глотаю, на мясо.

Родись я крылатым стервятником, я бы садился
Туда, где валяется падаль гнилая, на мясо!

Иные безумцы под праздник все деньги растратят
На масло, на зелень, — о, щедрость смешная! —
на мясо!

Ведь мясо вкуснее, когда оно даром дается,
Брать в лавке накладно, — цена дорогая на мясо!

Народ мне противен! Едва бедняка я увижу,
Похож становлюсь я, от злобы пылая, на мясо.

О, дивные деньги, в них скрыта души моей сила,
Зачем расточать их, родне отдавая на мясо!

Аллаха и веру продам, но — Бахлул, будь
покоен! —
Гроша беднякам не отдам никогда я на мясо!

13 сентября 1907

57

К тайне жизни ключа я найти не могу,
Жить без разума в трудном пути не могу.

Вот теленок — и тот вырастает в быка,
Только я почему-то расти не могу.

Говорят: «Помолчи, постыдишься говорить!»
Значит, правду держать взаперти? Не могу!

Если видят глаза и работает ум,
Солнцу в небе сказать: «Не свети!» — не могу.

Ливень хлещет меня, я ж, бездомный бедняк,
И укрыться, хоть ломит в кости, не могу.

Говорят: «Надоел! Не мели чепухи!»
Я ж печали своей извести не могу.

Говорят: «Непоседа!» Но я ж, не трудясь,
Раздобыть и копеек пяти не могу.

Говорят: «Бестолковый! Избавься! Умри!»
Правда, братец ты мой! Как я в мире ни бьюсь,
Но последней тропы обойти не могу!

13 сентября 1907

58

Не несись ты вскачь, Молла! Эй, с арены прочь, Молла!
Мусульман огнем сатир больше не порочь, Молла!

Ох, до адского огня очень ты охоч, Молла!

Сам себя же ты извел, как глупец точь-в-точь, Молла!

Ты немыслящих ослов баснями морочь, Молла!

Мы же знаем толк во всем! Нам уже невмочь,

Молла!

Ну-ка, прямо говори, что пристал ты к нам, как бес?
Мы ж ни благодати твоей не видали, ни чудес!
Стал картинку рисовать — в обществе теряешь вес,
С малеванием своим в неприятность только влез.

Видно, скоро ты творца отрицать начнешь, Молла!
Правду про загробный мир заклеямишь, как ложь,
Молла!

Ты ученый человек, мусульманин, ты бы сам
Стал каноны толковать, укрепляя тем ислам.
Заново перескажи «Сорок попугаев» нам,
А про совесть рассуждать перестань, не будь упрям:
Ну, к чему свобода ей? Веру ты упрочь, Молла!
Про гылманов, гурий нам пой и день и ночь, Молла!

О деяниях святых нам поведай и о том,
Как нам ближнего раздеть, завладев его добром.
Вспомним о святых отцах, их посланья перечтем,
Пусть враги болтают нам что угодно о былом!
Ты постельку постели, ляг, свой пыл умерь, Молла!
Муж науки, что тебе делать-то теперь, Молла!

Ты в мечети возвещай небылицы — ждем давно!
И амбары наполняй ты пшеницей! Пей вино!
На народ накинь узду, одурачивай умно!
Женщину раскрепощать? Да тебе не всё ль равно?
Сын Адама — человек, а совсем не дочь, Молла!
Дочь — животное, и ей плеть должна помочь, Молла!

Мучтеидом лучше стань, навербуй себе друзей
И, в цевежду превратясь, темноту повсюду сей!
Ты оставь сендов, молл, с плутнями, с их сутью всей!
Не болтай об их грешках! Есть ли прок в беседе сей?
Ты смотри: они в чалмах, им почет велик, Молла!
Чтоб ислама не задеть, прикуси язык, Молла!

Связь меж богом и дождем, еретик, ты отрицал.
Истину о том, что мир держит бык, ты отрицал.
Что над нами — семь небес, напрямик ты отрицал.
Джиннов, бесов, ведъм, чертей — злой язык — ты
отрицал!
Слишком много ты познал, заблудился ты, Молла!
Богохульством не черни белые листы, Молла!

Обмотайся кушаком, четки где-нибудь добудь
И, рассказывая сны, истолковывай их суть.
Для чего тебе Иран выводить на новый путь?
Ты картинок не рисуй, дай от мерзких отдохнуть!
Для чего ты про Иран столько лжи наплел, Молла!
Будто разорен совсем он руками молл, Молла!

География твоя нам нисколько не нужна.
И без всяких теорем жизнь загадками полна.
Геология! Смотри: лезет внутрь земли она!
Чем науки изучать, изучи Коран сполна!
О грехах умеи судить, о спасенье душ, Молла!
Нам обряды важно знать, а наука — чушь, Молла!

Лучше опиум кури, а войну и мир не тронь.
Ты на бога положишься, а искусство брось в огонь!
На пожитки сироты набредешь — не проворонь!
Накурись — да на ковер, да под голову ладонь!
О торговле рассуждать начал ты опять, Молла,
Суевериями нам любо торговать, Молла!

Что вопишь ты, если вдруг крошку замуж отдают,
Если засуха была и не в меру голод лют,
Если что ни день гаджи новых жен себе берут,
Если не хотим сорвать мы с души отсталой пут?
Ты обычаев не тронь, грех большой весьма, Молла!
Эх, бедняга, ты погиб, спятил ты с ума, Молла!

Что? Не спится? И не спи! Сон со временем придет!
Но забудь, не трогай молл, не буди простой народ!
Ханов, беков не терзай! Пусть старинкой люд живет!
Пусть котел кипит себе, не бросай в него ты лед!
Мало пользы от наук чрево извлечет, Молла, —
Чрево ханов, беков, молл и других господ, Молла!

17 сентября 1907

59. ОДИН ОТВЕТ НА ДВА ВОПРОСА

Ты молод, не куражься, брат, не зазнавайся, черт возьми!
Не гогочи, как мальчуган из невоспитанной семьи!
Лицо твое еще в пуху, так не трещи ты, не греми!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Когда в делах порядка нет, дано ли им свершиться в
срок?
Возможно ль полдню наступить, пока не заалел восток?
И приведет ли к нам весну один раскрывшийся цветок?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Казнили Атабека вы — не отрицаю я ничуть!
Но их ведь тысячи еще — или не так я понял суть?
Ворота новые у вас? О нет, меня не обмануть!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Допустим, сгинул Атабек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки, я спрошу? И где военный флот у вас?
Вы в баню старую пошли — а к новой путь ведет у вас?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Национальное, скажи, правительство дано ли вам?
Пришлось ли стать короче им — папахам длинным и
рукам?
Страной прошел ли паровоз, распространяя шум и гам?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

По Тегерану поброди, в его лечебницы сходи:
Как лечит хан Абульгасан, увидишь с трепетом в груди.
Как распрей отравил народ сановник этот — погляди!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Другие страны назову — читателя тоска возьмет,
И длинной речью утоплю — хоть прикрывай ладонью рот!
Вот почему сейчас мой стих короткий разговор ведет:
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбылись пока!

Ручьи не понесли пока!
Власть, даже цвета не сменив,
Свой нос задрала ввысь пока!

2 октября 1907

60. ВОПРОС — ОТВЕТ

- Не смей глядеть!
- Не смею, не гляжу.
- Молчи!
- Молчу, ни слова не скажу.

— Не слушай!
— Что ж, попробую и так.
— Не смейся!
— Смех могу зажать в кулак.
— Не думай!
— Стоп! Вот тут уж дудки! Нет!
На мысль, прости, не выдуман запрет!
Коль я живу в бушующем огне,
Я вместе с ним пылаю наравне.
Спокойно тлеть немыслимо в пути,
И ты со мной так глупо не шути!

26 октября 1907

61. ПОСЛЕ ГОЛОДА — НЕ ЕДА, А БОЛТОВНЯ, ИЛИ ЛИСТОК ИЗ ЖУРНАЛЬНОГО ДРЕВА

Вот с подноса сняли ткань
Небывалой красоты.
Глянь! Расставлены на нем
Яства, будто бы цветы.
За столом обжор не счесть.
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шербет,
Сахар услаждает рты.
Плов, белея как чалма,
Так и дразнит животы.
Предвкушенье этих яств
Сладостно до тошноты.
Посмотри: среди гостей —
Никого из нищеты.
Время ужина пришло, —
Проповедник, где же ты?
 Без дельца делам не быть!
 Без тебя пирам не быть!

Что ж, пора! Твой аппетит
Разыгратья должен, рьяный,
Для постящихся людей
Наступает миг желанный:
Скатерть — в блюдах! Над столом
Пар встает благоуханный.
Эти яства, помолясь,
Вкусит знатный, вкусит званный.

Здесь, куда ни поглядишь, —
Духовенство, беки, ханы!
Души жалких бедняков
Запах блюд изводит пряный.
Сердце ж знатных веселят
Эти жирные бараны.
Потерпи, бедняк, пускай
В сердце муки, в сердце раны!
 Без нужды рабам не быть!
 Без тебя — скорбям не быть!

Наблюдая старый мир,
Вижу старые явления:
У недужного — недуг,
У богатого — именья,
У голодного — мечты,
У купца — обогащенье.
С кровью сердца слезы лью
От обид и возмущенья.
Смогут ли мои глаза
Эти вынести мученья,
Если в сердце у меня
Не удвоится горенье,
И стихи не станут жечь
Грудь мою до иступленья,
И не станет подражать
Вешним птицам вдохновенье?
 Нет, без слов певцам не быть,
 Без певца — стихам не быть!

Так отдай печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Час настал, чтоб всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой живой
В их глазах оставил след.
От богатых благ не жди,
Если ты разут, раздет.
У бездушных богачей
Уваженья к просьбам нет.

Лей ручьи кровавых слез,
Ты, поблекший с давних лет!
Без несчастий нам не быть!
Без тебя — слезам не быть!

11 ноября 1907

62. БОЖЕ, СЛАВА ТЕБЕ!

За твоих бессердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края карман, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горе народа всего,
Но почет получивших и сан, боже, слава тебе!

За покой мясорубок живых, тех, что знают одно:
Лишь бы был пожирнее баран, — боже, слава тебе!

За людей, утопивших в крови столько братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!

О, за кровь, что по воле твоей затопила Баку,
За страданий и слез океан, боже, слава тебе!

За рычащих твоих дикарей, за твоих кровопийц,
В чьих глазах лишь кровавый туман, боже, слава тебе!

За шакалов твоих городских, — их в пустыню б
загнать! —
За кишаший зверями майдан, боже, слава тебе!

За честнейших людей, что всерьез помогают лжецам
Замышлять сверх обмана обман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье,
За бесчестных таких мусульман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно глядят на такие дела, —
Их же совесть не тронул шайтан, — боже, слава тебе!

Вопрошая, всевышний, тебя: как не сжег ты земли? —
Говорю я, от радости пьян: боже, слава тебе!

Не решить мне загадки, лежащей скалой на груди!
Это только начало пути, жизнь еще впереди!

16 декабря 1907

63. ПИСЬМО

Эй, Молдан, не злись! Что проку в том?
Не стой ты так упрямо на своем!

К чему нам что ни день, то новый лад?
К чему считать полезным школы яд?
Что толки о культуре нам сулят?
Что с просвещеньем мы приобретем?

Мне ль за тобой, изменником, идти?
Я не сойду с отцовского пути!
Детей на муку в школу отвести?
Иди один неправедным путем!

Нет, ничего ты не втолкуешь мне,
Я не сгорю в науках, как в огне!
Ведь раскусил я твой обман вполне:
Что б ты ни сплел, мы тотчас расплетем!

Я — крепость! Я... я — старины скала!
Вселенную готов я сжечь дотла!
Кальян и опий — все мои дела!
Так я живу, так буду жить потом!

Не суй в глаза мне нацию мою!
Что мне ее свобода? Прочь! Прибью!
Не будь отравой моему житью!
Давай мы речь об этом обойдем!

Душа моя рублем, рублем живет!
Пусть гибнет мир, а мне б — извлечь доход!
Что родина мне, право, что народ?
Гори они — я свой спасу лишь дом!

Противно мне смотреть на бедняков!
Их замечать? О нет, я не таков!
Для услаждения своих зрачков
Мы лучше горы золота найдем!

23 декабря 1907

64. В ШКОЛУ

Цветик мой, моя весна,
Хватит, хватит спать, сынок!
В школу, умник мой, пора:
Ты оставь кровать, сынок!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Утро встало уж давно,
В доме больше не темно,
Солнышко глядит в окно —
Светит мальчику оно!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

У того, кто долго спит,
Голова, сынок, болит,
Долго спать велит нам лень,
Труд быстрее вставать велит.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Слушай, слушай мой наказ:
Без науки — как без глаз!
Не ленись, учись, родной:
Темнота — беда для нас!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

В школе слава, в школе честь,
В мудрой школе радость есть.
Шлет скрипучее перо
Нам о чудной сказке весть.
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Эй, сынок, довольно спать.
Научись читать, писать!
Книга — первый друг тебе,
А второй твой друг — тетрадь!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Ты учителя цени,
Все слова его храни.
Пусть продлятся на года
Твоего ученья дни!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

Поучись, экзамен сдай,
Удиви родимый край.
Чти науку, мой сынок,
Ради знаний жизнь отдай!
Ну-ка, свет моей души,
В школу, в школу поспеши!

1907

65. МАЛЬЧИК И ЛЕД

В школу мальчуган идет.
Вот он храбро стал на лед.

Шаг — и вмиг попал в беду:
Он лежит ничком на льду!

Встал, и что же сделал он?
Так вскричал он, раздражен:

«Ах ты, лед! Какой ты злой!
Человека — с ног долой!

Вот стой! Придет весна —
И тебе задаст она!

Станешь ты водою, лед,
Воду в море унесет».

1907

66. ДНИ ВЕСНЫ

Мчитесь, мчитесь, дни весны —
Хороши, теплы, ясны!

Снег, растай в горах скорей,
Растопись в садах скорей!

Зашуми, ручей, рекой!
Вызрей, колос, вот такой!

Сад, цветы высок, ветвист,
Стань с косынку каждый лист!

1907

67. НА ЧТО ТЕБЕ, АЛЛАХ?

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Сердца холодные как лед на что тебе, аллах?

Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней
человек, —
Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, аллах?

Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Влачить позор из года в год на что тебе, аллах?

Когда из горьких слез людских сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?

Зачем на тихие луга оленей выгонять,
Когда охотник их убьет, — на что тебе, аллах?

Когда от пашен и садов доход имеет бек,
Зерно взлелеявший народ на что тебе, аллах?

Труд — батрака, ярмо — быка, земля кругом — твоя, —
Лентяя бека жадный рот на что тебе, аллах?

Когда владычит вечный мрак над скорбною землей,
Тот, кто страдальцам свет несет, на что тебе, аллах?

Гнев долгополых мусульман, что людям в сюртуках
Наслал бы тысячи невзгод, на что тебе, аллах?

И если им такая власть, хулителям, дана,
То честных ружеников пот на что тебе, аллах?

Когда доносчики вершат свои дела хитро,
Шайтан, ленивый сумасброд — на что тебе, аллах?

Когда мужчина не к жене, а к мальчику идет,
Жена, что дома слезы льет, на что тебе, аллах?

Когда купец, пустив слюну, за Сонею спешит,
То Тукезбан в плену забот на что тебе, аллах?

Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

6 января 1908

68. ВОПРОС — ОТВЕТ

— Как город ваш? Растет? Мужает? Полон сил?
— Он тот же, видит бог, каким при Ное был.

— Пришлось ли для детей построить школу вам?
— Немало медресе построил сам Адам!

— Газеты есть у вас? Читают люди их?
— Читают дураки. Но я не из таких!

— Открыта ли у вас читальня в парке днем?
— Открыта, но она давно стоит вверх дном!

— Призрел ли кто у вас отверженных людей?
— Аллах поможет им. Ему с небес видней!

— Несчастливым вдовам вы нашли к надежде путь?
— Выходят замуж пусть повторно как-нибудь!

— Ведут ли речь у вас о дружбе до конца?
— Ведут, но больше так... для красного словца.

— Шинт к сунниту злость копить в душе отвык?
— Что ты сказал?! Смотри... Я вырву твой язык!

— Вопросов больше нет. Я всё узнать успел.
— И черт с тобой, иди! Мотай, куда цел!

Взгляните на пего, на этот жалкий вид!
Как шапку носит он! Как глупо говорит!

13 января 1908

69. ЭЛЕГИЯ

Ты улетел, о щедрый чудодей!
Ты улетел, в душе таивший клады.
Зачем умолк ты, старый соловей?
Или в саду ты не нашел отрады?

О, истинный подвижник и творец
Чертога знания в сумраке сердец!
Толпа ль невежд ускорила конец,
И ты не вынес тягостной осады?

Ты сеял правды чистой семена,
Тебе воздали ближние сполна,
Испил ты чашу горестей до дна.
Дождался ли подмоги и награды?

Окончил Пахарь тяжкие труды.
При жизни всходов не увидел ты,
Иль эти похоронные цветы —
Твой урожай, скупой и небогатый?

Ужель для достославных сыновей,
Служивших верно нации своей,
Любви не вознесется мавзолей,
Хранящий свет блистательной плеяды?

Теперь в раю избавишься от бед,
Сеид-Азиму мой скажи привет.
Забудет ли о родине поэт,
Неведеньем небытия объятый?

Ширван, знававший славу и успех,
Теперь — берлога дрыхнувших калек.
Кого винить — наш просвещенный век?
Не сами ли мы в этом виноваты?

19 января 1908

70. ЧОХ

Стоит нам мозгами чуть пошевелить,
Как назло науке слышится «апчхи».
Брось дела! Примета подождать велит.
Опускаем руки — слышится «апчхи».

Закатаем дружно снова рукава,
На раскачку тратим годик или два.
Капитал вложить бы, думаем, сперва,
Но по всей округе слышится «апчхи»!

По всему Кавказу чох идет — беги!
За носы хватайся, доставай платки.
В Кахе и Казахе, в Шемахе, Шеки
Мир честной в испуге — слышится «апчхи»!

Этот чох не знает удержу уже.
Носится по свету в диком кураже.
Кто чихнет в Сальянах, кто чихнет в Гяндже,
Извелись от муки — слышится «апчхи»!

Что такое, боже, расчихались все!
Кто сперва, кто позже — расчихались все!
Не к добру, похоже, расчихались все!
Заглушив все звуки, слышится «апчхи»!

Никаких приличий чох не признает!
Никого — хорош ли, плох — не признает!
Лавка ли, мечеть ли — ох! — не признает!
В храме и лачуге слышится «апчхи»!

20 января 1908

71. ФИСИНДЖАН

Когда раздавлен ты судьбой, не думай: мир на слом идет.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идет.

Где бесталанный, где талант, теперь у нас не разберешь.
Просеяв, зерна соберем, пусть пыль за ветерком идет.

Волнение времени сравнить я с маслобойкою могу, 0
В которой пахтанье на дно, а масло вверх комком идет.

Кто любит человека, тот влюблен в свободу, верен ей.
Да, человечность вместе с ней всегда одним путем идет!

Ты просвещенным не тверди: «Вы на ошибочном пути».
Здесь о невежестве твоём, здесь речь о нём одном идет.

О просвещенных говоришь и об «ошибке» их твердишь:
Противоречие с твоим невежеством рядком идет!

Иль, может, просвещенья луч тебя, сверкая, ослепил?
Летучей мыши ты сродни — вот разговор о чем идет!

Уйми пустое хвастовство: «Смотрите, мол, какие мы!»
Мы тех признаем, кто вперед, не прячась, прямиком идет.

Лишь краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисиджан, где ночью пир и днем идет.

27 января 1908

72

Не верю я, что речь твоя чиста, честна, святой отец!
Коль прав ты, пусть меня возьмет сам сатана, святой
отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить скованный народ,
Как нож в ладони у кочи, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернишь по образу своей души,
Не перекрасишь душу ты — она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взимал,
Отвергнул бы свои труды ты все сполна, святой отец!

Не суй в глаза мне свой намаз, себя в работе покажи!
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

3 февраля 1908

73. НАМ ЧТО?

Если бедствия пришли раздавить народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Голодают, но богатств мы не завещали им:
Мол, идите — всё добро, не жалея, раздадим!
Есть у нас один закон: верность выгодам своим!
Наша роскошь перейдет к нашим детям, к ним одним.

Если бешеный буран погубил сирот — нам что?

Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?..

Все, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред!
Чтобы лопал это всё зангезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Сядь, бельмо, им на глаза, чтобы им не видеть бед!
День и ночь голодный вой, поснивший рот — нам
что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Насреддин, оставь! Забудь! Все твои призывы — прах!
Нас на это не возьмешь! Сам сиди в своих сетях!
Нам глядеть на Зангезур? Видеть в каждом доме страх?
Пусть в могилу лягут те, что замерзли там, в горах!
Не равнину дал им бог, а гряды высот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Не показывай нам, друг, то пристанище беды!
Летом мы гуляли там, на горах — цветы, плоды.
Но, поборы завершив, мы оставили сады.
На зиму — в Тифлис гулять: пить и петь на все лады
Рвут бураны Зангезур, смерть ведет обход — нам
что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Мы оставили пока разоренные дома, —
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Лиз — прелестью сведут с ума.
У красоток — люстры, блеск, а к Залхе заглянешь —
тьма!
Если эта тьма навек обняла народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

24 февраля 1908

74

Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя,
Слезую каждый твой сухарь омыт, мое дитя.
Не перечислить всех твоих обид, мое дитя.
Ты просишь есть, но зря твой крик звучит, мое дитя!

Когда бы человека вдруг в тебе народ нашел,
Он понастроил бы тебе национальных школ.
Увы, до этого еще народ наш не дошел —
И честь раздавлена твоя ордою всяких зол,

Глубоко в землю твой талант зарыт, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока!
Не повелось у мусульман беречь твой бока.
Нет, наши беки жрут и пьют, валяют дурака,
Грызутся из-за теплых мест и жирного куска.
Их не жемчужина, а грязь манит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит,
Пускай за это не тебя, а нацию винит.
Когда бы родиной ты был воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навзрыд?
Всё тело в шрамах у тебя, болит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел.
О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел.
Твой каждый шаг тебя на дно стремится, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

О нация, позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!
Дитя мое! Пускай храпят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума.
Тебя унизили, а я забыт, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

9 марта 1908

75. АЙ, ХВАЛА, ХВАЛА ТЕБЕ!

Вот как в мире ты живешь! Ай, хвала, хвала тебе!
Что ни слово — ересь, ложь! Ай, хвала, хвала тебе!

Значит, правда, что поэт с верой не в ладу давно,
Что умение писать лишь безбожникам дано!
Всё их дело — отрицать, веселиться, пить вино.
Снова с книгой ты бредешь? Ай, хвала, хвала тебе!

Непохожий на людей, ну-ка — к зеркалу лицом!
Хною бороду намажь, будь заправским молодцом!
Ты благочестивым стань, палец свой укрась кольцом,
Чтоб сказали все: «Хорош!..» Ай, хвала, хвала тебе!

Нет, несчастный, ты себя до могилы не поймешь!
Твой противный круглый глаз с молоканским, право,
схож.

Чуть услышу речь твою — уж меня бросает в дрожь.
Ты теперь ко мне не вхож. Ай, хвала, хвала тебе!

Ты на истину взгляни ну хотя б одним глазком!
Вай! Портретами чертей ты зачем украсил дом?
Неужель тебе глаза не мозолит день за днем
Вид безбожных этих рож?.. Ай, хвала, хвала тебе!

Обезумев, ты забыл все дела для суеты.
С новым платьем приобрел даже новые черты.
Любишь блеск штиблет, галош! Это ты или не ты?
Ты в грехах великих сплошь!.. Ай, хвала, хвала
тебе!
Боль мою в себе умножь! Ай, хвала, хвала тебе!

16 марта 1908

76. ПУСТЬ НЕ БУДЕТ

О т е ц

Сынок, на улице играй, будь равнодушен ко всему,
И никакого ремесла пусть у тебя не будет.
Сторонкой школу обходи, охоты к чтению, к письму
И к изучению числа пусть у тебя не будет.

С ы н

Отец, работы не ищи, избави боже, не трудись,
На это времени, отец, пусть у тебя не будет.
Ты лучше каждый день женись и ежедневно разведись,
И чувства чести никогда пусть у тебя не будет.

О т е ц

Настанет ночь — из дому прочь,
По кабакам броди всю ночь,
Там имя доброе порочь.
Как совести, так и стыда пусть у тебя не будет,
И самолюбья никогда пусть у тебя не будет.

Сын

Настанет ночь — обмажься хной
И в ряд всех жен своих построй.
Когда же ляжешь ты с одной,
Того, чем женщинам ты мил, пусть у тебя не будет —
Ни настроения, ни сил пусть у тебя не будет.

Отец

Пусть по утрам встает заря,
А ты не поднимайся зря,
Лежи. Короче говоря,
Ни жажды знания, сынок, пусть у тебя не будет,
Ни прилежания, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын

Пусть по утрам заря встает,
Ты в жаркой бане парь живот,
А если вдруг болезнь придет,
Здоровья, что истратил ты, пусть у тебя не будет,
А заодно и красоты пусть у тебя не будет.

Отец

Когда ты день и ночь подряд
Без дела бродишь наугад
И люди все тебя стыдят,
К ним уважения, сынок, пусть у тебя не будет,
В душе смущения, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын

Когда выходишь ты во двор
И с девушкой через забор
Ведешь игривый разговор,
Красавица болтать с тобой пусть никогда не будет,
Твоею верною женой пусть никогда не будет,
Играть твоею бородой пусть никогда не будет,
Удачи в жизни никакой пусть у тебя не будет.

23 марта 1908

Если тем, кто заодно с темнотою,
Не угодно этот сон прекратить,
То сумеет ли народ наш простой,
Где аллах и где пророк, различить?

Светоч школы ведь затем и возник,
Чтоб цветок ума расцвел без шипов.
О, спешащий на заре в тот цветник, —
У твоих святых надежд нет основ!
Спи в невежестве, смирись, дорогой!

Как для спящего заря ни свети,
С черным белое слилось у него, —
Так больному, что лежит в забытьи,
Взвек недуга не понять своего.
Лишь цирюльники его излечить,
Всяк по-своему, мудрят вновь и вновь.
Нет, в сознание ни к чему приходить,
Если даже потерял ты всю кровь!
С боку на бок не вертись, дорогой!

Слов «безбожник» и «гяур» не мечтай
Из родного языка ты изгнать;
Если жив Мирза-Ганбар, так и знай:
Всем проклятьям в словаре пребывать!
Не поймет он, что простой наш народ
В братстве с братьями всегда жить готов.
Неужель тот ясный час не придет,
Час, когда исчезнет звук этих слов?
Зная это, не очнись, дорогой!

30 марта 1908

78. СОВЕТ

Пусть будет боль твоя моей, эй, Мешади-Сижимкули!
Не думай ты, что в шестьдесят часы последние пришли:
Хвала аллаху, ты силен, еще не гнешься до земли!
Так не хватайся, не держись ты за презренные рубли!
Возьми товарец, он в цене, ты не скупись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Я с удивленьем узнаю, что у тебя одна жена,
И потому-то жизнь твоя однообразна и скверна.
Жениться мог бы ты еще, не так уж плохи времена.
Тебе хотя бы три жены, а у тебя всего одна!
В соседстве нет? На стороне ты приглядишь.
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Такого свата, как Сафдар, на целом свете не найти!
Ко всем красавицам, поверь, ему открыты все пути.
Ты в жены девочку возьми годочков эдак десяти,
Теперь высокий рост у нас и мраморная грудь в чести.
К такой груди прильни во сне и насладись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Оставь же старую жену, подальше от нее уйди!
Все неудачи вместе с ней должны остаться позади.
Ах, чернокудрую себе подругу жизни заведи,
Подругу с ангельским лицом спешн прижать к своей груди!
Героем будь в своей стране, расшевелись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Так мал, неопытен твой сын, что не способен понимать,
И лет исполнилось ему, я слышал, только двадцать пять,
И сладость очень многих дел ему еще не разобрать!
Зачем подобному жена? К чему такая благодать?
Тебе жена нужна вдвойне, прибодрись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

О, заклинаю я тебя, ты слышишь, верю твоей!
Ты хною бороду покрась, ходи ровнее, будь бодрей!
Благоуханьем юных жен себя ты окружи скорей!
Не трать добра на пустяки, на безделушки наших дней:
Газеты пусть сгорят в огне, не соблазнь!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Подумай, кто установил — иметь жену всего одну:
Еврей да русский. Да, да, да, уж я тебя не обману!
А правоверный что ни год заводит новую жену.
От наслажденья ты умрешь, лишь я перечислять начну!
Не хочешь? Будущей жене божись, клянись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

6 апреля 1908

79. ШИРВАН

Швырнешь ли, Насреддин, в корзину мое посланье, —
не беда!
Случайно ль, с умыслом забыли все о Ширване, —
не беда!

Я не беспомощен, сумею свой город описать в стихах.
Коль бросит в дрожь моя картина, скажу заране: не беда!

На ней лентяи и невежды в кругу беспечных и тупых, —
Ах, если в городе старинном так много дряни — не беда!

Заброшены библиотеки, закрыты школы с давних пор,
И если нету у ширванцев образования — не беда!

Здесь чайханы за кабаками, за чайханами — кабаки!
Что в них сидят и днем и ночью все мусульмане —
не беда!

Коль кровь сосет бездельник сытый из жил голодных
бедняков
И гурий им молла сбывает, весь век дурманя, — не беда!

Что ж, не печатай этих строчек, но хоть прочти их и
пойми!
А если их совсем оставишь ты без вниманья — не беда!

13 апреля 1908

80

В одном кармане — векселя, в другом — рубли, рубли,
рубли!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!
И пусть для родины моей часы последние пришли —
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

О, если вереница гор ко мне с поклоном подойдет
И у голодных из очей забьет поток соленых вод,
Я не сморгну, я погляжу — растет ли в кассе мой доход?
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

Пусть будет родина в крови — подобна маковым полям,
Тиранов гнет и братьев кровь не потревожат сердца нам,
Мы предадимся всей душой веселью, праздности, пирам!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

Умри — я медяка не дам: богатству полнота нужна
Затем, что в мире каждый миг одним деньгам растёт
цена.

Пускай народа моего судьба грядущая темна —
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

Где нашей нации права? Где слава? Где ее расцвет?
Как быть? Ни уваженья к ней, ни голоса, у бедной, нет!
Мне стать игрушкой этих слов? К чертям — последний
мой ответ!

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

Что совесть? Глупое словцо! Его за шиворот — и вон!
Меня не тронет никогда несчастненьких голодных стон.
Душа тогда лишь расцветет, когда ты скажешь:

«Миллион!»

Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли,
продли!

13 апреля 1908

81. СПАСИТЕ!

Ай, спасите! Рифмачи одолели. Суший ад!
Вы подумайте: Ширван превратить в Гянджу хотят!

Разоренные дома разорят они совсем:
Школу, жизнь, привычный быт изменяют все подряд.

Не довольно им того, что отступники они, —
Правоверных мусульман сбить с дороги норовят!

Эй, зачем зовете нас к просвещенью? Ясно всем:
Вы хотите осквернить нашу веру, наш уклад.

Мы ислам не предадим! Никогда и ни за что
Не откроем кошелеков мы для школы, для растрат!

Ведь живем мы не в Баку, не в какой-нибудь Гяндже,
Чтоб для дьявольских затей не жалеть своих денег!

Вы пытались провести, обмануть пытались нас, —
Что ж, узнали, как моллы проклинают ваш разврат?

Раскусили нас теперь? Наша доблесть вам видна?
Ведь сумели ж подобрать мы гяурский к вам наряд!

Что ж, ступайте говорить всюду о себе, о нас
И о том, как завлекли в школу новую ребят!

21 апреля 1908

82. ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый к слову был бы
И растерянный народ что-нибудь понять бы смог. строг —

Если б милая с другим не встречалась тайком,
Не пришлось бы жениху обходить ее порог.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы наш не знал подозрений и тревог.

Если б истиною ложь праведник не называл,
То от жгучего стыда лжец давно бы изнемог.

Если бы стяжатель-плут нам не напевал «бай-бай»,
Сон невежества никак не нашел бы к нам дорог.

Если б щеки раздувать перестали болтуны,
То у свечки бедняка не погас бы фитилек.

Если бы проклятый гром над правдивым не гремел,
Разве истину таить был бы у него предлог?!

21 апреля 1908

83. ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!
Для мусульманина твой взгляд — как в сердце нож,
дитя!

Любой народ в тебе всегда свой день грядущий зрнт,
Перед твоей мечтою он все двери отворит.

Но мусульманину твой лик страдания дарит,
Он страсть к тебе в своей душе никак не усмирит.
Ты страстно жаждущих тебя с ума сведешь, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

Опасно одному гулять по улицам у нас,
Достопочтенный аксакал с тебя не сводит глаз.
О мой кеклик, о мой малыш, куда идешь сейчас?
Тот дядя — похотливый кот, хоть и творит намаз.
Творящих для души намаз ты не найдешь, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

Ты дяди сторонись, малыш, тебя завидев лишь,
Заманит в лавку похвалой, в горсти подаст кишмиш.
Не будь доверчив, не бери его даров, малыш,
Он злой, хоть с виду добр, в его ты лапы угодишь.
Унижен всеми, пропадешь ты ни за грош, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

Он знает цену всем вещам, тот; кто пленен тобой,
Не знает счета лишь деньгам тот, кто пленен тобой,
Швыряет их к твоим ногам тот, кто пленен тобой,
Молла, гаджи, невежда, хам — вот кто пленен тобой.
За что ты ими так любим, потом поймешь, дитя!
Очаровательный шалун, как ты хорош, дитя!

28 апреля 1908

84. БЛАГОДАРИ СУДЬБУ

Жена! Наш сын герой! Хвала ему! Хвала!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

На улице стою и вижу я вблизи:
Шагает, в стельку пьян, наш милый сын Файзи.
Ударил старика — и тот лежит в грязи.

Ах, как похож наш сын на льва или орла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Пускай себе растет! Зачем ему мешать?
Нас храбростью своей он будет утешать,
А всех людей вокруг он будет утращать.

И скажут о тебе: Рустама родила!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Сам правильный толчок я дал его уму
И в школу не послал ребенка потому,
Что в школу отослать — как засадить в тюрьму.

А голова его и без наук светла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

И вправду говорят — какой от школы прок?
Чтоб глупым болтуном он стал в короткий срок?
Чтоб дерзости урок из школы он извлек?

Ученье — это бред! Оно источник зла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

А если б в школе он неверье приобрел?
В религию бы внес и смуту и раскол?
Нет, не напрасно я противник этих школ!

Наука бы ему несчастье принесла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Мы — люди, милый друг.
Для нас опасен круг
Искусства и наук.

Ведь правда, Хансанам?
Зачем все это нам?
Мы — люди, милый друг!

12 мая 1908

85. ТЕРПИ!

Пусть гибнет земля от бесчисленных бед,
Пусть огненной лавой зальется весь свет —
Любезный, ты спи, одеяльцем согрет,
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть жаждут соседи обняться с весной,
И даже свободы добьется иной —
К мечтателям тем повернись-ка спиной,

Не слушай их бред о народе смешной!
Ты вьешься ужом, хоть, как люди, одет!
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Пусть беки повсюду усилили гнет,
Пусть хан голытьбе ничего не дает,
Пусть, бедный, совсем обездолен народ —
За долей хоть в поле, хоть к черту идет!
Тебе горевать, огорчаться? Ну, нет!
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Мой друг, не пускай ты наследника в класс,
В неверного он превратится как раз.
Разбойничий нож для него б ты припас,
Он выполнит свято отцовский наказ.
А свяжут злодея, очей твоих свет, —
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

Моллу не замарывай славой дурной,
Хоть блуд освятит он с чужою женой,
Пускай из дрянных он и самый дрянной,
Прodelки его обходи стороной!
Ворчать на подобную мелочь в ответ?
Дитя, не волнуйся, молчи — мой совет!

Какая б напасть ни стряслась над тобой,
Над братом твоим, над родных ли судьбой,
Пусть хлеб твой отравит противник тупой,
Пусть слезы тебя захлестнут, как прибой,
Пусть будешь, несчастный, живьем ты
ответ, —
Дитя, не волнуйся, терпи — мой совет!

14 июля 1908

Ой, мама, с красной бородой старик —
Яхши лабазник, не простой старик.
Его глаза сурьмой подведены,
На голове не сыщешь седины,
Молитвы в лавке целый день слышны, —
С умом и любящей душой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

В речах — суфист, привычками — мулла,
Как у мюрида, жизнь его светла,
Как у гаджи, у мешади — дела,
Во всех деяниях святой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

По скромности ему подобных нет,
В походке легок, как во цвете лет,
С лица его как бы струится свет,
Степенный, скромный, золотой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

Он говорит: «Послушай, мальчик мой,
Когда был жив отец покойный твой,
Вот в этой лавке он сидел со мной,
Какой барыш имел он, твой старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

«Отныне лавка будет вся твоей,
Что хочешь делай: вдоволь кушай, пей,
Карманы лучшим кишмишом набей,
Всем счастьем делится с тобой старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

Такой мужчина — равных в мире нет!
Он говорит, лишь кончится обед:
«Сыночек, завтра приходи чем свет,
Не дай, чтоб изошел тоской старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

То проведет он по лицу рукой,
То поглядит в мои глаза с тоской,
То прижимается к щеке щекой,
То тихо говорит со мной старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

21 июля 1908

87. СЕТОВАНИЯ

Слушай, нас до этих дней уважал всегда народ:
Люди кланялись молле, где он, бедный, ни пройдет.

Изобилье, благодать вековали на земле,
Выполнял простой народ приказания господ.

Что бы я ни повелел — тут как тут убогий люд.
То, что белым я назвал, кто же черным назовет?

Низко голову склонив, каждый дело вел свое,
Нас никто не задевал, а совсем наоборот.

Мусульманство и прогресс разве можно совместить?
О народе речь не шла, был закрыт науке вход.

Дорогие, как понять, что болтает молодежь,
Будто ей ходить в мечеть, чтить обряды — не идет!

Нечестивцы стали все на гяуров походить —
И неверьем отдает к мусульманству их подход.

Ох, встревожили они племя, спавшее досель,
Безмятежности былой нам никто уж не вернет.

Даром хлеб чужой вкушать было нашим ремеслом,
И никто нам не пенял, не пускались козни в ход.

Тот, кто шел наперекор, был анафеме предан.
Да и кто тогда с хулой выйти бы посмел вперед?

Ах, прошли те дни, когда власть у нас в руках была,
Нынче даже детвора нам проходу не дает.

Да, прошли, прошли они, золотые времена!
Я в покос пребывал, а народ — во тьме невзгод!

28 июля 1908

88. ДОЧЬ ГЯУРА

Поверь, не знаю я, как быть, любезный Насреддин!
Она вогнала в хворь меня, жена, гяура дочь.

Уже шестнадцать лет, — нет-нет! — уже семнадцать лет
Живет в моем дому, в семье она, гяура дочь.

Трех-четырёх ребят родив, осталась без зубов,
И, как старуха, вся черна, страшна гяура дочь.

Я убедить ее хочу: «Послушай, ты стара,
И, как хозяйка, ты забот полна, гяура дочь!

Позволь же молодую взять: мне — в жены, а тебе
В помощницы, ведь ты всегда одна, гяура дочь».

Нет! Как собака на меня она всегда ворчит.
Ах, отравила жизнь мою сполна гяура дочь!

И ей никто не говорит: «Постой! Тебе-то что?
Неужто мужу ты во вред дана, гяура дочь?»

Чуть свет вставай, дои коров да масла больше сбей,
Следи, чтоб в кизяке была стена, гяура дочь!

Ты шерсть расчесывать должна, палас, попону ткать,
И печь топить, варить и печь должна, гяура дочь!

Согнув свой стан, стирай белье, мети почище дом,
Служи супругу своему без сна, гяура дочь!

Какое дело, мол, тебе, что ищет он жену?
Раз ты жена, то будь во всем верна, гяура дочь!

На то и муж, чтоб по-мужски гарем свой пополнять,
А ты молчи и чашу пей до дна, гяура дочь!»

28 июля 1908

89

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

О Турция, чем ты горда, любимая страна?
Что конституция теперь сынам твоим дана?
Но для соседей не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова была здесь снесена,
И о погибшем сыне мать рыдает не одна!
Нет, конституции и впредь не возрастет цена!
 Не верь, щади родную мать, храни тебя аллах!
 Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Свободу слова вам дадут — мол, говори, народ,
Открыто говори о том, что душу мучит, жжет...
Когда ж министры те слова услышат в свой черед,
Они смекнут, что ваша речь их по карману бьет,
Любыми плутнями они закроют правде рот!
Османец, слово о правах тебе во вред пойдет!
 Не смей собраний созывать, храни тебя аллах!
 Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Допустим, бросить вызов ты правительству сумел
И слово в дело претворил, всегда правдив и смел,
И слух об этом до ушей «ученых» долетел, —
Там не Мирза ли Алекбер на коврик свой присел?
О, сколько мечет он в тебя громов, снарядов, стрел!
За вольнодумца ж постоять никто не захотел!
 Брось это чушью называть, храни тебя аллах!
 Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Османец, право, ты чудак! Ты весь в плену прекрас!
Вам конституция дана — уж ты пустился в пляс.
Иль Фазлуллах и Мир-Хашим не водятся у вас?
Нет, их немало, только вам их не узнать сейчас.
Когда ж узнаете — ой-ой, раскаетесь не раз!
А как расскаешься, глядишь: один-другой без глаз!
 Не смей глупцами злых считать, храни тебя аллах!
 Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

Свободу совести и мы однажды обрели,
И наш счастливый смех летел к народам всей земли.
Мы не заметили, как в дом к нам хищники вошли!
Детей не стали мы держать от мерзостных вдали —
И вмиг развратники себе по мальчику наши...
О, если скажут лжемоллы: «Аллаха восхвали!» —
 Не смей их вере доверять, храни тебя аллах!
 Не смей, как персиянин, спать, храни тебя аллах!

4 августа 1908

Я — могущественный шах, подо мной — страна моя!
Как ее ни называй: Рей, Иран, — она моя!
Вся в развалинах она иль обновлена — моя!

Конституция — ничто! Власть еще сильна моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Конституцию в свой час мой отец вам даровал,
Был он набожный старик, мягок был, стыдлив и вял,
Но политики, клянусь, он совсем не понимал,
Ну-ка, вшивую чоху надевай и стар и мал!
Я — на троне золотом, всем парча видна моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Не иранец я ничуть, а великий Мендели!
Я — тиранства волчья пасть, предо мною вы — в пыли!
Я — беда над головой у подвластной мне земли!
И неважно, что меня вы пиявкой нарекли:
Мясо, кровь и кость — мои! Туши толщина — моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Укрощая вас, я был — помните? — неукротим,
Сын лабазника в те дни полководцем стал моим.
По меджлису дав огонь, превратил его я в дым.
Я присягу растоптал, я отверг Коран, бог с ним!
Что мне слово, что обет? Воля мне верна моя!
Сила, слава — всё мое! Честь — и та сполна моя!

Пусть из Турции до нас докатился чей-то крик,
Крик, одобренный людьми в красных фесках в тот же миг, —
Знай, ревнитель старины, от него я не поник:
Не заставят те умы побледнеть Ирана лик!
На арену вышел я, рядом — старина моя!
Весь народ — он мой! Над ним сталь занесена моя!

А тавризцы неужель были слепы в те года,
Как со мною день и ночь пировали без стыда?
Я, наследник шахский, был всем им по сердцу тогда —
И меня на трон отца подсадила их орда.
А теперь что нужно им? Власть им, что ль, нужна
моя?
К разным женщинам всегда страсть обращена моя!

Нет, иранец должен быть всё забитей, всё темней,
В униженье жить, в нужде, в рабстве с первых детских дней,

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всѣ — суесловье,
ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Что о свободе нам вопить?! Молчи, мой друг, молчи!
Свободе юной нечем жить у нас, в глухой ночи!
Дитя успеют удушить тупые палачи!

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всѣ — суесловье,
ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

«Учись... Коль много будешь знать, свободен ты
везде...»

Всѣ так... Но где нам знания взять? Где школы?..
Школы где?..

Нет школ! И детям — возрастать в невежестве, в беде!
Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всѣ — суесловье,
ложь!

Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Свободы помнишь ты рассвет в сияющих лучах?
И вот опять — свободы нет. Мир превращался в прах,
Пока о Рее смутный бред не позабыл наш шах!..

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всѣ — суесловье,
ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

Ты много ль на пути своем, скажи, встречал услад?
И мне он тоже незнаком — блаженства райский сад.
А краше ль станет мир потом, когда уйдем?.. Навряд!

Мир, говоришь ты, расцветет?.. Всѣ — суесловье,
ложь!
Мир с нашей помощью вот-вот погибнет ни за грош!

25 августа 1908

94. МОЛОДОЙ

Дом богат мой и велик,
Мне мулла служить привык,
Для чего ж грозить разводом?
Разве я совсем старик?

Правда, согнут я в дугу
И жевать я не могу —
Нет зубов, но не старик я,
Верь, что я тебе не лгу!

Мне от слов твоих — беда.
Борода моя седа,
Хной я бороду покрашу,
Потемнеет борода.

В доме есть лаваш и плов,
Ты же, мой пороча кров,
Говоришь — в отцы гожусь я...
Не бросай подобных слов!

Мне всего лишь пятьдесят,
И к тому же я богат,
О красавица, останься,
Всё у нас пойдет на лад!

Умоляю, чуть дыша:
Будь со мною хороша!
Если с виду постарел я —
Молода моя душа.

25 августа 1998

95. АХ!

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ с темнотою дружил тогда!

Разобраться в правах не пытался он,
Революции не улыбался он,
Перед книгами не преклонялся он —
Так невеждою и оставался он!
Сколько вздора я в речи вложил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пыталась пороков искать страна.
Зло добром научилась считать она.
Нас увидеть желаньем была полна,
Нам везде и повсюду росла цена.
Нас почетом ислам окружил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, но пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Вор в поклоне всегда поникал у нас,
Вкусный плов уваженье снискал у нас,
 День ли, ночь ли — я в гости спешил тогда,
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы — не видал народ,
Что со святостью дело вразрез идет, —
И у нас вырастал, вырастал доход.
Нас и наше вранье окружал почет.
 Наш закон правоверных страшил тогда.
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Мы абой прикрывали любой порок,
Всё, что нам приносили, копилось впрок.
Нам ни жадность, ни алчность не шли в упрек,
Почитался целительным наш порок.
 Многим дом наш Каабой служил тогда.
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Божеством и святынею были мы,
За хранителей веры сходили мы.
Всем казалось, что вправду светили мы.
Их гроши трудовые копили мы.
 А скупых я проклятьем глушил тогда.
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче бес настоящий живет в любом.
Посмотрите: шайтаны кругом, кругом.
Оседлали и едут на нас верхом.
Неужели мы прошлого не вернем?
 Наш народ с темнотою дружил тогда.
 Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

8 сентября 1908

Приходит утро, вижу я: ко мне почтение растет,
Приходит вечер, вижу я: мое значение растет.

Не отвернуться, я на дверь, подобно нищему, смотрю —
По угощенью что ни день мое томление растет.

За вечер три, а то и шесть я приглашений получу —
Приятна мне такая честь, а самомнение — растет.

Раз голова моя в чалме — меня всё больше люди чтут,
Чем я важнее, тем сильнее их уважение растет.

Приметой мудрости — наряд, как побрякушка
торгаша...
Сижу и чванюсь, а ко мне расположение растет.

Я о святых рассказ веду, цветистых слов не жалко мне,
Мелю я чушь — а предо мной благоговение растет!

Пока дымится жирный плов и яства разные лежат —
Душа парит, не жалко слов, я лгу — и рвение растет.

Нафарширован баклажан, горой — жаркое и халва...
Не три ли глаза у меня: всё съесть — желание растет!

Не пробуждайся, спи, народ, не размышляй,
не шевелись:

Проснешься если — горе мне! Как опасение растет!

15 сентября 1908

97. НАСТАВЛЕНИЕ

Эй, святоша, будь красив, хоть нутром ты груб и дик:
Если ты душой урод, сделай благостным свой лик!

Просвещенным назовись, а науку отрицай
И ученых мусульман ловко загоняй в тупик.

Если, как скотина, ты по уши в грязи увяз,
Тотчас козни заведи, выкрутись в единый миг!

Причиняй народу вред, знай лишь выгоду свою.
Зорок, ловок и хитер, ты обманывать привык.

Если надо — лицемерь! Будь овечкой для одних,
Для других же волком будь, в кровожадности велик!

Чуть стеснение ощутишь — с убеждениями простись,
Стань доносчиком, шпионь, чтобы в страхе враг поник!

Всех, кто правду говорит, поголовно проклинай,
Против истины иди неуклонно напрямик!

Мусульманам в картузах жить на свете не давай,
Но у ханского крыльца прахом ляг, святой старик!

22 сентября 1908

98

Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан — для нас!
Таким просторным стал майдан, и весь майдан —
для нас!

За трапезой у нас, гляди, сидят владельцы благ.
Они почтенья к нам полны, как повелел аллах.
Пред нами — сотни дивных блюд, всё остальное прах.
И жирный плов и чихиртма пред нами на столах.
Фирни, терек, долма, пити и фисинджан — для нас!
Ах, на тарелке баклажан, ах, баклажан — для нас!

О нищий, не гляди ты в дверь: ты можешь сглазить нас!
Не подывай! Ударю так, что вмиг исчезнешь с глаз!
Себе ты пищу поищи — найдется в добрый час!
А нет — голодным ляжешь спать, тебе не в первый раз.
Обилье этих тонких блюд не для дехкан — для нас!
Утеха, слава, вся еда — для тех, кто зван: для нас!

Покамест мы едим и пьем, за дверью ты постой!
Останется, возможно, плов — стол, видишь, не пустой.
Оглодки наши на полу ты взглядом удостой,
А после — соберешь в суму: ты ж человек простой.
Пока ж и скатерть, и шербет, и твой казан —
для нас!
Казан, и чашка, и стакан, большой стакан, —
для нас!

Тебе никто не запретил просить у всех дверей.
Одежды нет? Добудь тряпье, прикройся поскорей!
И без приправы сможешь съесть немного сухарей!
А нет — привыкни голодать, крепись, не захирей!
Нас почитают: и шашлык, и весь баран — для нас!
Каймак и кофе — всё для нас, да и кальян —
для нас!

Уйди, оставь в покое нас! Эй, не мешай ты нам!
Легко ль, наевшись, говорить? Прочь, ничего не дам!
Обман — источник наших благ, ты понимаешь сам,
Ведь мы же говорим слова наперекор делам.

Всё это — роскошь, и купец, и бек, и хан — для нас!
И полный доверху карман, тугой карман, —
для нас!

И важный сан — для нас,
И бек и хан — для нас,
А если рамазан,
То и майдан — для нас!

29 сентября 1908

99. О ЧЕМ ПИСАТЬ?

Призван я быть поэтом. Стих — честный голос мой.
Пишу о хорошей славе и о молве плохой.
День обвожу лазурью, ночь покрываю тьмой,
Кривое кривым рисую, прямое — строкой прямой.

Зачем же ты так таращишь, читатель, глаза,
скажи?

Иль в зеркале ты увидел себя целиком во лжи?

Едва только я печально раскрою свою тетрадь,
Перо, как смычок послушный, придвину за рукоять,
Едва побегут чернила по белой бумаге — глядь,
Ты цап-царап мою руку! Язык норовишь связать!

Странно! С дороги правды ведь я свернуть
не спешу,

О том, что воочью видел, и четверти не пишу.

И четверти не пишу я о том, что кричит: «Пиши!» —
А ты меня хлещешь бранью от всей своей злой души.
Суди о себе по чести, не подличай, не греши,
Взгляни на свои поступки — чем они хороши?

Пойми свои недостатки, не злобствуй, других
кляня,

И вместе с собою этим не огорчай меня.

Служители слова знают, каков твой живой портрет,
Какою ты мерзкой жизнью живешь уже много лет.
Всё знают писаки точно, но, ведая к правде след,
Они и двадцатой доли про то не напишут, нет!

Они ведь себя считают, к небу воздев персты,
В тысячу раз превыше низменной суеты!

Как я даже четверть правды не пропускаю в стих,
Так малой двадцатой доли ее не найдешь у них.
Вот если бы ты воскликнул: пиши, мол, чего затих! —
Тогда б я тебя в натуре разделал без запятых.

Увидев себя без грима, ты б вздрогнул, уверен я,
И волосы встали б дыбом от ужаса у тебя!

13 октября 1908

100. САТТАР-ХАНУ

Меня безумцем не сочти, читатель: я восторгом пьян!
Взволнован голос мой — и ты его не примешь за обман.
Мой стих — жемчужное зерно, талант мой — море-океан,
Я смело славлю красоту, и пафос мне свободный дан.

Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Лишь в Тегеране разгромил народное собрание шах,
Тавризцы двинулись к тебе: проклятый шах — ваш
общий враг!

И вы разрушить поклялись тиранства дикого очаг,
Готовясь к смерти за народ, держа в геройстве
дружный шаг.

Но жертву главную принес тот, кто возглавил
братский стан:

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

И вам, азербайджанцам, рок услугу оказал свою:
«Зоххаку из Каджаров — смерть!..» — раздался клич
у вас в краю.

Привет святому праху тех, кто голову сложил в бою!
Не знаю, где и пребывать героям, если не в раю?

Их кровь навеки сохранят в земле Тавриз
и Тегеран.

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Вот поглядите, Саттар-хан занес высоко свой булат.
Не только шаха — целый мир его деянья удивят.
И честь ислама поднял он, и славу родины — стократ.
И на страну его теперь все с уважением глядят.

Да, на воспрянувший Иран обращены глаза всех стран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тебя азербайджанца долг и долг иранца в бой увлек,
И не сгорал ты на огне, как легкокрылый мотылек.
Бесстрашный в битвах Саттар-хан, кто бросил бы тебе упрек?

На повелителя страны позор всемирный ты навлек.
Ты спас любимую страну, ты к жизни возвратил Иран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тавризцы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!
И рукоплещут вам друзья, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посылает свой привет.
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!

Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

20 октября 1908

101

А ну, укладывайся, эй, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Пророка именем верша скорый суд,
В мечети лавку ты открыл, старый плут,
Там продавал фасоль, горох и кунжут.
Но покупатели теперь не берут
Товара в лавочке твоей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Торгаш, ты был самой судьбой принужден
К вождю свободы поспешить на поклон.
Но нет, не выполнил ее ты закон.
И вот ты проклят, Мир-Хашим, посрамлен.
Хитрить, лукавить ты не смей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Ты сжечь Каабу замышлял в тишине
И вышел, словно Эбрехе, на слоне.
Но, видя ваши козни, бог в вышине
С камнями в клювах птиц пустил по стране,
Он истребил твоих друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не позабудь, что ты теперь уж не тот,
Пред кем склонялся до земли весь народ!
Ты видишь сам, очнулись все в свой черед.
Ушли и слава от тебя, и почет,
Народом свергнутый злодей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Напрасно песню ты пропел, захрипев,
Ни песня не обманет нас, ни припев!
Теперь и шептуны орут, обнаглев.
Сынов свободы одолеть не сумею,
Скликай родню свою, друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не ты в паденье виноват, дорогой.
Усердно ты тянул назад, дорогой!
И вот уныньем ты объят, дорогой!
За жадность проклят ты стократ, дорогой.
Ты не шербет, а воду пей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!
Саттар грозит башке твоей, Мир-Хашим!

20 октября 1908

102. НЕТ ПОДОБНОГО МНЕ!

Хвала тебе, боже! Подобного мне не найти!
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Вот помню: я отрок. Лица молодого черты
За мною повсюду влекут знатоков красоты.
О встрече со мною кутили лелеют мечты —
И рву потихоньку я кое-какие цветы!

Я видел, что мальчика, равного мне, не найти,
Кто б в доме гаджи был со мной наравне —

не найти!

Спать весь век тебе не надоело — вот так.
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Жизнь прошла, ты уже побелел, как мука,
Борода твоя стала как шерсть ишака,
Зубы выпали, грудь твоя стала узка,
Но привычного яда всё ищет рука,
Чтоб дурман тебя вновь превратил в дурака,

А затяжка кальяна крепка, человек,
Одуреешь совсем от дымка, человек.
Отдышись и покашляй слегка, человек,
И засни — не вставай с тюфяка, человек!

14 декабря 1908

104

Ну давай, ханжа-отшельник, обнажимся мы хоть раз,
Нашу суть не станем прятать — всё, что скрыто, напоказ!
Сокровенное народу мы откроем без прикрас:
Пусть рассудит он и скажет, что он думает о нас.
Белым черное зовется... Потерял ты стыд, ханжа!
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит,
ханжа!

Фраз пустых забудь потоки, ложью правду не глуши!..
Обнажимся, все покровы сбросим с зеркала души!
Пусть на нас посмотрят люди, укрываться не спеши:
Если совесть ты имеешь, ты им совесть покажи!
Белым черное зовется... Твой обман раскрыт,
ханжа,
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит,
ханжа!

Сбросим титулы и званья, эти панцири не в счет!
Скинем смело одеянья, что приносят нам почет!
Соберем друзей, знакомых, разберется пусть народ,
Кто из нас чего достоин, кто и как из нас живет.
Дело плохо, мир смеется: от стыда сгорит ханжа!
На тебя взглянув, проснется тот, кто годы спит,
ханжа!

Сосна, услышав их, вступила в спор:
«Друзья мои, к чему весь этот вздор?

Подумайте, как голы вы зимой —
И спорить вы не станете со мной!

Я зелена весь век, я всякий час
Ношу наряд, похожий на атлас.

Я так нужна тому, кто строит дом,
Я дверью быть могу, бревном, крыльцом,

Я в стужу согреваю людям печь,
Я всех полезней, сколько ни перечь!»

1908

106. ШАХНАМЕ

Мой шах, венценосец, прославленный шах!
О, столько народов повергнувший в прах!

Когда ты изволишь спросить обо мне,
То рапорт прими, достоверный вполне.

В тот день, как мой конь повернул от тебя,
Дорогой к Тавризу направился я.

Я шашкой достать Саттар-хана хотел —
Проверить, насколько он ловок и смел.

Желанье в душе клокотало моей
Скорей с поля брани прогнать бунтарей.

Сказал я себе: «Не в мечтаньях, а въявь
Ты золотом шитое знамя прославь!»

Скакала охрана моя по бокам,
Любой из нее — современный Рустам!

Пехота потоком неслась впереди,
Наездники мчались с отвагой в груди.

Блестел патронташ на любом, как доспех,
В руках револьверы и ружья у всех.

И трубы и флейты тревожили высь,
И к небу победные крики неслись!

Трещали весь день барабаны в пыли,
На пыльных повозках мы пушки везли.

С таким ликованием, с величьем таким
Я мчался путем незабвенным своим!

Со мною надежды на счастье неслись —
И вот наконец показался Тавриз!

Велел я немедля, под музыки гром,
Лазутчикам в город пробраться тайком.

Я думал, что нету пустяшнее дел,
Но мне подчиниться никто не хотел.

Тогда, ослушаньем таким разъярен,
Я город велел обстрелять с трех сторон!

Открыли огонь — ужасающий вид! —
Казалось: на землю он с неба летит!

Пришлось бунтарям кое-что испытать:
Четыре убитых и раненых пять!

Увидя внезапную кровь, Саттар-хан,
Как молнию, выхватил свой ятаган:

«О братья-повстанцы! Герои, сюда!
Докажем, что в жилах у нас не вода!

О, если последний остался нам час,
Докажем, как мил он и дорог для нас!

Ведь всё, что добыто в борьбе за народ,
Один этот час отметет иль спасет!»

И вдруг всколыхнулся воинственный стан,
И вот что услышал в ответ Саттар-хан:

«Зачем умирать? Мы пойдем убивать!
А сгинем — и гибель для нас благодать! . . .»

Тогда-то из города вышли враги,
Я с ужасом слушал проклятых шаги!

Шаги бунтарей! Ох, дышал я с трудом —
Их топот казался мне страшным судом!

И вдруг на колени упали они,
И клятву священную дали они!

И смолкли и встали, в лице изменяясь . . .
О боже! и так налетели на нас,

Что в страхе попятились наши войска . . .
Не знал я, что наша погибель близка!

Такого позора не видеть бы впредь, —
Я издали даже боялся смотреть!

А хан! . . . Что за хан! . . . Этот голос! . . . И взор! . . .
Бунтарь — и такой беспощадный напор!

В испуге возвел я глаза к небесам.
Я плюнул на войско — ведь гибну я сам!

Я думал о жизни бесценной своей,
Решил я на гору взобраться скорей.

Я смело взобрался, над бездной скользя!
О, что я узрел! И представить нельзя!

Когда бы стоял ты бок о бок со мной,
И ты б любовался подобной войной!

Как зайцы, бежала могучая рать!
Я звал: «Продержитесь! Зачем удирать?»

Я звал, но никто в эти просьбы не вник —
Глаза государства ослепли в тот миг!

Раздавлено войско! О горе и срам!
Все ружья и пушки достались врагам!

Я понял, что плохи дела у меня,
И всё же надежда была у меня:

Я двадцать казаков призвал — и к тебе
Помчался, душой благодарный судьбе!

Вот так с бунтарями закончился бой!
В моем донесенье я весь пред тобой!

Мой шах! Что изволишь теперь повелеть?
Ни денег, ни жизни не стану жалеть!

Хоть конь мой устал и хромает сейчас,
Готов я исполнить любой твой приказ!

4 января 1909

107. ПОЖЕЛАНИЕ

Хоть бы не было ремесел, школ, наук и обученья,
От наук и обученья ждут нас только огорченья.

Ни скамей бы и ни досок, ни столов бы и ни мела,
Ни к перу бы, ни к бумаге чтобы не было влеченья.

Чтобы не было училищ, а у наших милых деток
Чтобы не было с рожденья никакого разуменья.

Чтоб наставников не стало, просвещенных, энергичных,
Чтоб от спячки пробудиться не спешило население.

Чтоб сочувствия к народу молодежь бы не питала,
Чтоб ее с народом вместе взяли б черти в довершенья.

Проклят будь тот день, в который кто-то выдумал
газету,
Чтобы выдумщика тоже дьявол взял на попеченье.

Чтобы не было журналов, журналистов, типографий,
Чтобы не было редакций, — вот о чем мой моленья.

Чтобы не было Востока, что для нас примером служит
И в народе возбуждает столь опасные стремленья.

Чтобы не было изданий, рассуждающих свободно,
Чтобы не было в Иране этих споров и кипенья.

Чтобы не было на свете конституции турецкой,
А в сердцах у младотурков чтобы не было горенья.

Чтобы вновь не воскресили скорпиона —
«Насреддина»,
Чтоб фанатики не знали снова страха и мученья...

Старикам про современность и про новые порядки
Говорит, стыда не зная, молодое поколение.

Пусть на все таланты ваши перейдут мои болезни,
Потому что вы безумцы, вот мое какое мненье!

18 января 1909

108. РАЗГАДКА ЗАГАДКИ

«Не дылда он и не плюгав,
Он духом мертв, а телом здоров,
Права гражданские поправ,
Лишил сограждан всяких прав.
А пузо — во! А шея...»
Стоп! Кончать не надо фразу:
Что это Мемдели — узнал я сразу!

8 февраля 1909

109

Найдем предлог какой-нибудь — отныне до скончанья
дней,
Чтоб к жизни прежней край вернуть — отныне
до скончанья дней!

Прикроем верой старину, должны мы новшества изгнать,
Чтоб все забыли, в чем их суть, — отныне до скончанья
дней!

Журналы догмой подавив, должны науку мы убить,
Чтоб ей ни охнуть, ни вздохнуть отныне до скончанья
дней!

Судьба ль забыла край больной?
Дубина, знать, тому виной!

Друг друга селятся понять,
Сердца чего-то ждут опять.
Меджлис разогнан, не сыскать!
Повсюду слышен лай шальной —
Дубина, знать, тому виной!

Где конституция? В пыли!
Наглеют слуги Мемдели!
От жира вздулись, оплыли!
Шайтаны правят всей страной —
Дубина, знать, тому виной!

Он клятвами уверил всех!
Но не его ль мы слышим смех?
Так почему же без помех
Плюет злодей на край родной?
Дубина, знать, тому виной!

Зачем нарушил клятвы он?
Зачем приказы рвут закон?
Зачем Коран испепелен
И ожг блеснит во тьме ночной?
Дубина, знать, тому виной!

Рад хулиган из кожи лезть!
И вера продана и честь,
И всех невинных жертв не счесть,
Хоть отправляйся в мир иной!
Дубина, знать, тому виной!

Красноречивый — тих, как сон,
Мятежный — за решеткой он.
А склочник свято сохранен
И скалит пасть, как пес цепной!
Дубина, знать, тому виной!

Вот мудрый — что же проклят он?
Зачем достойный оскорблен?
И слышен вольнолюбца стон
Из страшной лужи кровяной?
Дубина, знать, тому виной!

Своих поступков не стыдись,
Шах всё живое топчет в грязь!
Зачем же месть не поднялась
На выродка с душой двойной?
Дубина, знать, тому виной!

1 марта 1909

111. БУДУЩЕЕ — НАШЕ!

Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не говори, что рабства ночь уже изгнал наш край
родной,
Не видишь разве, что она еще темнее над страной?
И разве не погиб наш край под тиранической волной?
Тиранство всей вселенной кровь своей измерило ценой,
Не видишь разве: кое-кто стоит за деспотов стеной!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Не лги, что храбрости клинки слепят глаза у всей
страны, —
Скажи, что языков клинки, чтоб проклинать, обнажены!
Те, что поносят смельчаков, себя причислить к ним
вольны!
Сейчас за правду проклянут, другой не подыскав вины.
Эпоха дивная! Тебе ни ум, ни знанья не даны!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Сказал ты: муджахидов стан сумел возвысить свой Иран.
Но это может ли стерпеть покорный шаху рабский стан?
Но согласится ль с этим знать — ее усердье, совесть,
сан?
Лишь тем, кто жертвует собой, подобный путь от века
дан.
И где теперь найдешь ты честь? Ты крепче стой за свой
карман!
Уйди, свободу не хвали, не дышит ею грудь никак;
Ее шумовку в наш котел еще не окунуть никак!

Нет, стала ты теперь и впрямь ареной огненной, страна!
И тем, кто на арене той, отвага львиная дана.

Скажите им: проклятье их сожжет,
Разрушивших религии оплот!
Они друзья неверных, ад их ждет.
Их честь погибла, в голове — разброд!

19 апреля 1909

113

Боль разрывает сердце, душит горло,
Дыхание в груди от гнева сперло.

Прислуги участь менее горька,
Чем быть женой такого дурака!

Ни с крыши не глазела я, ни в шелку,
Не растекалась в сплетнях я без толку,

Я не была болтушкой, и к тому ж
Не знала, как живет с женою муж.

В землянке у отца сижу, бывало,
Иль матери на кухне помогала.

У бабки в волосах искала вшей,
Отец сует халат, штаны: «Зашей!»

С утра должна была доить корову —
И никому о помощи ни слова!

Лепила кизяки я на стене,
И ни к чему наряды были мне.

Отец мой зеленщик, а дед — лудильщик,
Ткач — брат мой старший, дядя мой —
красильщик,

Гадалка — тетка. . . Но в роду у нас
Не знали грамотеев: бог нас спас!

Хотя наш дом всегда был полной чашей —
Залейся молоком и простоквашей, —

Но этой дряни — книжек — ни одной
Не видел никогда мой дом родной!

Росли мы в доме, как цветник веселый, —
Не знали ни учителей, ни школы,

А это слово мерзкое — тетрадь —
Не приходилось даже и слышать.

В дому, благочестивом и достойном,
Я вырастала кипарисом стройным.

Несчастной стать пришлось, однако, мне:
С замужеством пришла беда ко мне!

Я думала: муж — человек примерный,
Счастливейшей женою буду верной!

Могла ли знать тогда я, как теперь,
Что муж иной — не человек, а зверь!

Я слышала — мужья бывают всяки,
Но чтоб читакн были и писаки! . .

Подумайте, для жен какое зло!
Мне именно вот так не повезло!

Какой же это муж, будь он неладен, —
Поэт! Ему лишь книжки да тетради!

До смерти не прощу я ни за что вам
Свой брак с писакой этим непутевым!

То он читает, то, в тетрадь строка,
Задумается, что-то бормоча,

Как бы в беспамятстве, с застывшим взглядом,
Не видя ничего с собою рядом.

Всю ночь иной раз он не спит — молчит
Иль как сорока до утра трещит.

Иной раз ляжет рано, а без толку:
Не спит, ворочается очень долго,

Вдруг из постели вскочит, бос и гол,
Засветит лампу — и строчить пошел!

Какой-то в нем огонь пылает вечно,
Пожар! Да он ведь не в себе, конечно!

Поймите вы, как меня муж мой злит,
А всё же сердце за него болит.

Что ему горе, что ему нужда!
Ни устали не знает, ни стыда!

Хватъ карандаш, и — смотришь — на бумажке
Ползут, плодятся черные букашки!

Зашли бы вы к нам в дом и поглядели:
На полках, в нишах, даже на постели,

В комодѣ, в платяном шкафу — бумага,
В тарелках, в казане — тьфу, тьфу! — бумага!

А книги! Кучи, горы в доме книг —
Нет ничего как будто, кроме книг!

Я говорю: «Одумайся, послушай,
Протри глаза, дурак, прочисти уши.

Все деньги ведь на книги ты извел —
Мы по миру с тобой пойдем, осел!

Дурной ли глаз, шайтана ль наважденье?
Ослепнешь скоро ты на этом чтенье,

Чахотку наживешь себе, глупец,
Весь высохнешь — и сдохнешь наконец!

Возьмись за ум, найди себе занятие —
Иль провались! Напасть моя, проклятье!»

26 апреля 1909

114. МНЕ НЕ ПОВЕЗЛО

Я в плену невзгод теперь, мне не повезло, поверь!
Душу боль гнетет теперь, мне не повезло, поверь!
Бесом стал народ теперь, мне не повезло, поверь!
Благ судьба не шлет теперь, мне не повезло, поверь!

Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: «Вай-вай!»
Ведь еще кальян — твой!

Из-за чванства своего я беды не смог понять,
Из-за чванства мне пришлось с головы корону снять.
Корень вырван из земли — отращу ль его опять?
Безрассудный, я хотел конституцию поправить.

А она живет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не удирай,
Не зови врага в свой край:
Ведь еще майдан — твой!

Мне нисколько не помог самый тонкий ход — ой, жаль!
Мир узнал мои грешки все наперечет — ой, жаль!
Всё, что делал я, пошло вдруг наоборот — ой, жаль!
Как ни бился, я не смог обмануть народ — ой, жаль!
Мне юлдузские дворцы хитрость не вернет — ой, жаль!

Прахом всё идет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, ты через край
Свой карман всё набивай:
Ведь еще карман — твой!

То не трубы раздались, то не барабаны бьют —
То звучит во всех сердцах страшный зов на Страшный
суд.

Тридцать лет я власть держал — отобрали в пять минут:
Я, султан Абдул-Гамид, выгнан вон, меня не чтут.

Весь мой труд — не в счет теперь, мне не повезло,
поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: «Вай-вай!»
Видишь, Тегеран — твой!

Шах любезный, до конца продолжай со злом союз!
Я богатство накопил — где ж он, мой бесценный груз?
Это всё бы ничего — я за жизнь свою боюсь.

Как бычок, ты с детства был с толстой шеей, толстопуз.
Стянут мой живот теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!

Мемдели, да это ж рай:
Мясо ешь и шерсть собирай!
Ведь еще баран — твой!

Дал я клятву, но, увы! Я ошибся! Это — бред!
Вот к чему меня привел злой Кямиль-паши совет!
Вздумав подражать тебе, я нарушил свой обет.
Ведь присяге роковой был я верен столько лет.

Рухнул мой оплот теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!

Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: «Вай-вай!»
Ведь еще айран — твой!

Стон рабов родил грозу — мне удара не отвести.

Я злодействами успел и аллаху надоесть.

В Салоники я попал, там большая крепость есть:

Стал изгнанником султан, потерял и трон и честь.

Крепко заперт вход теперь, мне не повезло, поверь!

Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!

Мемдели, беги давай!
Не кичись, уйми свой лай!
Ты с меня бери пример:
Гнев рассудком усмиряй!
Я клянусь творцом земли —
Ты же смертен, Мемдели:
Твой баран уйдет из рук,
Твой кальян уйдет из рук,
И не только Тегеран —
Весь Иран уйдет из рук!

3 мая 1909

115

Ах вот как здесь поставлены дела!
Здесь вместо школы суший кавардак!
Детей здесь учит вовсе не молла,
А сумасшедший, взбалмошный чудак.
Бежим, мой сын! Здесь суший кавардак!

Он внес хаос в грамматику, ей-ей!
И «а» и «б» не знают места в ней.
Он, как ишак, «е» тянет вместо «ей»,

166

Где надо мягкий, твердый ставит знак...
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Чудак учитель, он же сумасброд,
Толкует каждый слог наоборот.
За весь его хваленый огород
Гроша б я не дал! Где уж там пятак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Учитель строг: то вслух велит читать,
То под диктовку начисто писать,
То вдруг выводит в школьный сад гулять.
Из кротких малых делает гуляк!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

А то, глядишь, открыв окно во двор,
Полсотни ртов поют, представьте! Хор!
Комедия! Не школа, а позор!
Да разве бы молла позволил так!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

«Земля кругла, — плут детям говорит, —
И вертится она, а не стоит».
И делает при этом важный вид.
Гяур! Отступник! Нашей веры враг!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Совсем не дорожат уж стариной!
Молла для дедов был величиной,
Одною шапкой спорить мог с луной!
А нынче что? Не шляпа, не колпак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Теперь любой мошенник — грамотей!
Напялит феску, в школу мчит скорей
И ну вещать про разных жаб и змей.
А простофили ахают: «Мастак!»
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!

Каков бы ни был новый лад житья,
Обычай дедов чту достойно я
И впутать в грех не дам свое дитя!
Здесь каждый час безбожием набряк,

Здесь вздор несут и сеют ложь и мрак!
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!
Срамить и презирать
Такую школу надо
И чаще посылать
Ее в объятья ада!

17 мая 1909

116. ПРОДАЮ!

Молла! Я от власти теперь в стороне,
Пускай надо мною смеются в стране!
Даю объявление: я счастлив вполне,
Открыв распродажу по сходной цене,
Я множество всяких вещей продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Торговля широкая! Выбор богат!
Здесь — всё, что хранили Джемшид и Губад!
Иные иранцы упрямо хотят
Внести в мое дело разор и разлад,
Но что мне до этих затей?! Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Большое владенье — большая беда!
Оно огорченья приносит всегда!
Что Каспий солёный? Морская вода.
Пусть кто пожелает — продам без стыда.
Я знамя твое — о мой Кей! — продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Мне свет — ненавистен. Пусть будет Иран
Темнейшей, невежественнейшей из стран!
Я город оставил, я дикостью пьян!
Я больше не шах! Я всего только хан!
Сюда! .. Сабзавар, Меямей продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Имущество ваше и платье — мое!
И совесть и стыд без изъятия — мое!
Всё ханство Каджаров со знатью — мое!
Продажа страны — вот занятие мое!
Что вам до торговли моей? .. Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Чем мне ограничивать шахскую власть,
Чем мне под влиянье народа подпасть,
Чем армию слушать и жизнь свою клясть,
Уж лучше быть хамом и пьянствовать всласть!
Эй, кубок налейте полней. . . Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

7 июня 1909

117. ПАХНЕТ ОБМАНОМ

«Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?»

— «Шах велик! он правитель наш, он покровитель
народа!
Пусть желанья твои расцветают смелей год от года!»
— «Вот спасибо! Но часто, увы, при крутых поворотах
Отвечает нам эхом в ущелье пустая порода.
Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?»

«Не хочу с тобой спорить! Невежда, подумай хоть
малость.
Шах из рода Каджаров — великая честь нам досталась.
Не сегодня, так завтра! Подумай, какая в том жалость?
Конституция, брат, неспроста под сукном залежалась.
Неспроста конституции шах не дает мусульманам.
Шах велик и правдив. Ты не смешивай правду
с обманом».

«Брось душою кривить! Правде в очи взгляни хоть
однажды.
Шах несчастен! Ну да. Это знает на улице каждый.
Он страдает, бедняга, томимый духовною жаждой!
Ну, не тяжко ль народ свой в неделю обманывать
дважды?»

Почему конституции шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что всё это пахнет обманом?»

14 июня 1909

118. ТЕБЕ ВО БЛАГО

Усердье, что являл ты столько дней, — тебе во благо
Твоя страна — ведь шахствуешь ты в ней — тебе во благо
Любой кутеж в тени твоих аллей — тебе во благо
И милость конституции твоей — тебе во благо
С тех пор как место предков дорогих ты занял,
Ты лишь о горьких нуждах помышлял своей
Усилил справедливость ты, как мог, — аллах твой век
Себе и внукам славу ты добыл: вас чтут вблизи, вдали!
Неугасимый свет твоих путей — тебе во благо
И милость конституции твоей — тебе во благо

Хвала обетам искренним твоим, твоим словам святым
И, данным в подкрепление тем словам, веленьям
Коран, которым клялся ты не раз, — стократно он
И призванным тобой со всех сторон — хвала гостям
Веселый пир в кругу твоих друзей — тебе во благо
И милость конституции твоей — тебе во благо

Чего-чего ты только не свершил, чтоб услужить стране,
В которой независимым ты был владыкою вполне!
Теперь тобой гордится вся земля, а твой Иран —
Гордятся честью, именем твоим — ты, шах, в большой
Оценка справедливейших людей — тебе во благо
Усердье, что являл ты столько дней, — тебе
во благо

Страна, живущая шесть тысяч лет, — пойми, шесть
Такого шаха, как Мамедали, еще не знала, нет!

Желаньям, убеждениям святым, мечтам твоим — привет!
Твоя забота — милость лишь одна, в твоей стране
расцвет!
Твоя корона в зареве лучей — тебе во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

И цепи, что наброшены тобой, о шах, на шею львов,
И сабли, что умели не щадить тех избранных голов,
И те дома, которые ты сжег, те тысячи домов, — 0
Все, все твои деянья, Мемдели, достойны лучших слов!
О сын Умми-Хаган, размах тех дней — тебе
во благо будь!
И милость конституции твоей — тебе во благо будь!

12 июля 1909

119

Опять нейдется голытьбе — умерь ее, аллах!
Взыграла кровь у персиян, и мести блеск в очах!
Вельможи тоже хороши — попрятались в кустах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Горит нутро, не погасить, всех бед моих не счесть!
От Мемдели от сироты пришла дурная весть:
Слихнули с трона, говорят, и в грязь втоптали честь,
Беднягу консул приютил: царю был другом шах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Нет, право, я не ожидал, — негодовать к чему?
И с прошлым, добрым и благим, нам порывать к чему?
Мы ж не османцы! Мы есть мы, — нам бунтовать к чему?
Страшаю? Или глухи вы? Но ведь наступит крах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Злоден вы — еще бы год покойфовать ему!
Не зная никаких забот, покойфовать ему!
И, обирая свой народ, покойфовать ему!
Но нет, прогнали, трон отняв, печаль в его глазах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

171

Ну, чем не угодил он вам, мой бедный сирота?
Ходил по вашим головам мой бедный сирота?
Что, что? Не слышу!.. Шум и гам!.. Мой бедный сирота!
Гореть в аду он обречен, проклятье на устах!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Что? Прикарманил он казну? Но разве только он?!
И силе подчинил страну? Но разве только он?!
Нарушил клятву не одну? Но разве только он?!
Где ж сострадание? Совесть где? Их нету в земляках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Толкуют все: «Свобода!..» Тьфу! Кому она нужна?
Не знала горестей и бед шесть тысяч лет страна!
Был рай... Увы, пришли теперь другие времена,
Грохочут пушки, льется кровь, всё нынче пыль и прах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Как горд и важен Сипехдар — ты только погляди!
И бахтияров вождь — сардар — ты только погляди!
И в бой идут и млад и стар — ты только погляди!
Ну и дела!.. Каков порыв! И дух един в войсках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Тьма-тьмушая вокруг вождей идут, идут войска.
«Эй, Мемдели! — ему грозят. — Победа уж близка!»
В три дня свершилось — нынче трон усопшему доска, —
Сбежали ханы, шах бежал — какая прыть в ногах!..
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Златые были дни — ушли: красоток быстрый пляс,
И нежный стан, и томный взгляд огнем горящих глаз,
И ханы, слуги, верный страж — отброшено всё враз!
И ханом нынче стал Ефрем, и держит меч в руках!
Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Шах знает, грабить где и красть, — приучен, ибо шах!
Про пузо знает и про пасть, — приучен, ибо шах!

Кого, когда на плаху класть, — приучен, ибо шах!..
А стон народа — это ж звук: растает в небесах!

Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

Ну да, а пламя всё сильнее, — я разве не о том?
И с гневом не шути, ей-ей! — я разве не о том?
А впрочем, что жалеть людей?! — я разве не о том?
К тому же к подданным своим давно приучен шах!..

Ах-ах, подумать кто бы мог: и бунт, и вопль, и страх!

19 июля 1909

120. ПАРОДИЯ НА ЛИРИКОВ

Твой лунный лоб пленит меня, тревожа и маня,
Джейраньи страстные глаза твои полны огня.

И, как колодцы в знойный день, две ямки на щеках,
И губы — мед, и тело — лен, и брови — тетива.

И шея блещет, как графин, и стан с чинарой схож,
И с плеч спадает ливень кос, как за змеей змея.

И, как пшеничное зерно, веснушка у виска...
Ха-ха! Ты чучела смешней, красавица моя!

26 июля 1909

121. ВЫКЛАДЫВАЙ!

Н а р о д

Зилли-султан! Ты нам грозил — и всё у нас потом
забрал,
А ну, выкладывай сюда всё, что, свистя кнутом, забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Н а р о д

Ведь ты в Европе проживал! Зачем же ты бегом-бегом
Опять направился в Иран? Не ожидал, что грянет гром?
Ты сам дал повод, чтоб тебя вселили в этот серый
дом!

Н а р о д

Народ иранский, как дитя, тобой был в люльке усыплен.
Следила стража, чтобы он, заплакав, не прервал свой
сон.

Но вы забились по углам, едва зашевелился он.
Выкладывай, Зилли-султан, что натаскал со всех сторон!
Молчи, подай сюда добро, что ты петлей, ружьем
забрал!
Выкладывай сюда всё то, что ты у нас с ножом
забрал!

З и л л и - с у л т а н

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал
из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

23 августа 1909

122. ПОДРАЖАНИЕ ФИЗУЛИ

Имей я стыд, да разве смерть я не призвал бы сам
тогда?
Будь честен, разве пред людьми не вскрыл бы весь
свой срам тогда?

Умсй от недругов друзей я хоть немного отличать,
Да разве б подошел Шапшал иль Фазлуллах к делам
тогда?

Когда бы я предвидеть мог ваш ход, Асад и Сипехдар,
Да разве вражеских голов я не отсек бы вам тогда?

Когда бы мог я обрести в Иране тихий уголок,
Да разве счастлив, как султан, я не был бы и впрямь
тогда?

Когда бы знал я, что народ меня стряхнет, да разве б я
С добром в карманах не удрал, на зло моим врагам,
тогда?

Смекни я, что из рук моих уйдет когда-нибудь Иран,
Да разве б не смешал его я с пеплом пополам тогда?

А в миг, когда Таги-заде меня отверг, имей я власть,
Да разве б жалкий труп его не пал к моим ногам
тогда?
Пусть говорят, что Мемдели мечтой в Одессу унесен, —
Но разве, получив Менджиль, не зажил бы я там тогда?
13 сентября 1909

123. СКАЖИ, ЗАЧЕМ? ..

Эй, проповедник, ты певцов клянeshь, скажи, зачем?
С недоброй тучей, с тьмой ночной ты схож, скажи,
зачем?

Хоть весь народ неверным стань — ты глазом
не моргнешь,
Но тех, кто понял твой обман, ты жжешь, скажи, зачем?

Воров проклятьями громишь, твердя: «Мир — суета!»
Но, если это так, — тебе грабеж, скажи, зачем?

Приснилось мне, что ты в раю среди гурий ликовал.
О ночь, ты мне такие сны несешь, скажи, зачем?

Ты лицемерие клеймишь всечасно, как порок,
Но каждый день ты множишь ложь на ложь, скажи,
зачем?

Я вовсе лживости твоей не думал испытать,
Ты сам о ней душе понять даешь, скажи, зачем?

О, не рассчитывай, что нас ты сможешь обмануть,
Но простодушных ловишь в сеть ты всё ж, скажи, зачем?

20 сентября 1909

124

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.
Человеческий образ утратим и ползать начнем.

Если мы пожелаем спокойно по-прежнему жить —
Проклянем все науки, потребуем школы закрыть.

Станем ямы коварства, как прежде, для ближнего
рыть.

А простому народу полезно в невежестве быть.

Пользы в знаниях нет, а вреда не исчислить потом.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем!

С головой одеялом накройся, чтоб крепче заснуть.
Чтоб никто не будил, надо уши получше заткнуть.
И пускай суеверными снами волнуется грудь.

Ты проблемы ислама и нужды народа забудь!
Пусть друзья наши плачут, а радость владеет
врагом.

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Всех разгоним мы, кто о науках болеет душой.
Жизнь отравим им, чтобы бежали их сон и покой.
Мы уйти их принудим, пусть в край уезжают чужой.
Будем жить без наук, но зато со спокойной душой.
Мы народ неученый всегда за собой поведем.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры дерзают, как птицы, на крыльях летать,
Правoverные могут полеты во сне совершать.
И еще поученье ахунда нельзя забывать:

«Мир ничтожен, нельзя ему сердце свое предавать.
Вот когда мы умрем — мы блаженство в раю
обретем!»

Так погрозим в невежестве, век в темноте
проживем.

Жизни будущей образы — в снах. Презирай эту явь
И живи в сновидениях. Мир этот ложный оставь.
Спи! К чертогам эдема полет сновидений направь!
Насылающих сны благодатные духов прославь.

Счастлив тот, кто в мечтаньях живет, упивается
сном.

Так погрозим в невежестве, век в темноте
проживем.

Спи, и в сонном виденье откроется рай пред тобой,
И гылманов и гурий пленительный явится рой.
Спать голодным ты лег — наслаждайся небесной едой.
Пусть владеют гяуры с шайтанами грешной землей.

Реять в ангельском сонме мы будем в виденье
ночном.

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры в искусствах достигли великих высот,
Пусть их изобрели телеграф, паровоз, пароход, —
Заплати за билет — и тебя паровоз повезет!

Не пристало с неверным тягаться тебе, мой народ.

Лучше в рабстве, как прежде, влачиться

под чуждым кнутом.

Погрузимся в невежество, мирно свой век проживем!

11 октября 1909

125

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Что там слава мне, что там знатный род!

Облик, совесть, честь и душа — не в счет!

Будь в пороках ты с головы до пят —

Лишь мошна тебя от невзгод спасет!

Человек с мошной — человек большой,

А без денег он — человек смешной!

Пусть таланта нет и не блещет ум —

Миллионщику не до мрачных дум:

Хоть злодеем будь, всё ж, когда умрешь,

Окружит тебя вечной славы шум.

Человек с мошной — человек большой,

А без денег он — человек смешной!

Ты бессовестен? Не беда опять!

У народа кровь не бросай сосать!

Наберешь тишком пять грошей с лихвой —

Уважать тебя станет наша знать.

Человек с мошной — человек большой,

А без денег он — человек смешной!

25 октября 1909

126. НЕ ДАЮ!

Дорогой Насреддин, погляди: пред тобою купец

Хап-киши!

До чего и квартира, и дом, и именье его хороши!

На богатство, на лавки его, на доходы взглянуть

поспешн!

178

Иль скорее с подобной душой он накопит себе
миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

Насреддин! Пусть и трудно тебе, всё же выполни
просьбу мою:
Объяви неотложно друзьям, — я от них ничего не таю! —
Чтоб на школу никто не просил у него, — он не будет
в раю!
Ибо он мне вчера заявил: «Что стесняться в своем же
краю? ..
Я не трус, я открыто скажу: „Не даю! Не даю! Не даю!“»
Ты ответь нам: с подобной мощной может стать
благодетелем он?
Иль скорее с подобной мощной он накопит себе
миллион?
И пристойно ль к такому лицу обращаться
за милостью нам?

29 ноября 1909

127. ЛУЧШЕ ПРОПАДОМ ПРОПАСТЬ!

Лучше пропадом пропасть и не думать ни о чем,
Чем дышать, и понимать, и гореть в огне таком!

Жил бы с темными людьми тоже темный человек —
И тенета темноты рвать не вздумал бы вовек.

Принимал бы, не кривясь, горечь снадобий, как мед,
Пел бы песенку свою, как в мечети плут поет.

Подтверждал бы всё, что он слушателям лжет своим,
Связан, взнуздан, запряжен, мирно плелся бы за ним.

Что подделаешь теперь? Дело сделано — и ты
Мук немало перенес от хулы и клеветы.

Хватит жалоб! Никого не вини в своем краю:
Что б с тобою ни стяслось, на судьбу пеняй свою!

Отвечай, зачем ты стал различать добро и зло?
И зачем «кукареку» спел, хотя не рассвело?

Правоверным был бы ты, соблюдал бы дни поста
И смиренно б лобызал руки, ноги у плута.

А теперь — иди казись ты за все свои дела,
Слыша, как тебя клянут из-за каждого угла!

6 декабря 1909

128. НЕТ, НЕ НАПИШУ!

Твой, Молдаи, котел бушует — не шути!
Ты предводитель всех, кто сбит, сошел с пути!
Как за весной твоей осенним дням прийти,
Когда со всех сторон к тебе несут статьи?

А мне отсюда — как? Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Народа не задев, тайком не напишу!

Вовек в мое письмо не просочится ложь,
И, как моллу, меня за взятку не возьмешь!
Гаджи-Кязиму честь я не продам за грош
И не солгу Фахри: «Свободной ты живешь».

Ну, как советуешь: тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Коль не вольюсь в поток, рывком не напишу!

Я, заключив кябин, не растекусь медком
И в сторону Фахри не погляжу тайком.
Молитву став читать, не ошибусь ни в чем,
Гаджи-Бадала я не подразню потом, —

Чтоб за глаза не клял!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
Коль так черкну, то сяк добром не напишу!

Ласкаться к богачам я никогда не мог.
Коль грустно, я грущу: фальшивый смех — подлог!
Не стану чистить я у пристава сапог.
Достоинство свое храню я, видит бог!

Тебя не посрамлю!.. Тебе писать иль нет?
Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
Уж лучше я тебе потом не напишу.
На телеграф пойду — письмо не напишу.

Картежник, отойди! Подарка не приму!
Сомнительный доход мне просто ни к чему!
Чтоб дали мне ночлег, я не сошлюсь на тьму.
Оставшись, ничего не украду в дому,
 Не то — потерян стыд! Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Уж лучше я тебе потом не напишу.
 На ветер никогда в твой дом не напишу!

Я проповедь скажу — и ей поверю сам.
И, прежде чем народ, свой грех огню предам.
Мои слова легко проверить по делам,
А плохо поступлю — приму на душу срам!
 Сам постыжусь себя!.. Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Уж лучше я тебе потом не напишу.
 Прогонят из дому — о том не напишу!

Я не из тех, кто льстит, а за глаза клянет,
Ругает про себя, а вслух — наоборот!
Не лицемерю я: передо мной — народ!
А слищемерю — кто меня стыдом проймет?
 Уж разве что аллах!.. Тебе писать иль нет?
 Нет, нет! А впрочем, что ж? Тут ни к чему запрет!
 Уж лучше я тебе потом не напишу.
 Начну хитрить, займусь трудом — не напишу!
 Решив идти с тобой, я вспять не поспешу!

20 декабря 1909

129. ПАХАРЬ

Весь мир в чудесных солнечных лучах,
У пахаря сегодня гордый шаг.

Хотя железный плуг велик, тяжел,
Его усердно тянет крепкий вол.

Взрыхляет землю пахарь, весь в поту,
Бросает зерна в землю, в темноту.

И чем работа жарче и трудней,
Тем больше у него охоты к ней.

Он знает: только мужество и труд
К заслуженному счастью нас ведут.

Пусть ныне трудно, но зато зимой
Придут к нему и отдых, и покой.

Он с поля добрый урожай сберет,
Прокормит и семью, и свой народ.

1909

130

Отшельник верит, что во сне при жизни рай он обретет,
Что он над бездной в райский сад, как тень крылатая,
порхнет.

Едва уляжется, во сне — гылманы, гурни пред ним.
Проснется — вспоминает сон, молитва в голову нейдет.

По мнению этого балды, рай — что-то вроде Бухары,
Где на большом базаре он притон с гылманами найдет —

И в этом цель его молитв. И ведь уверен старый плут,
Что он молитвою своей людей и бога проведет.

Да если не во сне найдет, а наяву подобный рай,
Он мигом набожность свою продаст и глазом
не моргнет.

Ты дай ему земной гарем, и вволю есть, и пьяно пить —
Забудет он поклоны бить и четки в угол зашвырнет.

И если бы ему внушить, что, мол, безбожье — эликсир, —
Неверье с верою смешав, он в ересь новую впадет.

3 января 1910

131

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

Кавказцев старых ты видал? Храбрецы!
Мы все с энергией, с умом — молодцы!

Речисты мы, говоруны, мудрецы!
А как до дела — мы в плену суетни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Вон где река, а мы уже босиком!
Едва весна — уж мы в огне целиком!
Даем мы слово — и в кусты кувырком,
И что не сдержим мы его, — не вини!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Пускай заснет весь мир, но нам не заснуть:
Ведь гордость нации хранит наша грудь!
Своих друзей мы никому, не забудь,
Не продадим за жалкий грош! Ни-ни-ни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Не по душе ни козни нам, ни раздор.
В работе яростны мы все с давних пор.
Вот так выводим мы ислам на простор!
Мы служим нации своей! Мы одни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Ах, сколько обществ — погляди! — есть у нас.
Для дела время впереди есть у нас.
Желаний множество в груди есть у нас.
Ах, ликование и восторг нам сродни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

В краю открытых нами школ не сочтешь.
Искусствам помогли рублем все мы сплошь.
Мы нарушали свой обет? Это ложь!
Скорее строгий приговор измени!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Чернорабочих или слуг — нет у нас!
Несчастий, нищеты и мук — нет у нас!
Не занятых работой рук — нет у нас!
На счастье нашей детворы ты взгляни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Исполнен наш отцовский долг целиком,
Детей мы любим, мы для них и живем.
Еще плоды своих трудов мы пожнем,
Когда займется сыновья воровством,

Когда под стражею войдут в серый дом!..
К блаженству нацию свою мы ведем!
Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

10 января 1910

132

Среди руин Ширвана никогда
Я радости не знал за все года.

Одним страданьем век наполнен мой,
Мне стала родина моя тюрьмой.

Я вместо счастья видел столько зла —
И прахом, прахом жизнь моя пошла!

Не знал я друга в этой стороне,
Мои друзья врагами были мне.

В приятелях я недругов нашел,
Удел же одиноких так тяжел!

Чем больше терпит человек в пути
Мучений, тем трудней ему идти.

Чем больше человека давит гнет,
Тем к избавленью он быстрее идет!

И вот иссякли силы у меня:
Хоть и Сабир, я не терпел и дня!

Не стал никто опорой земляку —
И, гордый, я направился в Баку.

Поэт расстался с родиной своей,
Заветный сад оставил соловей.

Что мне сулил, что дальний значил путь?
Готовый ко всему, я начал путь!

Закончить все дела помог мне бог,
Хотя бежать никто мне не помог.

136

И, наконец, Баку увидел я —
Возвышенных и чутких душ края!

Принес мне вдоволь сахару тростник,
На пальме упований плод возник.

О, сколько здесь отзывчивых людей
Для истомившейся души моей!

У каждого — высокая мечта,
Мечта с мечтами общества слита.

Сознательности с верностью союз,
Несокрушимый дух, тончайший вкус!

Но в славном этом обществе, мой друг,
Я сердцем одного приметил вдруг.

Летами молод, опытен умом,
Почтенностью отмечен он во всем.

Прекрасный и душою, и собой,
Он благодатной наделен судьбой.

Чисты его и думы, и дела,
Ему — тысячекратная хвала!

Доверчивый, доверья ищет он,
Но низкий им не будет пощажен!

Достоин он желанное найти,
Быть за свои деяния в чести!

Нет, к вероломному такой почет,
Поверь ты мне, вовеки не придет!

Коль человеком назовешь плута,
То это будет злая клевета.

Мы только верность в человеке чтим,
А называться всякий может им!

О ты, земляк чистосердечный мой,
Ты к радости открыл мне путь прямой!

Я знаю каждого — ведь я поэт,
И дорог мне радушный твой привет.

С тобою дружбы не было у нас —
Откуда ж эта теплота сейчас?

Всё оттого, что чувств мы не таим,
Всё благородством рождено твоим!

От солнца — свет и благодать кругом,
От тучи — гром и молния с дождем.

От пальмы — финик, от дурмана — яд,
А с ивы только листья к нам слетят.

Так добрая душа всегда добра!
Так нам от злого не видать добра.

Когда хоть малое добро творят,
Понятливый благодарит стократ.

Чем я воздам за тьму твоих услуг?
Стихи — вот всё, чем я богат, мой друг!

Добро иль зло поэту окажи —
Он всё опишет без малейшей лжи!

Как я скажу, что был ты нехорош?
Куда с пути пристойного свернешь?

Молю я провиденье лишь о том,
Чтоб окружило милостью твой дом,

Чтоб за свои дела благие ты
Сполна осуществил свои мечты!

Желаю многих радостей тебе!
Благословение твоей судьбе!

С возлюбленною в дружбе ты живи,
Любовь и мир твой брак благослови!

Да будет весел круг друзей твоих,
Да будет враг твой немощен и тих!

Услышь мое желание, аллах!
Так молится Сабир в своих стихах:

Пускай заботы друга не томят,
Пусть участи своей он будет рад!

20 января 1910

133. МАРШ СТАРИКОВ

Хоть я годами староват, но, как верблюд, силен.
В моей упряжке, говорят, пять-шесть красивых жен.
Сегодня — на одной женат, а завтра — разведен...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Надену перстень золотой, на нем сверкает лал.
Покрашу я бородку хной — и сам я засверкал!
Вовек красотики молодой мой глаз не пропускал...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Блуду я свято уразу, творю всегда намаз
И умиления слезу готов пролить из глаз,
В молитвах гурию-красу воображу не раз...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Аскетом пред людьми держусь, закутавшись в абу.
Кротчайшим ангелом кажусь, за всё хвалю судьбу.
Пройдет девчонка — встрепенусь, должно быть,

и в гробу...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

Когда порой случится мне увидеть на пути
Дитя прелестное вполне лет, скажем, десяти,
Рукой спешу по голове, по глазкам провести...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

О страшном божеском суде я рассуждаю вслух.
Я с просвещеньем во вражде, оно мутит мой дух.
Курытники мои — везде, в них я один — петух...

Мужчина и на склоне лет не станет спать один!

29 января 1910

134. МАРШ УМНИКОВ

Любой из нас, считай, гусар-интеллигент:
Девиз у нас один — не дрейфь, лови момент,
В неделю раз смени красотку в шелке лент!
Долой пустой закон гнилых семейных пут!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

С невеждами дружить — один самообман.
Не надо женщин нам из круга мусульман!
На черта нам Фатьма! Плевать на Тукезбан!
У нас на Аню глаз! У нас на Соню зуд!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

Находятся глупцы, читают нам мораль,
Но критиков таких, сказать по правде, жаль.
Одернуть темных их открыто не пора ль:
На что он сдался нам, ваш дряхлый, глупый суд?!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

Подумать только: им, неграмотным ханжам,
Неважно, что мы все привыкли к кутежам,
Что вместо верных жен неверных любим дам!
В укромном кабаке находим мы уют!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

Высок наш интеллект, как луч на маяке!
Зазорно нам болтать на тюркском языке!
Он должен быть от нас, разумных, вдалеке.
По-тюркски говорить для нас постыдный труд!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

Пусть даже пользу мне порой несет она,
На тюркском языке газета не нужна.
Простой язык отцов! Какого в нем рожна?!
Пускай газета — там, а я — с бочкú, вот тут.
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

Мы рады бы пригреть в своих сердцах ислам,
Но с неучами как общаться, умным, нам?!
Забава — в клубе днем. Услада — по ночам.
Начхать нам свысока на всякий пересуд!
Мы — brave орлы! Дела у нас идут!

12 февраля 1910

135. К ДЕТЯМ-ШКОЛЬНИКАМ

Дитя родится у отца в дому,
Расти в объятьях матери ему.

Отец идет работать каждый день,
Какой бы ни был труд — ему не лень.

Без отдыха, всегда неутомим,
Он ищет счастья малышам своим.

Всегда в поту, почти голодный сам,
Он добывает хлеб своим птенцам.

Всю ласку детям посвящает мать:
Дитя не спит — и мать не станет спать.

Бедняжка гонит сон от глаз своих,
Чтоб сон младенца сладок был и тих.

Покой оберегая, то и знай
Она качает люльку: «Баю-бай!»

Ах, сколько в детстве горя и забот
Родителям любой из нас несет!

Мы, ныне заменяя их в пути,
Должны путем завещанным идти.

Спросив у них согласия каждый раз,
Получим мы полезный их наказ.

«Наш рай лежит у материнских пог», —
Священные слова мудрец изрек.

Должны мы истины рабами быть,
Должны послушными сынами быть!

Дитя, которое не чтит отца
И матери не служит без конца, —

Весь век свой будет жалким и пустым
И не проявит верности другим.

О, дети! Детства золотые дни —
Основа жизни будущей они.

Кто с радостью за свой беретя труд,
Чьи знания каждый день и час растут,

Тот получает счастье от труда,
Спокойна совесть у того всегда.

А тот, кто знает только лень и сон,
Кто играми одними увлечен,

Кто подружился с темнотою, тот
Всю жизнь свою страдальцем проживет.

Мои родные! В жизни два пути,
Но лишь одним вам надобно идти.

Вы ни минуты не теряйте зря,
Живите, жаждой знания горя.

Работайте не покладая рук:
Достоинство исходит от наук.

Должны вы счастье новых лет добыть,
Должны вы честь и славы свет добыть.

Народная надежда в вас живет,
Об этом вечно говорит народ.

К речам его склоните жадный слух,
Не будь никто к его призывам глух.

Спасите жизнь народа своего,
Залогом счастья будьте для него!

14 февраля 1910

136. БОЖЕСТВО ВЫ МОЕ!

Деньги, вы свет моих глаз — всё естество вы мое!
Вы бережливость моя — не мотовство вы мое!
Роскошь, величье, почет, власть — торжество вы мое!
Мекка, Медина, Коран — с богом родство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Годы и годы провел я в добывании вас.

Пусть я совсем изнемог — вас я немало принас.

С вами навеки душа в смертный останется час.

Сила, и радость, и жизнь — всё существо вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

О вы, жестокие! Вам жизнью пожертвовал я.

Миг наслажденья от вас мне — как венец бытия.

Слышу наследников торг, близится гибель моя.

В чей же карман вам попасть? О волшебство вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Деньги, уж вам не лежать в прочных моих сундуках.

Тратить вас в тысяче мест каждый начнет вертопрах.

Вас в ресторанах сожгут, в клубах и в прочих местах.

Будут вас грызть, говоря, мол, плутовство вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Ах, наступил, наступил час вашей муки большой.

Чуя несчастье, моей вы завладели душой.

Грудь моя вами полна, мозг мой для вас не чужой.

Словно красавица — страсть и колдовство вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!

Если бы мог, никогда я не оставил бы вас!

Смерть, не считаясь ни с чем, вас удаляет от глаз.

Знайте ж, я буду шептать даже в последний мой час:

«Деньги, вы свет моих глаз — всё естество вы мое!

Вера, святыня, мораль, честь — божество вы мое!»

19 февраля 1910

137. БЛАГОДАРНОСТЬ

На нашу улицу, моллы, пришел байрам сегодня!

Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Закреть решили школы мы — всё зло от просвещения,

Но если власть в чужих руках, как выполнить решения?

Чем больше школ, тем меньше к нам в народе уваженья,

Забыли люди про мечеть и жертвоприношенья,

Росли печали с каждым днем, а где взять утешенья?

Теперь возрадуйтесь, друзья, окончились мученья!

Отриньте от себя печаль, воспрял наш храм сегодня!

Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Нет слов таких, чтоб восхвалить ваш ум, миссионеры,
В Санкт-Петербурге был совет на благо нашей веры.
Какой резон для мусульман открыть в науку двери?
Родной истории зачем им нужно знать примеры?
Зачем им алгебра нужна и прочие химеры?
Нет, право, ни к чему о них заботиться сверх меры!..
Хвала аллаху — проклянем весь этот срам сегодня!
Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Миссионеры, зная толк во всем, взялись за дело.
А что же нам сидеть? И мы пойдем за ними смело!
Ведь мы отцы святых наук, хоть тело затучнело,
На школы ринемся мы в бой, бой поведем умело!
Позор! Дитя невежды вдруг учиться захотело,
Чтоб душу дьяволу продать, а вместе с ней и тело!..
Но нынче праздник наш, и мы сметем сей хлам
сегодня!
Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

Миссионеры, будьте вы творцом благословенны!
Един аллах на всей земле, могучий и нетленный,
Утихомирил мусульман порыв ваш вдохновенный!
Не будет больше школ у нас, обрушатся их стены,
С землей сровняет их поток, бурлящий, многопенный,
Получат горлопаны враз урок весьма отменный!..
О!.. Безработный педагог для нас — бальзам
сегодня!
Миссионеры, слава им, помогут нам сегодня!

21 февраля 1910

138. ПЕСНЯ НАЦИИ

Мир усердьем удивив, ты ушла вперед теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Очень много всяких дел ты свершила тут и там.
Нас на секты разделив, укрепила ты ислам.
Счета нет твоим делам, счета нет твоим словам.
Видишь, не один народ сзади нас идет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Ты, пока весь мир дремал, стала тормозить своих,
Разбудила наконец, возвеличила ты их:

Каждый славу заслужил, высших степеней достиг.
Ты прекрасна в торжестве. Кто тебя забудет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

После этого смешон тот, кто действовать спешит.
Мы по-новому живем, и у нас не прежний вид:
Любит школу наш народ и науки свято чтит.
Он ослам и лошадям поезд предпочтет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Чтобы по небу летать, вдруг придумали баллон.
Паровоз, автомобиль — шум и гам со всех сторон.
И о выдумках своих толковать пошли в салон.
Заблудились в новизне. Кто их разберет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Целый мир куда-то ввысь вздумали они поднять.
Ну а мы в загробный мир вознеслись мечтой опять.
Жизни срок — мгновенный срок — мы не вправе
сокращать.
Раб таких земных затей в рай не попадет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

И неверных мудрецов, нет, не признает ислам.
Мы вовек не подойдем к их расписанным дворцам.
Ожидать отправки в рай на земле осталось нам.
Встречи с гуриями там мусульманин ждет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

26 февраля 1910

139. ЖАЛОБА

Зенбур-ага! Стал говорить ты невпопад, сдается нам,
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам.

Ты набожным доселе слыл — и вдруг такой неверный
тон!

Зачем какой-то человек тобой в чалме изображен?
Кто на руках его повис? И что собой являет он?

Ты забываешь всякий стыд, когда молчат, сдается
нам!

И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

И что за цепи там висят? И кто в цепях закован тех?
С кого ты это рисовал? Над кем и чем, скажи, твой
смех?

Ислама образ осмеять — ужель ты думаешь, не грех?
Ты отдаляешься от нас, твой злобен взгляд, сдается
нам!

И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Стараясь тайну приоткрыть, ты действуешь наверняка:
Ты добиваешься того, чтоб стала наша жизнь горька.
Ты очень дерзок. Берегись! Возмездье сыщет

смельчака!
Тебя не трогают, а ты — наглей стократ, сдается
нам.

Ты на обычаи напал, на наш уклад, сдается нам!

Допустим, что рисунок твой от спячки пробудил народ,
Допустим, ненависть твоя теперь в сердцах у всех
живет —

И всё же нас разоблачать, скажи, какой тебе расчет?
Зря, зря затеял с нами ты такой разлад, сдается
нам!

Ты на обычаи напал, на наш уклад, сдается нам!

Сперва кого-то ты задел — и поученьем то назвал,
И говорил, что нам служить примером будет твой
журнал.

Потом запутал нас в дела — и это шуткой объяснял.
Теперь дерешься ты всерьез, бьешь всех подряд,
сдается нам, —

Ты на обычаи напал, на наш уклад, сдается нам!

Ты говоришь: связали мы сынов ислама по рукам!
Так что же? Разве это грех? Мы лили слезы за ислам!
Спасали веру мы свою, а дьявола — ко всем чертям!

Ты, обвиняя нас во всем, сам виноват, сдается нам.
Ты на обычаи напал, на наш уклад, сдается нам!

Не станет нас, а кто ж тогда к исламу обратит свой
взгляд?

Всего дней пять пройдет — и вот увянет этот пышный
сад.

И новшества войдут в ислам и всё, что свято, загрязнят.
Не понимая нас, бредешь ты наугад, сдается нам.
И даже веру задевать порой ты рад, сдается нам!

Ты ожил, ты повеселел, глаза горят, сдается нам.
Бездельник с книгою тебе и друг и брат, сдается нам.
Любые сплетники к тебе гурьбой спешат, сдается нам.
Послушай, прекрати свой срам,
Исправь свою ошибку сам!
Не то проклятием тебя
Придется опозорить нам!

5 марта 1910

140

Шесть десятков лет напрасно погубил я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!
Думал я, что нет прекрасней места в мире, чем Иран,
Думал я, что он приятней всех иных на свете стран,
Думал, женщин нет красивей, чем Фатъма и Тукезбан.
Но в России тьма красавиц, тьма прелестниц,
Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Полагал я, что для гурий ты, моя отчизна, рай,
Но едва тебя покинул и в другой приехал край,
Встретил я таких волшебниц, что воскликнул: «Ай-яй-
яй!»
В каждой нега, в каждой свежесть, в каждой прелесть,
Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Я — в Баку. Чудесный город! За него любой отдам.
Проплывают в нем, на зависть разным прочим городам,
Вдоль по набережной — толпы восхитительных «мадам».
Всем хорош товар холеный, ты затмился, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Пылко Сою полюбили тысячи таких, как я.
Взоры к рюмке обратили тысячи таких, как я.
О молитвах позабыли тысячи таких, как я,
В прошлом праведников рьяных, в прошлом скромных,
Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

На балконах, на бульварах вижу дивных этих дев.
В магазинах, в цирке, в парке так и пляжусь, обалдев.

Можно год прожить, наверно, всех, увы, не оглядев!
Я, признаться, растерялся, о, мой боже, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Я, Иран свой покидая, как предписывал ислам,
Ехал только для наживы, ехал только по делам,
И клянусь, что я не думал о красотках, о «мадам»!
А теперь детей забыл я, дом забыл я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Чем красавиц этих больше, тем сильнее они влекут,
Я, как юноша, пылаю, и меня желанья жгут.
Но возможности у старца от желаний отстают.
Ограничены стремленья ветхой плотью, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Был я тихим домоседом, очень робкий человек,
Но, Иран родной покинув, я границу пересек,
Всё, что я за ней увидел, потрясло меня навек.
Я подавлен и растерян! Боже правый! Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

7 марта 1910

141

Достоинство пацни — где оно? Нет! Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Гляди, вольнодумец, сторонник свобод пробужден!
Мутитель народа — ученый урод пробужден!
Бесстыжих газетчиков мерзостный сброд пробужден,
Под кличкой поэта злодей рифмоплет пробужден —
Иными словами, источник невзгод пробужден.
Я думал: неважно, что темный народ пробужден.
Но, прах мне на голову, купчик — и тот пробужден!
Суется во всё! Справедливости свет? Не найдешь!
Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

У пацни этой был старый прекрасный завет:
Когда покидала душа мусульманина свет,
То, прежде чем будет омыт он и в саван одет,
Лежал он в постели, к нему с уваженьем зашел,
За чтеньем Корана над ним мы встречали рассвет.

Глава отзвучала — мы рубль получали в ответ:
И нам уваженье, и мертвый, как надо, отпет.

О, где ты теперь, уваженье? Хоть след?

Не найдешь!

Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Совсем изменились характеры наших купцов,
Как будто они разгадали, что значит наш зов.

Уж нет приношений, стоим у остывших котлов:

Ни доли — молле! Ну хотя бы какой-нибудь плов!

Хотя бы кусочек халвы! Но и тот не готов!

Хоть много уловов мы знаем, но жалок улов!

Ах, ах, всемогущий, где благо минувших деньков?

Иль мы согрешили, и счастья тех лет не найдешь?

Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

Когда собирался в святые места богомол,

К творящим молитву всегда за советом он шел.

Он думал о боге, а мы — чтоб сундук был тяжел.

Своими речами его мы спасали от зол —

Мол, нужно, чтоб он освященные деньги обрел

Себе для пути, — это было полезно для молл!

Как жаль, что почет, пилигримов ласкавший, отцвел!

Паломники, где вы? Кто верой согрет? Не найдешь!

Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

О, если бы в будущем новых не ведать нам бед!

Однако боюсь, что надежды на счастье уж нет.

Проснется народ — и увидят глаза его свет,

И он разберется, где вправду молитва, где бред,

Где предан забвенью торжественно данный обет, —

Наложит на взятки, на все подношенья запрет.

Не почесть, а ненависть — нам и навстречу и вслед!

И скажут: «Молла, где роскошный обед?»

Не найдешь!

Долма? И терек? И фирни? И шербет? Не найдешь!

Порядка, что чтили отец мой и дед, — не найдешь!

12 марта 1910

142. ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

- Как с новостями, мешади?
- Особых нет пока!
- А всё ж?
- Газету нес Гаджи-Ахмед...
- Вот это да! А ты не врешь?
- Ты это видел точно сам?
- Да нет, сосед мне говорил...
- Ах, согрешил Гаджи-Ахмед! Душа его в тумане
сплошь!
- Коль так, проклятие ему! Шайтан в его башку проник!
- Он греховодник! Ренегат! Вероотступник! Еретик!

Еще какая новость есть?

- Вели, Гаджи Джафара сын,
- Сынишку в школу отдает...
- С ума сошел!
- Не он один!
- А кто тебе о том сказал?
- Забыл я кто... Но слух идет...
- Ах, осрамил себя Вели! Покрыл позором снег седни!
- Коль так, проклятие ему! Шайтан в его башку проник!
- Он греховодник! Ренегат! Вероотступник! Еретик!

Еще какая новость есть?

- Насчет Гафара.
- Кто такой?
- Отец Мирзы Панаха.
- Так!..
- Он с книжкой бродит день-деньской...
- Кто сообщил тебе о нем?
- Брат мужа тетеньки одной.
- Коль так, проклятие ему! Шайтан в его башку проник!
- Он греховодник! Ренегат! Вероотступник! Еретик!

Какие слухи есть еще?

- Да, говорят, сосед Керим...
- Что, ошалел?
- Выходит, так.
- Давай теперь займемся им!
- «Моллою Насреддином» он вконец забил себе мозги!
- Замаскированный гяур! За ним догляд необходим!

А ну-ка, бездомный босяк, замолчи поскорей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Действительно, мы собрались, чтобы справить помин,
Да, верно, стол гнется от кушаний разных и вин.
Ажурному блюду под пару хрустальный графин.

Но ты-то при чем тут с поганой сумою своей?
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Мы люди имущие, любим кутить-пировать,
К нам в гости приходит одна именитая знать —
Вольготная сытость, вальяжная жирная гладь,
Отборная белая кость, благородная статья,
Зады не обмерить, кули-животы не обнять.

Здесь розы да маки, а ты голодранец-репей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Какое нам дело, что ты отощал и оброс,
Что дети твои собирают на свалке отброс,
И блеют, как овцы, и слепнут с рожденья от слез!

Ты мерзок нам, нищий! Протягивать руку не смей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Зачем богачу вместо важных и гладких господ
Задрипанных нищих одаривать благом щедрот!
Урод, он и есть, как ему ни потворствуй, урод.

И незачем с каждым рваньем обходиться добрей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Запомни, голодная, нудная голь, навсегда:
По брюху краюха, по тонкому вкусу еда.
Чем ждать подаянья, ступай-ка в могилу, балда!

Отведай землицы, сырою водицей запей!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

Богатому с бедным за общим столом не сидеть,
Чай не гонять, не жевать калорийную снесь,
Заплат не кроить, доморощенных вшей не иметь.

Отстань! Отвяжись! Не торчи! Не канючь!
Не плачь, не стони, как сова! Отойди от дверей!

29 марта 1910

144

Не веришь ни во что, но всем внушаешь веру.
Неужто не устал? Пора тебе знать меру!

Страна твоя во сне, и уж который год
Ты песенкой своей баюкаешь народ.
Куда бы ни пришел — тебе везде почет.
Нищают все вокруг, а ты наоборот, —
Чем твой народ худей, тем толще твой живот.

Твердишь ты: «Взятка — грех», а сам берешь
Живется хорошо на свете лицемеру!

Твердил про скотный двор, что это божий храм,
В одежды правоты рядил фальшивый хлам.
«Уверуйте!» — кричал, но сомневался сам.
Добро ты называл противным небесам,
Всё дозволял себе, всё запрещая нам.

Но время ложь твою развест, как химеру,
И наконец тебя не станут брать на веру.

Ты жилы отворял, как ловкий шарлатан.
Во имя благ земных пускался на обман.
И головы дурил, и наводил туман.
Почтенной нищете учил ты мусульман,
А сам построил дом и набивал карман.

Твердишь, что взятка — грех, а сам берешь
О, долго ли прощать мы будем лицемеру!

Ты часто говоришь, что богохульство — грех,
И в ереси вишить готов был вся и всех.
Но я тебя постиг. И знаю: ты из тех,
Кто разрешает грех без всяческих помех,
Коль золото тебе подсунут для утех.

Но скоро весь народ поймет твою манеру.
И проклянет тебя, как язву и холеру.
Хоть с виду ты смирен — ты волк, а не овца.
И жадности твоей нет меры и конца.
Доколе будешь ты испытывать творца!
Довольно! Ясен ты теперь и для глупца.
Уже не сможешь ты улавливать сердца!

Пред всеми отвечать придется лицемеру.
Довольно. Отдохни. Пора тебе знать меру!

4 апреля 1910

145

Мы — орава дармоедов, наше дело — вздор болтать.
И писать мы разучились, и отвыкли мы читать.
Наше главное занятие — сплетничать и клеветать.

Мы — невежды, а посмотришь — важны, будто всё
мы знаем,
Но, где можно, для острастки, правоверных
проклинаем.

Мы грехи у бедных видим в слове, в действии любом.
Самый робкий светоч мысли гасим грязным сапогом.
Но за то перед начальством как виляем мы хвостом!

Приношенья и подачки на лету, как псы, хватаем,
Но, где можно, для острастки, правоверных
проклинаем.

Мусульман мы в страхе держим без особого труда.
Ведь у нас в делах подобных поседела борода.
Мы ислам на откуп взяли испокон и навсегда.

Потрясая бородами, паству адом мы пугаем
И вседневно, для острастки, правоверных
проклинаем.

На заре в мечеть идем мы и творим святой намаз.
А уж как мы бьем поклоны, поглядел бы ты на нас!
Но приманка для разврата не минует наших глаз.

Гнусный грех свой — детоложство — святостью
мы прикрываем,
Но зато уж, для острастки, правоверных
проклинаем.

Повод мы найти умеем, чтоб затеять шум и спор.
Где бы ни были, мы сеем клевету, навет и вздор.
Чтоб не рухнул дом господень, вековых лишась опор,
Мы моления аллаху громогласно воссылаем
И вседневно, для острастки, правоверных
проклинаем.

Нам эдем сулен за гробом, а не бездна адских мук.
Нам ученый — враг заклятый, а невежда — первый друг.
Мы враги свободы, чести, просвещения и наук.
Мы в нечестье и в безбожье всех ученых обвняем
И вседневно, для острастки, правоверных
проклинаем.

Возвращаемся с почетом, путь свершив к святым местам.
Это мы храним и держим незапятнанным ислам.
Засыпаем — толпы гурий и гылманов снятся нам.
Так живем мы в лоне веры и других забот не знаем,
Но вседневно, для острастки, правоверных
проклинаем.

11 апреля 1910

146. НЕ ПУЩУ!

В школу? Сына? Ерунда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Хоть над книгами сидит мой сынок по целым дням,
Хоть несчастный мальчуган так и рвется в школу
сам,

Но безбожники одни тянут нас к таким делам.
Для религии — беда!

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Он еще совсем дитя — трудно ль обмануть таких?
Всей бесплодности наук он не понял, юн и тих.

Он еще хороших дел не отделит от пустых.

Губит юные года! . . .

Отвяжитесь! Не пущу!

Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Мне ни капельки не жаль, что от слез он похудел.
Старший брат его — бандит. Вот пример хороших дел!
Пусть умрет — не допущу, чтоб мой сын картуз надел!
Дать его неверным? Да?

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Слушайте! Ведь сын-то мой! Что ж печетесь вы о нем?
Это кто ж назначил вас надо мной опекуном?

Нет, мы веру задевать вслед за вами не начнем.
Нет, не стоит и труда!

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Предоставьте сына мне — он во всем пойдет в меня
И беспечно проживет, ремесло мое ценя.

Мне ученый друг сказал: «Будь подальше от огня!»
Отдавать его туда?

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Убирайтесь к черту! Вон! Сколько длился ваш обман?
Вот уже пять лет, как вы оскверняете Коран.

На гяура стал похож мой любимый мальчуган.
К черту, сгиньте ж без следа!

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Нет, безбожникам не взять пламя сердца моего!
Пусть в могилу сын сойдет — школа пусть не ждет его!

Что о школе говорить? Бредни, больше ничего!
Лучше — вечная нужда!

Отвяжитесь! Не пушу!
Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Хватит сыну и того, что имеет он сейчас!

Чем смеяться мне в глаза, пусть негодник сгинет
с глаз!

Если сын мой повторит мысль зловредную хоть раз,

Вмиг зайдет его звезда. . .

Отвяжитесь! Не пушу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Согласиться? Нет, вовек не войду в неверный стан,

Чтобы сына погубил ваш бессмысленный обман.

О предатели, враги настоящих мусульман!

Ждите божьего суда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пушу!

Это ведь для нас беда!

Отвяжитесь! Не пушу!

18 апреля 1910

147. ПРИМИРИСЬ!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примирись!

Гибнет с голоду семья? Что же, снова примирись!

Стал ты пленником забот — бедный, покорись ты им!

Не старайся, не трудись, волю дай слезам своим!

Против бога не пойдешь — плачь, стеной, ходи нагим!

Мусульманином ты будь — преклонись перед благим!

Ждешь богатств? Они придут. Помни слово:

примирись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примирись!

Жизнь твоя тебе горька? С горем дружбу ты сведи!

Брось надежды, будь ленив, нет просвета впереди!

Перед волею судьбы, голову склонив, ходи!

На вознесшегося ввысь ты без зависти гляди!

Он, неверный, не постиг смысла зова: примирись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примирись!

Угнетатель гнет тебя — думай: это злобный рок!

Повелитель бьет тебя — думай: так велел пророк!

За бессилье — не к себе, отнеси к другим упрек!

Верь, что ближний иль чужой на нужду тебя обрек.

Не отвергни ни того, ни другого — примиись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примиись!

Станет слишком тяжело — плачь, хоть нам противно,
плачь!

Средств иных и не ищи — только непрерывно плачь!

Ты от мира откажись — жалобно, призывно плачь!

Ни о чем не рассуждай! Долго, неизменно плачь!

Плюнь на гордость и на честь! Жизнь сурова —

примиись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примиись!

Вздумал сделать что-нибудь — сделай, как велит ислам!

И любую кладь носи, уподобившись ослам!

Сей, коси, а толстый бек с хлебом справится и сам!

О правах своих не знай, спи, доверься небесам!

Спи, не мучься, не вставай против злого —

примиись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого?

Примиись!

На неверных не гляди, совершай без них свой путь!

Выбирай полегче труд, о канонах не забудь!

Добывая детям хлеб, услаждай молитвой груди!

Чтоб души не омрачать, ты чернорабочим будь!

Деньги бек забрал твой? Ты без крова?

Примиись!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого!

Примиись!

Если ж сила в теле есть и крепка твоя рука,

Если стыд глаза не ест, брань не сходит с языка, —

С болью, горем и нуждой ты кончай наверняка!

Есть на свете ремесло, славное во все века:

Режь — бери! Громи — бери! Взял — готово!

Возгордись!

Ни седого не щади, ни грудного! Возгордись!

Обнял злого — возгордись!

Смял родного — возгордись!

Что там совесть? Что там честь?

Грабь и снова — возгордись!

Ты, Соня, прелесть и краса, небесный свет!
 Мне, Нагди-беку, без тебя и жизни нет!
 К тебе любовью воспылав, бреду вослед,
 Твои желанья для меня — закон, завет,
 Я весь дрожу, твоими взглядами согрет,
 Что ни попросишь — только «да!» тебе в ответ!
 Чем я, красавица, могу тебе служить?
 Я за тебя готов и голову сложить!

О розоликая, твой стан как стебелек,
 О белотелая, мой ангел ты и бог,
 От этих прелестей я сердцем изнемог,
 В чем виноват я, чем немилость я навлек?
 Стал сад пристанищем ворон, увял, поблек,
 В чужих руках моя сирень, удел жесток!
 Чем я, красавица, могу тебе служить?
 Я за тебя готов и голову сложить!

Ты мне сказала: «Покорись!» — я покорен.
 Сказала ты: «Красой пленись!» — и я пленен.
 Сказала: «Жизни ты лишись!» — и я лишен.
 «В любви, — сказала, — разорись!» — я разорен.
 «В немного стража обратись!» — я обращен.
 «Нуждайся в хлебе!» — и влачусь я, истощен!
 Чем я, красавица, могу тебе служить?
 Я за тебя готов и голову сложить!

С тех пор как жизнь тебе вручил, любовь моя,
 Я дни в мучениях влачил, любовь моя. . .
 Лишен от нетерпенья сил, любовь моя,
 Я всё, что мог, тебе носил, любовь моя.
 Но мне и взгляд не брошен был, любовь моя, —
 Тебе другой сегодня мил, любовь моя!
 Чем я, красавица, могу тебе служить?
 Я за тебя готов и голову сложить!

Велела мне безумным стать — я стал таким,
 В любви и разум промотать — я стал таким.
 Стать жертвой страсти, боль познать — я стал
 таким,
 Позор паденья испытать — я стал таким,
 Честь потерять и растоптать — я стал таким.
 Нести ничтожности печать — я стал таким.

Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

Сказала ты: «Забудь почет!» — и я забыл,
«Забудь добро, жилище, скот» — и я забыл,
«Забудь родню, и труд, и пот» — и я забыл,
«Забудь семью, забудь народ» — и я забыл,
«Забудь и чувств, и мыслей ход» — и я забыл,
«Забудь достоинство и род» — и я забыл!
Чем, я красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

Была подругой ты моей, душе мила,
Своим любимцем ты всегда меня звала,
Вином поила, а сама трезва была —
Иные замыслы таила и дела!
Всё, что имел я, отняла, потом ушла,
Меня низвергнула, себя же вознесла!
Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

Я пал, но муки пережить готов опять!
И с прежней верностью служить готов опять.
К тебе, любимая, спешить готов опять,
Страстями сердце иссушить готов опять,
Жизнь в долгой спячке проводить готов опять,
Паденьем даже дорожить готов опять!
Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

Всё потому, что милосерден род мужской,
Когда любовью он охвачен и тоской.
Будь и почтенен ты, и знатен, но какой,
Красотку видя, не терял из нас покой?
Рабы страстей, в ногах валяемся порой,
За миг блаженства жизнью жертвуем самой!
Чем я, красавица, могу тебе служить?
Я за тебя готов и голову сложить!

9 мая 1910

Сочувствовать школе? Ну что за народ!
От школы доход не растет, не растет!

В глазах твоих ужас, газетчик, возник,
Ты ей посвятил и перо и язык!
Я ж верное слово скажу напрямик:
Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растет, не растет!

Наслышатся в школе: «Свобода! Права!» —
И станут ценить год из года права!
Молле же противны народа права.
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
От школы доход не растет, не растет!

Мне пользы от школы совсем не видать —
Проклясть мы такую должны благодать!
И всем это ясно! О чем рассуждать?
Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растет, не растет!

Начнут эти дети учиться сейчас,
Получат бесчисленных знаний запас,
А после, конечно, возьмутся за нас.
Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчет?
От школы доход не растет, не растет!

Вот если бы школьное дело тишком
Доверили в руки мои целиком!
О, я дорожил бы подобным куском!
Теперь же что толку от этих забот?
От школы доход не растет, не растет!

Ах, старое время, благие дела!
От каждого дома мне доля была:
Плов, масло, и сахар, и чай, и . . . хвала!
Что делать? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

Теперь вообще мы попали в беду:
И трех приношений не видим в году!
Мы рады терпеть и такую нужду —

Не стало бы хуже. Где хлеб, где почет?
Живот не растет, не растет, не растет!

Проводят собрания у нас без числа,
На нескольких фразах кончают дела.
А слава моллы отцвела и ушла.
Что делать? Исчезли и хлеб и почет!
Живот не растет, не растет, не растет!

16 мая 1910

150

Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!
На всю страну, из края в край, и шум, и вой идет!
Плестись в хвосте удел других — вихрь огневой идет!
Такая прыть, такой порыв — как на разбой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Всю нацию собрав в кулак, сумей ее увлечь!
О благе ближних толковать да не скупится речь!
Привычны мы валить и бить, кромсать, топить и жечь!
И в кровь загнать коней своих, и головы отсечь!
Свобода? Равенство? Ну да: за строем строй идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Века прошли — но шли и мы, честь нации храня.
Бывало всякое в пути — и ссора, и грызня.
Мы нации и острый меч, и крепкая броня.
Пять лет уже как скачем мы, — никак не слезть с коня!
И мчится с гиканьем табун, как будто в бой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Ах, всё не так?! Безбожно лгу? Я врун и пустобрех?!
Сомненьем на душу свою берешь ты тяжкий грех!
Что, что? На головах людей разбить хочу орех?!
Молчи! Я слышать не хочу! Противен мне твой смех!
Быть может, не за нами край, за голытьбой идет?
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Коль зряч — гляди, не глух — услышь, себе на ус мотай:
Где правоверные живут — узришь блаженный рай!
Османцев вспомни иль возьми ты персиянов край, —
Цветет Марокко, шик и блеск, а как расцвел Китай!..

И в паре полумесяц наш — он со звездой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

И арнауты — погляди! — жива там в каждом честь!
Клокочет и бурлит Казвин — какая страсть и месть!
А Крит? Из наших там борцов немало тоже есть!
Йемен возьми иль Бухару, — и дел благих не счесть!
Перемешались племена, чужой ли, свой идет? . .
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Ну, а теперь Россию пусть захватит пылкий взгляд.
Во славу правоверных тут, куда ни глянь, трубят!
Как пятница, воскресный день — шумит торговый ряд,
О процветанье там и сям и в Думе говорят!
Что? Ложь? Обман? . . И снова дух зловерный твой
идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

«Кавказ! Кавказ! . .» — поют уста. А вот вам и Кавказ:
Красотки тут, красотки там — лови веселья час!
Казна державная щедра — в беде не бросит нас,
А коль такая жизнь пошла, пускайся в быстрый пляс! . . .
Пусть тьма кругом и нищета — день золотой идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

И нам ли ныть и унывать? Гони, гони коней!
И с каждым годом наша мощь и наш порыв сильнее!
Кончай о совести болтать — нужды нам нету в ней!
А что не так, судить не нам: всевышнему видней!
Что слезы лить, когда кругом веселый той идет?
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Одна у нас и цель, и жизнь, и кров у нас один!
Одна печаль, один карман, и плов у нас один!
И стон, и смех, и вопль, и бред, и зов у нас один!
И на могилу скорбный путь — без слов — у нас один!
Не ной, заткнись, с дороги прочь — кто враг, с хулой
идет!
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

Не сыщешь трещинки в дому — неведом нам раздор!
И взятки не берет никто: не пойман — и не вор!
И речи умные у нас, а не какой-то вздор!
И славят нации вождей подобострастья хор! . .

То не юнец, что несмыслен, — он с бородой идет!
И, пасть разинув, то не волк, а муж хмельной идет!
Он с виду ангел, два крыла, а с сатаной идет!
Держи пошире свой карман, — отец родной идет!
И в стужу лютую идет, и в адов зной идет! . .
Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!

30 мая 1910

151. ЛИЦО ПАЦИИ

Кто видит богача бесстрастное лицо —
Тот видит низости ужасное лицо!

Пусть я ослепну, если здесь, у нас,
Найдется хоть одно прекрасное лицо!

Одна печаль меня гнетет: и в Судный день
Увижу пации злосчастное лицо!

13 июня 1910

152

Эпоха с нами говорит, а мы как в рот воды набрали.
Грохочут пушки, гром гремит. . . Проснуться всё же
не пора ли?
Других несет аэроплан, они по небу мчат, как птицы,
А мы узрим: автомобиль! — и шасть в кусты в священном
страхе.
Давным-давно, давным-давно моллы нам солнце
заслонили,
И мы глядим на жизнь других сквозь полог тьмы и
сырость гнили.

14 июня 1910

153

Да, брат, персидский жив народ! Всем страсть его сейчас
видна!
Горячка новых обществ нам уже не в первый раз видна.
Куда ни глянь — сверкает мысль! Она в сиянье глаз
видна!

154. ВРАЧ И БОЛЬНОЙ

Однажды к врачу обратился больной:
«Ах, доктор, не знаю, что нынче со мной!
С утра нестерпимо болит мой живот!
Ой-ой, умираю! Спасите!» А тот
Прислушался к пульсу и молвил: «Ответь
Без всяких утаек, что съел ты за снесь?»
Страдалец ответил: «Свидетель господь:
Я съел. . . подгоревшего. . . хлеба. . . ломоть. . .
А больше, клянусь, я. . . не ел. . . ничего!»
Тут пристально доктор взглянул на него
И, капель в пипетку набравши глазных,
В глаза ему влить вознамерился их.
«Жив-вот! . . — мой бедняга воскликнул стенья. —
Вы, доктор, не поняли, видно, мен-ня!»
Но доктор сказал: «Эх, чужак человек!
Когда бы не слабое зреньё, вовек
Того ты не ел бы, что вредно для нас.
Давай-ка приступим к лечению глаз!»

18 июня 1910

155. СТАРЫЙ САДОВНИК

Шли по дороге юноши гурьбой
И вдруг ограду видят пред собой,
За нею — сад, в саду столетний дед
Стучит лопатой, немощен и сед.
Дрожащими руками старина
Какие-то сажает семена.
Смеясь, юнцы спросили: «Эй, старик!
В чем смысл твоих усилий, эй, старик?»
Старик: «Я рою землю, чтоб она
Мне яблони взрастила семена».
Они опять: «А много ль проку в том?
Сегодня ты живешь, а как потом?
Когда созреет то, что сеешь ты?
Пока взойдет, уйти успеешь ты!

Оставь свой труд напрасный, отдохни:
Плодов не вкусишь за свои ты дни!»

Старик в ответ: «Сажали и до нас,
И труд отцов мы хвалим всякий раз.

И вот мы тоже труд свой отдаем
Для тех, кто завтра вспомнит нас добром».

21 июня 1910

156. СВЯТОШЕ

Эй, не лги нам, приятель, и вздор не мели!
Сам себя наставляй, сам себе и внимли!
Черным белое видишь, прямое — кривым.
Не терзай нас, но зренье свое исцели!

22 июня 1910

157. МУРАВЕЙ

Видали раз, как малый муравей
Большую муху по камням тащил.

Сказали: «Как под ношею такой
Он, слабенький, не выбился из сил?»

Ответили: «Тут не в размерах суть.
Основа силы — труд, стремленье, пыл».

О сын мой! Будь подобен муравью:
В усердьи он великое свершил!

Ты не считай в заслугу легкий труд:
Кто мало сделал — мало заслужил!

Нет, славен тот, кто, всё преодолев,
В большое дело жизнь свою вложил.

Сметает горы мужество людей —
Хочу, чтоб мужем ты на свете жил!

Чтоб для народа шел ты впереди,
В сознание долга высшего служил.

Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.

Умри, чтоб имя — это ли не честь? —
Родной народ в сказаньях оживил!

23 июня 1910

158

Когда я весел и здоров — как будто злится небо,
И сотни гибельных даров послать мне тщится небо.

И я в отчаянье пришел, но вновь надежду я обрел.
Какой же дар мне ниспослать опять стремится небо?

Ужели рухнут небеса, коль буду счастлив полчаса?
Зачем же новою бедой тогда грозится небо?!

О, не играй же мною вновь, моя безумная любовь!
Я сам играю и пляшу, как ни кружится небо!

Мы все пустились в хоровод, посмотрим, кто же упадет:
Душа, любовь ли, Рыба ль, Бык, коль накренится небо?

24 июня 1910

159. ПАТРИОТЫ

Речь заводят патриоты, что свободы ждет народ.
Всех в мечеть зовет святоша. Что ж, он тоже патриот!
Патриоты в шевиотовых костюмах говорят:
«Лишь была бы патриотка, что с любим из нас живет!»

25 июня 1910

160

Ах, спишь ты, дядюшка Молла, в краю грузин туманном.
Хоть раз пожаловал бы ты к почтенным мусульманам.
Ты б погулял у нас в Баку и гостем был желанным,
С гаджи сидел бы по ночам в беседе над Кораном.

Ты бы узнал, что и у нас есть тоже душки,

дядюшка,

И что укромные места есть для пирушки, дядюшка.

Ты по бульвару бы гулял в передвечерний час,
Когда еще последний луч на небе не угас.

218

Узнал бы, сколько дивных жен и девушек у нас —
С челом Венер, с походкой пав, прекрасных без прикрас.
Они красавицы у нас, они болтушки, дядюшка.
Ты убедился б, что они такие душки, дядюшка!

Но ты решишь, что на бульвар выходит только сброд?
Здесь правоверные одни гуляют взад-вперед.
Они, как ты или как я, — солидный всё народ,
Здесь и гаджи и мешади пошли в круговорот.
Они святые все от пят и до макушки, дядюшка.
И вера в господу для них — не безделушки, дядюшка.

У них в сто зерен четки есть, они творят намаз,
И молятся они весь день пред господом за нас.
Бог упаси, чтоб согрешить могли хотя бы раз,
Они на женщин и мужчин не поднимают глаз.
А ежели про их грешки твердят старушки, дядюшка,
Я б за подобные слушки не дал полушки, дядюшка.

Я их за то и не корю, что ходят на бульвар,
Не говорю, что ищут там они гнилой товар. . .
Но что там делают они, надев чужой наряд?
Да кто их знает! Ведь они про то не говорят.
Они не вынут свой секрет из-под подушки,
дядюшка. . .
Я б мог сказать. Но верят мне одни пьянчужки,
дядюшка.

27 июня 1910

161

Из борцов за свободу всегда и везде
Правдолюбцы, герои, титаны выходят.
Лишь из нас почему-то всё время одни
Миротворцы, скоты, интриганы выходят.

2 июля 1910

162. ПИСЬМО

Вам такое письмо и во сне не приснится.
Сто ошибок, не меньше, на каждой странице.
А ведь это письмо от директора школы,
И к нему наши дети приходят учиться.

4 июля 1910

Слуги верные мои! Не спать — вставать пришла пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!
 Собирайтесь тайно в круг, совет держите меж собой!
 Пусть Зенджан и Решт свой мрак забросят в уголок
 любой!

Конституцию чернить должны вы все наперебой!
 О владычестве моем пускай напомнит ваш разбой!
 Затевайте мятежи, вам наступать пришла пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

Пусть послания мои в урочный час не сгинут зря,
 Пусть решения мои — молю я вас! — не сгинут зря,
 Пусть веления мои — наказ, приказ — не сгинут зря!
 И обеты пусть мои — в который раз! — не сгинут зря!
 Мемдели Кязима честь вам поддержать пришла
 пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

Лгали, что в Одессе я плел за интрижкой роман:
 Помня вотчину свою, тянул я нити в отчий стан.
 Смею ли я уронить богом данный шахский сан?
 Ах, в душе всегда хранил я Решт, Казвин, Керман,
 Зенджан!
 Я наладил все дела, вам — продолжать пришла пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

Не считайте, что теперь в Иране нет моих людей:
 Тысячи их прибегут, как только крикну: «Слуги! Эй!»
 Я приказы что ни день им посылаю всё лютей, —
 До могилы мне стоять на страже тьмы, штыков, плетей!
 Помощь мне в моих трудах вам оказать пришла пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

Видите, какой разброд? В каком огне мой край сейчас?
 Растерялся весь меджлис, безумный страх его затряс.
 Что корабль до мачт в крови — уже ничей не видит глаз!
 Конституцию никто от издыхания не спас!
 Не зевайте ж! Нам страну к рукам прибрать пришла
 пора!
 Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

То клянется человек, то вдруг в отставку подает, —
 Разве ж непонятно вам, какой полезный это ход?

Из Наджафа мучтеид не зря ведь вам посланья шлет!
Шлет их честная рука — клеветникам зажмите рот!
Нужно действовать, друзья! Открыто встать пришла
пора!
Просыпайтесь, пруть свою явить опять пришла пора!

4 июля 1910

164. БУКЕТ ЦВЕТОВ

Иранец говорит: «Я правде рад всегда».
Османец: «Мой народ свободе брат всегда».
Ну а святоша что? «Пусть оба пропадут,
Лишь был бы я один сыт и богат всегда!»

Барышник, он всегда купить-продать готов:
Посредник торгашу подмогу дать готов.
А вот молла — поспать, вскочить, свершить намаз,
Перехитрить, надуть, обворовать готов!

Журналы вышли в свет, чтоб их читал народ,
Чтоб из статей себе примеры брал народ.
Что ж мыслит тот, кто нос ученый свой задрал?
«Пускай возьмет себе такой журнал народ!»

Не думай, что в мечеть свершать намаз спешит, —
Нет, нет, отец святой не с тем как раз спешит:
Он коврик нынче сбыл, что своровал вчера,
И вот он за другим туда сейчас спешит!

4 июля 1910

165

Нет, нет, святоше не давай! . . Нет, мой портрет не
для него:
Себялюбивые глаза до тьмы низводят правды свет!
Пускай на скромный мой портрет взирает светлый
человек,
Который, истину любя, во всем находит правды свет!

6 июля 1910

Я убеждения привык менять на каждом слове,
 Я как вода: любой арык и путь любой — мне внове,
 Как мне взбредет, так и скажу, что хорошо, что плохо:
 Хочу — ударю по гвоздю, хочу — и по подкове!

9 июля 1910

Когда бы объявил аллах, что за безделье он
 Из рая гурий выгнал вон с гылманами зараз,
 Святоша, правду мне скажи, ни слова не скрывай,
 Ты расстелил бы коврик свой, чтоб совершить намаз?

11 июля 1910

«Кто просвещенный?» — я спросил и услышал в ответ:
 «Тот, кто религию отверг и святости лишен».
 Тут про святошу я спросил и услышал в ответ:
 «Всего лишенный, лишь карман большой имеет он!»

12 июля 1910

Ребенка надо воспитать. Зачать и жизнь ребенку дать —
 Твой долг родительский, поверь, не в этом
 заключается...

Учи ребенка и расти, веди по трудному пути,
 Пойми, что этим человек от зверя отличается.

13 июля 1910

170. АЙ ДЖАН, АЙ ДЖАН!..

Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!
Травле праведных — конец! Тишина! Ай джан, ай джан!

От писак и волоска утаить мы не могли,
Из-за подлых нам пришлось быть посмешищем земли.
Ах, как вышло хорошо! Все дела на лад пошли!
Сразу стала жизнь сладка, нетрудна. Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Ну-ка, ветер, наш привет ты молле Каваму грянь,
Пусть молле Саламу шлет поздравленья в Ленкорань,
Чтобы всех друзей-невежд он поздравил в эту рань!
Пой в мечети и пляши, старина. Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Облети Владикавказ, громогласно объяви:
Нет журналов и газет! Всех к молитве призови!
Явно, тайно ли — греши! Как надумал — так живи!
Что б ни делал — наша честь спасена! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Ты молле Гаджи-Баба, что в Кубе, пропой: «Хвала!
Нет газет! Холера их без пощады унесла!»
Эй, мюриды, все сюда! Чья душа невесела?
К нам — сподвижники из сел, все сполна! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

Нет газетчиков! Простор, о собратья, только нам!
Скоро пост — и весь доход, без изъятья, только нам!
А в мечети и хвала и проклятья — только нам!
Будь ты проклята навек, новизна! Ай джан, ай джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай джан, ай джан!

1 августа 1910

Венский телеграф сообщает:

Он первому племянник, и зазря
Соваться в отношения — к чему?
Европу обозреть решил Мирза,
Секретов нет, волнения — к чему?

Газета «Найе-Фрайе-Пресс» сообщает:

Послушайте иранскую печать,
Поймете, эти бдения к чему.
Свободу жаждет бывший растоптать, —
Восторг освобождения — к чему?

Берлинская печать серьезно сообщает:

Россия знает цель его забот
И все его стремления к чему:
Похоже, вновь он шахский трон займет, —
Твои, народ, мучения — к чему?

Российская печать пишет:

О дальних странствиях мечтал он встарь,
Ему бразды правления — к чему?
В политику не лезет государь,
Постиг урок падения... К чему?
Теперь межджлис лишит его всех благ.
Что делать? Словопрения — к чему?
От консула узнает о делах,
Какие, мол, явления — к чему...
Как осчастливит родину вновь шах,
И знаки провидения — к чему?

Знаменитый профессор Вамбери говорит:

Почтительна к правителю толпа.
Богатства без служения — к чему?
И консул повеления столпа
Поймет без промедления — к чему.

И мы говорим:

Забылись подданные тяжким сном.
Морока пробуждения — к чему?
Их одеяла савану сродни,
А прочие сравнения к чему?!

5 ноября 1910

Пой, восторгом окрылен, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Наконец-то в мире вздох услышан твой,
Ясный месяц блещет вновь над головой:
Шах твой вспомнил о тебе, мой дорогой.
Так сияй, как небосклон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Тень владыки своего ты восхвали!
Уйму всяких благ несет он издали.
Слушай, едет в гости к вам сам. . . Мемдели!
Мчись встречать во весь разгон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Как тебе печаль и скорбь не растоптать!
В миг желанный возгласи: «Ах, благодать!»
И до Страшного суда ты можешь спать.
Да увидишь светлый сон, иранец мой:
Прогони все беды вон, иранец мой!

5 ноября 1910

«Тарджумани-Хагигат» говорит:

Ах, наконец Абдул-Гамид встал на ноги, окреп.
Прошла болезнь — и счастлив он: от сердца отлегло.
Он ест и пьет, задул в зурну, читает, пишет он
И, наклонясь над верстаком, строгают всем назло!

Абдул-Гамид говорит:

Не думай, что строгать, рубить я начал лишь с тех пор,
Как с горя плотничье постичь решил я ремесло.
Ах, боже мой, еще в те дни, как я султаном был,
Я резал, бил, ломал, рубил — да так, что трон трясло!

9 ноября 1910

Чему сейчас любой народ служенье посвящает?
 Народ все помыслы свои ученью посвящает.
 И наш народ не отстает, ведомый мудрецами, —
 Кармана выгоде свои стремленья посвящает.

18 ноября 1910

184. ОДЕЯЛО МОЛЛА НАСРЕДИНА

Уж полночь. И сон золотой не один
 Увидел в постели Молла Насреддин.

Вот так и смотрел бы до самого дня!
 Вдруг слышит — на улице крики, возня.

Укрыв наготу одеялом, Молла
 На улицу выбежал: что за дела?

Какие-то люди — взгляните на них! —
 Ну так вот и лезут одни на других!

Он двинулся к свалке, пытаюсь узнать
 Причину той драки, узнать и разнять.

Но вор в это время подкрался к Молле,
 Стащил одеяло — и скрылся во мгле!

Молла удрученный вернулся домой
 И молча поник пред своею женой.

И просит жена: «Расскажи что-нибудь
 Об уличной драке! Узнал ли ты суть?»

«Мое одеяло рассорило их:
 Как только убрали — раздор и утих».

23 ноября 1910

185. МАЛЬЧИК И ДЕНЬГИ

Мальчишка второпях вбегаёт в дом
И матери кричит, дыша с трудом:

«Ах, мама, вот!.. Скорее получи!..
Мы счастливы теперь!.. Мы — богачи!»

А мать в ответ: «Но как же вышло, сын,
Что мы разбогатели в миг один?

Скажи скорее, что в твоей руке?»
— «Богатство наше в этом кошельке!

На улице какой-то старичок
Вдруг уронил вот этот кошелек.

Тут потихоньку я его схватил
И побежал домой что было сил!..»

Уразумев поступок сына, мать
Не стала гнева своего скрывать:

«Откуда кровь такая у тебя?
Да есть ли честь людская у тебя?

Несчастный мальчик, что ты совершил?
Свою ты совесть этим очернил.

Ты истину отверг из-за чего?
Как ты посмел пойти на воровство?

Тому не быть, что мы чужим добром
Возвысимся, богато заживем!

Нет, нет, мой сын! Несчастливы будем мы,
В глаза глядеть не сможем людям мы!

Окажешься преступником — и что ж?
Достоинство свое продашь за грош!

В деньгах немало блага есть, мой сын,
Но нам всего дороже честь, мой сын!»

23 ноября 1910

186. КУРБАН-БАЙРАМ

Идет, идет курбан-байрам к нам опять,
И все, кто важен, толстобрюх — наша знать,
Велят барашка изловить и заклать.

У них обряд, Халилуллах, в честь тебя.
А нищие вопят, аллах, в честь тебя.

Соседи вышли, как всегда, на порог.

У них и нация одна, и пророк.

Но вот у этого — мясо, и жирок,

И праздник свят, Халилуллах, в честь тебя,
А тот потупил взгляд, аллах, в честь тебя.

Сын одного идет гулять — разодет.

И галстук и воротничок — краше нет.

Отец с улыбкою глядит сыну вслед,

Глаза блестят, Халилуллах, в честь тебя.

На бедном — тьма заплат, аллах, в честь

тебя.

Смотри, смотри, Гаджи-Пири к нам идет,

Не даст и кости никому, живоглот!

Сосед бедняга палец свой знай сосет.

Гаджи пузат, Халилуллах, в честь тебя.

Распухнет он стократ, аллах, в честь тебя.

«Гаджи, — сказал я толстяку, — загадай:

Куда по смерти попадет скупердяй?

Бараньи шкуры школярам ты отдай!

Согрей ребят (Халилуллах, в честь тебя!)

Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя».

«Обычай не велит, — Гаджи молвил тут, —

Отдам, а женщины начнут пересуд.

Во что тогда они квашню завернут?

Отдать я рад, Халилуллах, в честь тебя,

Но пусть в дому лежат, аллах, в честь

тебя!»

30 ноября 1910

Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу свободою биться всегда.
За это не раз порищаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда.

15 декабря 1910

188. ИСКАНДЕР И НИЩИЙ

Под солнцем, у дороги, на камнях,
Сидел один бездомный, нищ и наг.

Премного на него насело мух,
Томилось тело, и томился дух.

Дорогой той, суров и величав,
Шел Искандер. Беднягу увидав,

Он сжалился: «О пленник нищеты!
Скажи, нужду какую терпишь ты?»

Я, царь царей, склонен к твоим словам:
Проси — и я чего захочешь дам!»

«Мой шах, — промолвил нищий, — этим днем
Тебя прошу я только об одном:

Чтоб возвратить покой душе моей,
Вели ты мухам улечь скорей!»

«Эх, человек! Могу ль прогнать я их?
Они же не из подданных моих!

Проси о чем-нибудь таком сейчас,
Что сразу разрешил бы мой приказ».

«Мой шах! Когда так немощен ты сам,
Не говори: „Чего захочешь дам“.

Ведь мухи — что в глазах людей они?
Сословий всех людских слабей они!

И если ты, о шах, настолько слаб,
То что с тебя возьму я, жалкий раб?»

20 декабря 1910

189. БОЛЬНОЙ КРЕСТЬЯНИН

Один крестьянин тяжело занемог —
И дни и ночи только: ох да ох!

Поговорить с больным зашел сосед,
Исполнить долг пред ним зашел сосед.

Спросил: «Чего, сосед, ты хочешь есть?
К чему, мол, у больного склонность есть?»

Тот отвечал: «Мне плохо. А в беде
Я не могу и думать о еде».

«А сливы? Ты бы не поел их? Слив!
Янтарно-желтых, вкусных, спелых слив!»

Тот простонал: «Ах, как поел бы я!
Я б от души благодарил тебя!»

Сосед сказал: «Теперь не лето — да?
Вот перетерпим зиму, а тогда...»

«Страшусь конца недели этой ждать, —
Сказал больной, — ну где мне лета ждать?»

Ох, скрутит смерть до той поры меня,
Сгниет и прах до радостного дня...»

Мы так привыкли к случаям таким,
Мы сами часто схожи с тем больным.

Увидев наши нужды, богачи
К спасенью подбирают нам ключи.

«Поможем! — обещают. — Наш народ
При нас, мол, никогда не пропадет!»

Один, другой вступают в умный спор,
Вдруг денежный начать предложат сбор.

Но лишь на деньги прозвучит намек,
Тут каждый благодетель — наутек!

Не время, мол, сейчас, как на беду;
Начнем уж лучше в будущем году!

21 декабря 1910

190. ОТШЕЛЬНИКУ

Закрыв глаза, открой в молитвах рот,
Не принимая смысла их в расчет!

Ты с любопытством не гляди на мир,
Где яркий свет над истиной встает!

Тот не постигнет таинства любви,
Кто лицемерные поклоны бьет.

В плену молитв не отрицай любви:
Кто любит, к божеству всё ближе тот.

Меджнуном Гейса зря не называй,
Пока лицо Лейли не промелькнет!

О, не сиди, мужчина, в уголке,
В нем ожидая истины восход!

Стремишься к милой? Покажу, иди!
Глаза открыты? Вот родная, вот!

Ты видишь совершенство? Восхвалить
Оно уменье мастера зовет!

Но где тебе иметь правдивый глаз,
Чтоб видеть блеск ее земных красот?

Чтоб с воплями по селам ты бродил,
Моления не свершив ни разу в год!

Чтоб ты в проклятьях подражал певцу,
С его стихами уходя вперед!

23 декабря 1910

191. ВЛАДЕЛЕЦ БУЙВОЛИЦЫ И НАВОДНЕНИЕ

Некто имел буйволицу. Удой
Он продавал, разбавляя водой.

Выпали как-то большие дожди,
В горе хозяин: доходов не жди!

Всё наводнением объято село —
Ох, буйволицу водой унесло!

Плачет хозяин: «Конец мне, конец! ..»
Сын же сказал: «Успокойся, отец!

Столько смешал с молоком ты воды,
Что наконец дождался и бедъ»

Эта вода разлилася в краю —
И унесла буйволицу твою!

В горе своем ты судьбу не кляни —
Сам ты накликал несчастные дни!»

26 декабря 1910

192. ДУША МОЯ! ..

О сокол стремлений, душа моя, вдаль,
Как дума моя, воспарь, унесись!
Лети, поднимайся в бескрайнюю высь,
А в теле моем обитает печаль!

В обители этой ты будешь пылать,
Поверь, ты для муки останешься в ней:
Не сможешь забыть ты печали моей —
И, нежная, станешь сама горевать.

Покинь это тело! Оно ведь не я!
Тебе не под силу разлука со мной?
Но ты — это я, только облик иной,
Но я — это ты! Ты навеки моя!

Уйдешь ты — уйду я с тобой заодно!
Мы пленники в немощном теле, увы.
Враги! Моей смерти не радуйтесь вы:
Покуда есть мир, мне пропасть не дано!

Мы счастья, душа, на земле не нашли!
Скорее же в мир неизведанный тот,
Где сын человека забвенью найдет,
Лишь в землю опустится горстью земли!

Когда я уйду — ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

28 декабря 1910

193. МОЛЛА НАСРЕДДИН И ВОР

Шапку схватив у Моллы на ходу,
Вор убежал и укрылся в саду.

Что же Молла? Огорчен, омрачен,
Мчится не в сад, а на кладбище он.

Видя Моллу у печальных ворот,
Люди спросили, чего же он ждет?

«Шапку украл нечестивец мою —
Вот я без шапки теперь и стою».

«Что же ты медлишь? — ему говорят. —
Ведь убежал он, бессовестный, в сад!»

Если ты в сад побежишь поскорей,
Выйдешь оттуда ты с шапкой своей».

Он им в ответ: «Что искать мне в саду —
Здесь я его непременно найду!»

2 января 1911

194. ПАУК И ШЕЛКОПРЯД

В листе заметив шелкопряда вдруг,
Заважничал, расхвастался паук.

И говорит: «Ну до чего ж ты, брат,
Медлителен! Как вяло ткешь ты, брат!»

Вот на меня взгляни: я ловок, скор —
В короткий срок я тку большой узор!

Достаточно лишь взгляда одного,
Чтоб оценил мое ты мастерство!»

Тот выслушал и усмехнулся: «Что ж?
Ты много всяких занавесок ткешь,

Но от твоих изделий проку нет
И, может статься, есть немалый вред!

А я, хотя и не могу, как ты,
Другим служить примером быстроты,

Да только всё сработанное мной
Высокой измеряется ценой:

Красавиц я одел своим трудом
И ждут меня с любовью в каждый дом».

10 января 1911

195

Земля на краткий срок жилищем нам была.
Пусть ни один вопрос не разрешен земной,
Но с каждым годом был всё шире стан врагов —
Затем что жили мы лишь правдою одной!

16 января 1911

196

Если родного народа участь плачевна и зла,
Если рождают горечь думы его и дела,
Если он дик и темен, бедствиям нет числа, —
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!

Если твоим собратьям не писан закон — не беда!
Если безумно и тупо усердие их всегда,
Если ни в ком не увидишь ни чести и ни стыда, —
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!

Если у нас смехотворных выходок хоть отбавляй,
Глупенький, близко к сердцу это не принимай!
Что бы ни вытворяли этот и тот кербелай, —
Ты не горюй, не печалься, это минует, пройдет!

236

Г а м и д

Мамедали, мне, как на грех, давно уже не до утех!
Пилу с киркою я сложил, в надежном месте их укрыл.
Жолера, говорят, у нас. Я испугался и тотчас
Весь дом лекарствами набил, дворец в аптеку превратил!

18 января 1911

198. ЛЮБОВНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МЕМДЕЛИ В ЕВРОПЕ

М е м д е л и

Сжался надо мной, мадмазель!
В сердце страшный зной, мадмазель!
Я еще в Одессе мечтал
О тебе одной, мадмазель!
Скрыть тревоги след я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

М а д м а з е л ь

Убирайся вон, Мемдели!
Весь в крови твой трон, Мемдели!
Не могу я видеть тебя,
Слыша бедных стон, Мемдели!
Потопил Иран ты в крови!
Я грозы тех лет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

М е м д е л и

Я грознее туч был для них!
Как судьба, могуч был для них!
Окруженный славой, богат,
Я как божий луч был для них!
Не забыл Иран обо мне!
Видеть славы свет я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

М а д м а з е л ь

Ты — забытый всеми подлец,
Твой давно растоптан венец!
Современный деспот Немруд,
Где твоим злодействам конец?
Я с тобой, презренный стократ,
Изумлять весь свет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

Мемдели

О, не думай ты, что Иран
Превратился весь в чуждый стан!
Кликну — волки-слуги сейчас
Отвоюют мне Тегеран!
Растерзать народ, будто скот,
Дать на всё ответ я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

Мадмазель

Ты, пожалуй, прав, Мемдели,
Но часы иные пришли!
Не погибла честь! Берегись
Ты сынов иранской земли!
Не свершишь ты подлых затей!
Буйствуй, пустоцвет, — не хочу!
Слушать мерзкий бред не хочу!
Ты судьбой отпет, — не хочу!
Гнить за низким вслед не хочу!
И отстань ты раз навсегда!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

25 января 1911

199. УКРАШЕНИЕ МАТЕРЕЙ

Я украшением зову не жемчуг и не лал,
Не вижу я теперь, чтоб жизнь нам камень украшал.

Так что ж вас, женщины, влечет к бездушным тем
камням?
Будь самым крупным камень тот — для гордых душ он
мал!

Твоим бы украшеньем я, о истинная мать,
Не мертвый камень, а дитя здоровое назвал!

Коль хочешь имя сохранить великое свое,
Мать, воспитай, взлелей дитя — начало всех начал!

Лишь жемчуг знаний украшать достоин нашу жизнь, —
Еще ни разу смерти дух его не побеждал!

25 января 1911

200. ОБРАЩЕНИЕ К ЯЗЫКУ

О воплощенье света и ума,
Цветенье нашей речи и письма!

О снизошедший к нам с небесных круч,
К сокровищнице мудрости ты ключ!

Ты открывал нам тайны всех наук,
Ты был податель благ и верный друг!

Сладкоречивый попугай, каких
Ты был ларцом жемчужин дорогих!

Ты был звездой божественных речей
И в цветнике отчизны соловей!

Ах, отчего ты стал совсем иным?
Ах, отчего ты сделался немым?

О соловей мой, будь самим собой,
В саду души, как прежде, песни пой.

И хоть на миг печали заглуши
Истерзанной, страдающей души!

Бутон, раскройся, час уже пришел:
Мир из конца в конец уже расцвел!

Прорвись сквозь оболочку естества,
Отбрось покров с престола божества!

Ты сам всего живущего творец,
Зерцало мирозданья и венец.

Не забывай же сущности своей
И будь свободен от любых цепей.

В тебе творец вселенной воплотил
Прозренья свет и разум пробудил.

И всё, что в мире есть, — всё есть в тебе,
Свобода, верность, доблесть, честь — в тебе.

Явись — уже слабеет ночи тьма,
Уже свобода близится сама!

Уж все другие обрели ее —
Они одни и обрели ее!

Явись же — современники тебе
Свободу обрели уже в борьбе!

28 января 1911

201. СОН

О Плут, о приятель порочных людей!
«Сон в руку!» — скажи, дорогой, поскорей.

Мне снилось, хочу я тебе рассказать,
Как будто в Баку я вернулся опять.

На дальней окраине где-то живу,
Гуляю по улицам, как наяву.

С тех пор как подлунная наша стоит,
Имели они ужасающий вид.

Теперь же, о радость, нарядны они,
Повсюду фонарные блещут огни.

Бывало, идешь — никого на пути!
Теперь толкотня — невозможно пройти.

Особенно людно у входов в дома.
(Причину узнать любопытно весьма!)

Тут всякие лица — поверишь, не счесть, —
И важного рода и с именем есть.

Стучатся к любому, беседы ведут,
С иными поближе знакомятся тут.

Берут заверенья, дают им денег,
Прощаясь, чувствительно благодарят.

Одним — сократить обнищанье дают,
Другим — без конца обещанья дают.

Мне очень хотелось понять как-нибудь
Той купли-продажи загадочной суть.

Но слишком я был удивлен, потрясен.
Увы, я проснулся. . . О, вещей мой сон!

Мой Плут, ты догадлив и мудр, объясни:
Те улицы, лица — что значат они?

Мудрец, растолкуй ты как следует мне,
Откуда подобное чудо во сне?

Низедар

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Твой сон, Низедар, интересен и нов,
И я объяснить его тут же готов.

То гласные снились, — сомненья гони! —
И улицы так разубрали они.

Собирают они голоса по ночам.
Неглуп — в остальном разберешься и сам!

28 января 1911

202. КУПЕЦ-ПЛУТ

Лавчонка на диво была у купца,
Он сына держал при себе — молодца.

Но куплю-продажу вел странную он:
Любой покупатель им был ущемлен.

В чужие карманы он, правда, не лез,
Но в лавке царили обсчет и обвес.

Наследник, повадку отца переняв,
Был так же со всеми учтив и лукав.

Однажды отец, не сказав ничего,
Ушел и оставил сынка одного.

Чудесная мысль осенила сынка:
«Невредно бы кассу почистить слегка!»

Он — в кассу рукой. Но взглянул за порог
И видит: отец возвратился не в срок!

Тот барсом метнулся к птенцу своему —
Весь мир покачнулся и рухнул во тьму!

Тут в лавку вошел покупатель-старик
И молвил: «Напрасен твой гнев, хоть велик!

Твое это семя плоды принесло,
Твои в нем уловки, твое ремесло».

Являть образец мы должны для ребят,
Они же на нас неотступно глядят,

Не сводят с дурного и с доброго глаз,
Всему обучаются дети у нас.

Будь честен — и в детях возвысится честь,
Будь чист, чтобы в них чистоту перенести!

3 февраля 1911

203

Болезней тяжких сонм расширил сердце мне, —
Я верил, что помочь должна мне в горе печень.
Но злобная судьба с надеждой не в ладу:
Коварная, моя разбухла вскоре печень!

6 февраля 1911

204. ОТСТАВКА АЗРАИЛА

Азраил сказал творцу: «О, услышь меня, творец!
Некий врач в подлунной есть, с ним пришел земле конец.

Посуди: едва сражу одного больного я —
Тысячу здоровых там он лишает бытия.

Если этот врач вот так будет действовать и впредь,
Из твоих рабов никто не сумеет уцелеть.

Разреши мне, о творец, злой души лишить его,
А не то погубит он всех людей до одного!

Коль нижайшей просьбе сей ты не внимлешь в вышине,
То, благой, не откажи ниспослать отставку мне.

Дай любую должность мне — я без слова полечу,
Только Азраилом быть повели сему врачу!»

7 февраля 1911

205

Хотя и горем он безмерным обуян,
Мужчина слез не льет, как слезы лил Иран.

Когда за шахом вслед министры наутек
Помчались впопыхах, забыв про чин и сан,

И вместо хана встал парламент у руля,
Решили мы: ну, вот Ирану снова дан

Разумный ход во всем — народ опять взорлил
У мира на виду, в ряду восточных стран

Достойно обрела иранская земля
Устойчивую жизнь без болей и без ран.

Но факт есть факт: пока мы верили в добро,
Меджлис пошел чудить, как сущий балаган.

Пройдохи и плуты полезли вдруг в вожди,
На совесть и на стыд накиннули аркан.

Парламент приобрел довольно странный вид,
Посмотришь, не поймешь — кофейня иль духан.

Вожди глотают чай, жуют бараний плов,
Сосут вперегонки удушливый кальян.

Голубчики! Мужи! Ведь это же меджлис!
Зачем же в нем плести один сплошной обман!

Хотя б один вопрос сумели вы решить?
Иль праздной болтовни лишь множили дурман?

Нет, милый господин, судить-то ты суди,
Но только не толкуй наивно, как баран.

Конечно, спору нет, луч солнышка блеснул,
На малый, краткий срок развеялся туман,

Народ чуть-чуть успел возвысить голос свой
В защиту бедноты — рабочих и крестьян.

Но это был лишь миг. А где ж они теперь,
Народные права, народной власти план?

А ведаешь ли ты, что наши главари
Ударили сперва в победный барабан,

Но, к делу приступив, заплакали навзрыд —
Кто трезво зарыдал, кто будто в стельку пьян?

Завыли всем гуртом под общий смех слепых,
Готовых дождик слез собирать в казенный чан.

А дело, как мертвец, лежит в глухом углу,
Смердит забытый труп, от грязных мух поган.

Забота о стране, кому она нужна!
Лишь был бы сыт живот да был набит карман!

Увидел хлюст-делец, что круг арены пуст,
И ну торить тропу к влиятельным дверям.

И каждый знатным стал (воздай ему почет!) —
Один, как бек, надут, другой надут, как хан.

А дело что! Оно, как я уже сказал,
Забвеньем поросло, безмолвно, как чурбан.

И некому сказать зарвавшимся дельцам:
«Не видите вы, что ль? Страну покрыл бурьян.

У каждого из вас по титулу на нос,
Но титул не спасет: болван — везде болван.

Не будет званье впрок бездельнику, тебе,
Пускай зовут тебя хоть Сам, хоть Нариман.

Не лодырь, не болтун, а человек труда
Народу будет люб, на праздник чести зван!»

Так кто же и когда в родной твоей стране
Уменьшил горы бед и горя океан?

Лишь фабрика чинов работала стремглав
Да в битву за чины дельцы шли на таран.

Теперь, надеюсь, ты отлично понял, кто
Бесстыдно погубил прекрасный твой Иран?

9 февраля 1911

206. ЛЖИВЫЙ ЧОБАН

Один чобан на помощь звал в горах:
«Ой, волки! Ой! Скорее на яйлаг!»

Сельчане в горы с палками спешат,
Чтоб убереечь овечек и ягнят.

Увидя, как бегут они, скользя
Над пропастью, чобан сказал: «Друзья!

Всё стадо цело, да и сам я цел:
Я лишь над вами пошутить хотел».

Ушли сельчане. А чобан опять
Однажды в полдень стал с горы кричать:

«Спасите! Волки! . . .» И опять с сельчан,
Потехи ради, обманул чобан.

Но вот и впрямь, оскалив хищно пасть,
Решили волки на овец напасть.

И сколько ни кричал, ни звал чобан,
Все думали, что снова ждет обман!

Никто ему не захотел помочь,
И люди молча уходили прочь.

А волки разобрали всех овец. . .
Итак, мой сын! Вот повести конец:

Когда в народе лживым прослывешь,
Тогда и правду все сочтут за ложь.

Не лги вовеки! Ведь родной народ
Лгунов и за сынов не признает!

И не для них любовь его, хвала.
У лживого и дом сгорит дотла!

11 февраля 1911

207

Не тверди ты без конца, что ты знатен и богат,
Слышишь, эй!
Что имеешь в сундуках не один мильон денегат, —
Стыд имей!
Что, почетом окружен, ты благочестив и свят, —
Стой, не смей!
Что гаджи и мешади ты имеешь важный сан,
Всюду зван,
Что еще ты кербелай, что у ног твоих кальян,
А в руках твоих Коран!

Ладно: ты благочестив, набожен и чист во всем,
Стал святым!
Дом до крыши ты набил удивительным добром,
Дорогим!
На меху пальто твое, роскошь, красота кругом!
Как же! Чтим!
Комнаты! Балкон! А двор... Твой просторный, светлый
двор
Тешит взор!
Жирный плов и фисинджан — всё, что сердцу надо, есть!
И шербет, услада — есть!

А кругом зима, буран, беспощадный снегопад —
Всё лютей.
Плач голодных и нагих и, куда ни бросишь взгляд,
Смерть людей.
Ты же всюду шариат прославляешь с давних пор —
О, позор!

247

Знаешь, бедным помогать учит даже шарият
И старинный наш уклад.

Будь же совестлив, святой!
Ветру голову открой
И, проветрив, лицемер,
О религии не пой!

12 февраля 1911

208

Обнищала Европа — не то что Баку!
Что ни день — стало модным крутить юбилей.
Что ж ты дремлешь — в Баку из Ширвана
Очень дешево можно купить юбилей!

скачи:

12 февраля 1911

209. УСЕРДЬЕ

Усердье жизнью наполняет грудь,
А лень к могиле направляет путь.

Усердье встретит радость через край,
А лень приводит к бедам, так и знай.

Усердье украшает сметку, ум,
А лень — причина хвори, мрачных дум.

Усердье укрепляет гордость в нас,
А лень стыдом сжигает всякий раз.

Усердье — целый мир перед тобой!
А лень — пустырь забытый, неживой!

Усердье — человека торжество,
А лень — удел ничтожнейший его!

16 февраля 1911

210. МАЛЕНЬКАЯ СЦЕНКА

Когда весть о конституции в Иране дошла до крестьян, один старик на ниве пал на колени и сказал восторженно:

Хвала аллаху! Он привел
Свободу в глушь несчастных сел!
Не будет мучить, словно зверь,
Нас сельский староста теперь!
Погасла адских мук свеча,
Никто не будет бить с плеча,
Стоять с дубинкой за спиной. . .
Мой край отныне — рай земной!
Надсмотрщик, выродок-наймит,
Презреньем зря не заклеямит,
Помещик, взвешивая кладь,
Не будет больше истязать!

Не успел старик закончить свою речь, как появился фарраш и на глазах семьи связал старику руки, погнал его пешком к помещику, а сам поехал верхом на лошади. Помещик выскочил из дому с плетью в руках, багровый от злости, закричал на хлебопашца:

Ты что же, старый идиот,
Закончил втайне обмолот,
Обил колосья на гумне —
И ни зерна не отдал мне?!
Да ты грабитель, видит бог!
Где мой ячмень? Где мой горох?
Да ты разбойник у межи!
Где фрукты-овощи, скажи?!
А ну-ка, вор, ложись под плеть,
Чтоб неповадно было впредь
Другим таким же — так и знай! —
Зорить хозяйский урожай.

Испуганный, с дрожью в голосе, хлебопашец попытался было объясниться с помещиком, сообщить причину недорода:

Клянусь аллахом, нищий я!
И голодна семья моя. . .
Обид под крышею не счесть —
Ребята плачут, просят есть.
К тому же должен я сказать,

Что нынче божья благодать
Святым дождем не пролилась.
Жара... Не помню отродясь!
Беда, хозяин! Без воды
Сгорели пашни и сады!
Труды погибли... Недород...
Хотя бы крошку хлеба в рот!

Помещик рассвирепел окончательно. Глаза у него
сделались навывкате:

— Эй, кто там! Быстро принесите розги!

Четверо верзил набросились на старика, повалили на
землю, принялись избивать.

Х о з я и н

Бей за ячмень! Бей, не жалей!

Х л е б о п а ш е ц

Ох, мне не выдержать... ей-ей!

Х о з я и н

Бей! Мне считать мешает хмель...

Х л е б о п а ш е ц

Не пощадите неужель?

Х о з я и н

Бей! Масло он украл опять!

Х л е б о п а ш е ц

Корова сдохла... Где ж мне взять!

Х о з я и н

Бей! Развратил его меджлис!

Х л е б о п а ш е ц

Начальство мне сгубило жизнь!

Х о з я и н

Наглец!.. Свободы захотел!

Х л е б о п а ш е ц

Я сроду досыта не ел!

Хозяин

Бей! Чтобы знал меня и чтил!

Хлебопашец

О боже правый! Нету сил...
Будь проклят, мастер злобных дел!

27 февраля 1911

211. ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

Найти покой мечтал во сне,
Но странный сон приснился мне.

Попал я, вижу, в чудный край,
Не в город, нет, а просто в рай!

Вода сладка и воздух чист,
На ветках свеж зеленый лист.

Разлита всюду благодать —
Мне лучше края не сыскать.

Какой мне дар аллахом дан:
Неужто я попал в Ширван?!

Ходил по городу весь день,
И уж длиннее стала тень.

А люди где? Им был бы рад.
Вдруг вижу: толпы, все спешат.

Куда народ — туда и я,
И понесла толпа меня.

Ум светится в глазах у всех,
Не доверять им — просто грех.

Но кто бы мне узнать помог,
Куда стремится сей поток?

Спросил у одного, но ах —
Упрск прочел в его глазах:

«Достойному из всех людей
Спешим мы справить юбилей!»

«Ужель пришли такие дни,
Что чествуете Хагани?!

Иль Зульфикара светлый лик
В народной памяти возник?

А может, — потеплел мой взгляд, —
Ширванцы Гасан-бека чтят?

Он сеял семена добра —
Колосьям зашуметь пора!

А может, вспомнили вы тут
Унсизаде великий труд?

Во славу нации он жил
И вашу славу заслужил!

Ширванцами, быть может, чтим
Учитель мой Сеид-Азим?

А может, здесь Султан Меджид —
Народ на встречу с ним спешит?

Или торопитесь успеть
Вы Махмудбекова узреть?

Иль Махмудбеку за «Рахбар»
Несут любовь и млад и стар?..»

«Заткнись! — кричат со всех сторон. —
Не знаем мы таких имен!

Ни Зульфикара — что за бред?!
Ни Хагани!.. Ах, был поэт?..

Долой, долой!.. Что? Гасан-бек?!
Неужто тоже человек?

Унсизаде? Ислама враг!
Знать не хотим таких писак!

Кто-кто? Сеид! И он — Азим?
С такими знаться не хотим!

О боже, боже — имена! . .
Беда, коль встретишь болтуна!

Габиб, Меджид, какой-то бек, —
Не знал таких имен вовек!

Ах, это те! . . Уста б им жечь
За сатанинскую их речь!

Как смел сказать про юбилей?!
Видать, не знаешь ты людей!

Не каждому такая честь —
У нас мужи такие есть!

Да, мы спешим — спеш и ты
Узреть достойного черты!»

«Но кто он?» — «Это — Шейхзаде!
Такого встретишь не везде! . .»

Я обомлел, сдавило дух:
Ни слова больше — нем и глух!

Куда мы шли — куда пришли! . .
Я вспомнил строки Физули:

«Свой пыл, — сказал себе, — уйми:
С глупцом толкуешь о Руми! . .»

И сон сбежал, лежу я тих,
А в голове кружится стих:

«В кого-то — камень и репей,
Кому-то — славный юбилей!»

9 марта 1911

Ты — закадычный друг купцов, новруз!
 Ты — богачам веселый зов, новруз!
 О праздник нации моей, зачем
 Ты стал страданием бедняков, новруз?

9 марта 1911

213. ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

Залить шербетом глотки молл с далеких дней ты рад,
новруз.
 Твой знатный пир — всегда для тех, кто знатен и богат,
новруз,

Веселый, всех ты веселишь, но почему лишь бедняки
 Смущенно опускают взгляд в кругу своих ребят, новруз?

9 марта 1911

214

Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав
 С душой Отелло о себе, заклокотала, как гроза,
 И, плюнув молнией, она вскричала: «Что за перевод!»
 А ты зажмурился: видать, плевков попал тебе в глаза!

9 марта 1911

215

Я жажду смерти, а она всё убегает от меня!
 Ах, даже смерти злой каприз переносить обязан я!

Март, 1911

216

Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь.
 Предстать пред судьей всевышним я готов.
 Иду не без даров, нет, руки не пусты:
 О, руки у меня полны моих грехов!

Март, 1911

217. НОВРУЗ

Хвала аллаху, вот опять счастливый день у нас:
 Пришел новруз — и старше мы на целый год сейчас,

Хоть средь других народов нам и мало лет сейчас,
Зато два Новых года есть в одном году у нас:

Ты с детства отмечал новруз и магеррам, старик.
С одним — прекрасно, а с другим — печально нам,
старик!

Мы издавна в одном году два года признаем:

В одном — всего одна луна, одиннадцать — в другом.
Мы долгий этот год в слезах проводим день за днем.
А краткий год придет — кишмиш мы, чмокая, жуем.

Нам этот праздник почитать велит ислам, старик.
От Зороастра перешел он к нашим дням, старик.

Новруз — и мы поем, орем, и каждый разодет,
Сойдемся душ по пятьдесят — и по гостям чуть свет!
Мы, в дом любой влетев гурьбой и прошумев привет,
Пьем чай с конфетами, едим — нам вовсе дела нет,

Что вся хозяйская казна равна грошам, старик.
Сбычай — влезть под праздник в долг, ты знаешь
сам, старик.

Когда арабы нашу рать разбили в оны дни,
От нашей древней веры прах оставили они.

И мы обычаев не чтим, что чтили искони,
Лишь этот благодатный день поныне нам сродни.

А это очень нужно нам, так нужно нам, старик.
Но разве мало зла чинил нам твой байрам, старик?

Но в этом празднике у нас и недостаток есть!

.....
Март, 1911

218. У ТЕБЯ

Да, тысячи влюбленных есть и в самом деле у тебя!
О, неужели столько душ в прекрасном теле у тебя?

В Лейли один влюблен был Гейс, в тебе же — тысячи
Лейли,
И вот кого-то ищешь вновь — кровь не в огне ли
у тебя?

Ты слово молвила одно — и вырвал сердце я свое!
Возлюбленная, что ж еще? Какие цели у тебя?

Я думал, что легко любить, но опозорился теперь:
Чего бояться мне, когда позор мой видят все края?

С тех пор как шею я обвил петлей из кос твоих тугих,
Я — чародей: плениться мной могла б Зохакова змея.

Когда б надеялся еще я на свидание с тобой,
Я все б стихии утопил в потоках слез, краса моя!

Не трогай гребнем ты волос, больного сердца
не тревожь:
Ведь зубья гребня твоего для сердца — словно острия!

Сабир, избранница твоя оставила на прахе след.
Хоть ты не ангел, поклонись ты праху, счастья не тая.

221

Когда не кудри — душу мне захочет растрепать твой
взгляд,
Замучь меня, чтоб я ослеп, чтоб не дышал, бедой объят!

Хочу в страданиях изойти, истерзанным на землю пасть
И умереть от мук любви, да, умереть я буду рад!

О пери, ты не позволяй врагу бывать в твоём доме,
Чтоб злобный дух не превратил обитель Сулеймана в ад!

На щеки жаркие твои, как змеи, локоны легли —
Не волшебство ли, что в огне живые змеи не горят?

Мне говорят, что задалась ты целью умертвить мсня, —
О боже, сделай, чтобы всё случилось так, как говорят!

Любовь, любовь — моя болезнь! Ты слышишь, врач,
оставь мсня!
Придумай, чтобы от нее все средства были невпопад!

В мечтах о встрече, мой Сабир, перенеси разлуки боль —
Терпеньем пленники любви каких невзгод не победят?

222. НЕ РАСПОЗНАЛ

О сердце, как бы тайн твоих чужой глазок
не распознал!
В кудрях у пери спрячься так, чтоб гребешок
не распознал!

Ты хочешь родинки зерно, пичужка глупая, добыть, —
Ах, поскорее улети, чтоб стебелек не распознал!

Пусть ножки, милая, твои — за них я жизнь готов
отдать! —
Потише ходят, чтоб сосед — спаси пророк! —
не распознал.

Чтоб ревность не сожгла меня, не открывай своей
красы,
Не покажи лица свече, чтоб мотылек не распознал!

Я счастлив, сердце, лишь на миг с возлюбленной
наедине:
Утишь биенье, чтобы враг не подстерег, не распознал!

Холодный ветер, не коснись ее кудрей, чтоб никогда
Я сердцем страждущим своим, как ты жесток, —
не распознал!

Каабу капищем сочтя, ваиз любовь мою хулит,
Но как проведаль он о ней, Сабир в свой срок
не распознал!

223

Ты у царицы красоты, о милая, венец золотой,
Благословенья твоего ждут чаровницы чередой.

Как свод небесный — бровь твоя, как полночь — локоны
твоя,
И на седьмое небо ты взошла своею красотой.

Вот кудри черные твои прикрыли милое лицо:
Арабы вышли из пустынь, не пропускают в храм святой!

Лишь тот паломник стал гаджи, кто черный камень
целовал:
Дай родинку поцеловать твою, о месяц молодой!

Стрелой косога взгляда ты пронзаешь метко грудь мою —
Кто наделил тебя, скажи, такой охотничьей чертой?

Так у порога твоего и день и ночь поет Сабир:
Пути иного не нашел! О, не гони его, стой!

ПРИМЕЧАНИЯ

После смерти Сабира не осталось почти никаких его рукописей, и его обширное творческое наследие извлечено из публикаций в различных периодических изданиях. Большинство произведений были помещены в сатирическом еженедельнике «Молла Насреддин» под многочисленными псевдонимами: Хопхоп (Удод), М. М., Молла Насреддин, Габагда Гедан Зенджирли (Впереди идущий, закованный в цепи), Дин дирейи (Столп религии), Фазил (Совершенный), Орумчек (Паук), Чайда гачан (Скачущий по реке), Бойнуйогун (Толстошепый), Бойнубуруг (Человек с согнутой шеей), Гардашоглу (Племянник), Годжа-ами (Старый дядя), Годжа-иранлы (Старый иранец), Иран-гурду (Иранский волк), Тукезбан-джиджи (Тетушка Тукезбан), Молла Джибиштангулу (букв.: «Молла — раб кармана», от жаргонного слова «джибиштан» — «карман»), Бир Алим (Один ученый), Гарын-чулу (Раб брюха), Абунаср Шейбани, Мастали-шах Гяргуджи, Сирота Мемдели, Обашданчи (Спозаранник), Гюлеен (Смешливый), Аглар Гюлеен (Смеющийся сквозь слезы), Гезу Юхулу (Сонноглазый), Етим гызджыгаз (Девочка-сиротка), Ярыкнюл (Колелеблущийся), Ярамаз (Негодник), Меслехетчи (Советчик), Багбан (Садовник), Диндар (Верующий), Физул (Настырный) и др.

Укажем еще несколько изданий, в которых печатался Сабир под разными псевдонимами или без подписи: газета «Хаят» («Жизнь») — М. А. С., М. Сабир, М. Мохтемил (Терпеливый); журнал «Фиюзат» («Благо») — А. Сабир Таирзаде Ширвани; газета «Таза хаят» («Новая жизнь») — Али Сабир Таирзаде Ширвани; журнал «Бахлул»; сб. «Национальные песни» — Сабир (Терпеливый); журнал «Зенбур» («Овод») — Годжабек (Старый бек), Джингоз-бек (Джиннов бек), Патылты (Грохот); газета «Седа» («Голос») — А. Сабир Таирзаде; газета «Хагигат» («Истина») — С., А. С., А. Сабир Таирзаде; газета «Гюнеш» («Солнце») — А. С., А. Сабир; юмористический еженедельник «Паландуз» — Низедар (Копьеносец); журнал «Ени Фиюзат» («Новое благо») — А. Сабир; журнал «Мектеб» («Школа») — А. Сабир; газета «Ени Хагигат» («Новая истина») — А. С.; газета «Мелумат» («Вести») — А. Сабир; журнал «Дебистан» («Начальная школа»); газета «Иршад» («Путеводитель») — Мират (Зеркало), Кемсавад (Полуграмотный), А. С. Т.-заде и др. Среди многочисленных псевдонимов поэта самыми известными стали Хопхоп (Удод) и Сабир (Терпеливый). Уже через год после смерти поэта, в 1912 г., на средства почитателей таланта покойного был издан в Баку первый сборник его стихов. Инициаторами издания были друзья поэта — видный азербайджанский поэт Аббас Сихат (1874—1918) и известный педагог-просветитель М. Махмудбеков (1862—1923). Сборник назывался «Хопхопнаме» («Книга Удода»). В книгу вошли главным образом стихи, публиковавшиеся в 1906—1911 гг. на страницах еженедельного азербайджанского демократического журнала

«Молла Насреддин» (Тифлис), издателем и редактором которого был классик азербайджанской литературы Джалил Мамедкулизаде (1866—1932). Сборнику была предпослана вступительная статья Аббаса Сихата «Биография Сабира», в которой даны были также тексты ранее не публиковавшихся юношеских стихотворений поэта. В 1914 г. в Баку было осуществлено второе, дополненное издание «Хопхопнаме». На сей раз в сборник были включены и стихи, опубликовавшиеся на страницах других периодических изданий — газет и журналов «Иршад», «Бахлул», «Зенбур», «Хагигат», «Гюнеш» и др. Книга была иллюстрирована народным художником Азербайджана Азимом Азимзаде. В первые же советские годы был осуществлен ряд первоочередных мер по увековечению памяти Сабира, в частности создана комиссия по подготовке к изданию полного собрания сочинений поэта. В 1923 г. вышло третье, расширенное издание «Хопхопнаме» (составитель — А. Джафарзаде). Здесь, наряду со стихами, были помещены письма Сабира и воспоминания о нем. Работа по собианию и публикации произведений поэта продолжалась, и в 1929-м, а затем в 1934 г. были осуществлены четвертое и пятое издания Сабира. В 1948 г. был выпущен наиболее полный однотомник Сабира (составитель — Г. Самедзаде), куда были включены помимо вновь обнаруженных стихотворений статьи, фельетоны и поэтические переводы Сабира. Издание было снабжено также подробными комментариями. К столетию со дня рождения Сабира, широко отмечавшемуся в 1962 г. в Советском Союзе, выпущено академическое собрание сочинений поэта в трех томах — «Хопхопнаме». Первые два тома вышли к юбилею, в 1962 г., а третий — в 1965 г. (составитель — М. Мамедов, редакционная коллегия — Мир Джалал, А. Мирахмедов, К. Талыбзаде). В первые два тома были включены сатиры 1906—1911 гг., в третий — ранние произведения, лирика, газели, детские стихи, переводы, фельетоны, статьи, письма. Издание снабжено подробными комментариями, указателем имен, в том числе и псевдонимов.

Знакомство русского читателя с произведениями Сабира началось в 30-е годы. Первые переводы произведений поэта были приурочены к 25-летию со дня смерти Сабира. В течение 1936 г. в журнале «Литературный Азербайджан» и газете «Бакинский рабочий» вышло тринадцать стихотворений Сабира в переводе Г. Крейтана, Б. Серебрякова, В. Байромяна, Г. Строганова. В газете «Бакинский рабочий» отмечалось: «Впервые, благодаря появившимся переводам, с творчеством Сабира смогли ознакомиться широкие слои читателей, не владеющих азербайджанским языком» («Беликий сатирик Азербайджана». — «Бакинский рабочий», 1936, 28 декабря). В те же годы к наследию азербайджанского поэта обращаются П. Антокольский и М. Светлов, а также П. Панченко, который начиная с 1937 г. всецело посвящает себя переводу произведений Сабира. Издаются «Антирелигиозные стихи» Сабира в переводе П. Панченко (Баку, 1938); стихи Сабира включаются в первую «Антологию азербайджанской поэзии» под редакцией В. Луговского и Самеда Вургуну (М., 1939). В 1945 г., к 25-летию Советского Азербайджана, в Баку были выпущены впервые на русском языке «Избранные сочинения». Издаются сборники стихов Сабира: «Дни весны» (Баку, 1946), «Стихотворения» (Баку, 1949). Наиболее полным на русском языке изданием явился однотомник Сабира «Сатиры и лирика» (1950, «Б-ка поэта» (Б. с.), в переводе П. Панчен-

ко, под редакцией Н. Брауна и А. Шарифа; вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Шарифа). Далее последовало издание, почти повторившее предыдущее: «Сатиры и лирика» (М., 1954, под редакцией Н. К. Чуковского, вступительная статья и примечания А. Шарифа), в котором переводы П. Панченко были вновь переработаны. Новым этапом в переводе Сабира на русский язык явились 60-е гг. К столетию со дня рождения Сабира издаются «Избранные сатиры» (М., 1962). Новый отряд переводчиков обращается к поэзии Сабира: Л. Пеньковский, Ю. Нейман, Т. Стрешнева, Д. Самойлов, Ю. Гордиенко и др. В конце 60-х гг. творчеством Сабира заинтересовался поэт-сатирик Сергей Васильев. Переводы Васильева стали появляться в ряде всевозможных и республиканских журналов и газет, составили отдельную книжку (Сабир, Сатира, М., 1969), вошли в двухтомник Избранных произведений С. Васильева (т. 2, М., 1970) и в сборник «Поэты Азербайджана» («Б-ка поэта» (М. с.), 1970). «Не игнорируя и не умаляя всего того, что было сделано моими предшественниками-переводчиками, — писал С. Васильев, — я все же нахожу, что большинство до сей поры опубликованных на русском языке стихотворений Сабира нуждается в новом, более остром и смелом интерпретировании» («Сергей Васильев переводит Сабира». — «Вышка», 1968, 10 октября). «Меня, да и не только меня, а многих москвичей, особенно знатоков перевода, таких, например, как Павел Антокольский, — отмечал С. Михалков, представляя читателям новые переводы С. Васильева, — радует, что за перевод стихов Сабира взялся именно Сергей Васильев, поэт, отлично сочетающий в себе лирика и сатирика... Это прекрасно, что остроумное перо С. Васильева встретилось с лукавой мудростью Сабира» (С. Михалков, Второе рождение поэта. — «Литературная газета», 1968, 18 декабря).

Сабировский стих чрезвычайно сложен для перевода на русский язык. Основанный на музыкально ритмизованном, стилистически окрашенном чередовании долгих и кратких слогов, певучий и мелодичный в оригинале, он кажется несколько громоздким с точки зрения русского стихосложения. Имеющиеся переводы можно условно разделить на три типа: точно следующие принципу рифмовки и соблюдающие количество слогов оригинала (например, переводы П. Панченко), «вольные» переводы (главным образом, С. Васильева) и, наконец, те, которые стремятся к точной передаче как духа, так и буквы оригинала. Идеал, к которому мы приближаемся с каждым новым этапом переводческого освоения наследия Сабира, представляется в идейно-эмоциональной адекватности духу оригинала и реализован в лучших переводах данного сборника.

Настоящее издание охватывает почти все поэтическое наследие Сабира, опубликованное в переводах на русский язык в вышеназванных сборниках, а также содержит ряд новых переводов.

При подготовке использованы материалы трехтомного собрания сочинений Сабира «Хопхопнаме» (Баку, 1962—1965), сборника «Современники о Сабире» (на азерб. яз., Баку, 1962, составитель А. Заманов), а также однотомников, выпущенных в «Б-ке поэта» в 1950 г. и в Москве в 1954 г. Учтены работы А. Мирахмедова «Поэт, призванный революцией. Жизнь и творчество М. А. Сабира» (на русск. яз., Баку, 1964), Р. Магеррамовой «Лексика сатирических стихов Сабира» (на азерб. яз., Баку, 1968), А. Заманова «Сабир и его со-

временники» (на азерб. яз. Баку, 1973), Азиза Шарифа «Воспоминания о прошлых днях» (раздел «Сабир в Тифлисе», на азерб. яз., Баку, 1977), Г. Д. Султановой «Поэзия Сабера в русских переводах» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Баку, 1974) и др. При этом сведения, приводимые в перечисленных изданиях, подверглись тщательной проверке; обнаружены и устранены ошибочные и неточные данные, касающиеся источников, комментария, датировки текстов, переводов и т. д. Так, в издании «Б-ки поэта» 1950 указано, что стих. «К тайне жизни ключа я найти не могу...» (№ 57) впервые опубликовано в журнале «Молла Насреддин», на самом же деле первая публикация состоялась в журнале «Бахлул», 1907, № 6. В том же издании ошибочно датированы 1910 г. стих. «З школу», «Мальчик и лед», «Дни весны» (№ 64, 65, 66), первые публикации которых соотсылись в сб. «Национальные песни», Баку, 1907 (№ 65) и учебнике родной речи «Первый год», 1907 (№№ 64, 66), и «Сон» (№ 201), опубликованный в еженедельном приложении «Паландуз» к газете «Ени Хагигат» от 28 января 1911; неточно указан номер журнала «Молла Насреддин», где впервые напечатано стих. «Тебе во благо» (№ 118); ошибочно указан журнал «Мектеб» («Школа»), 1913, № 1 как место первой публикации стихотворения «Владелец буйволицы и наводнение» (№ 191) — на самом деле ей предшествовала публикация в газете «Гюнеш» 26 декабря 1910. В отличие от всех предыдущих изданий произведения поэта расположены в строго хронологическом порядке, что дает возможность показать как идейно-тематическое и жанровое разнообразие наследия Сабера, так и эволюцию его творческого пути. Часть стихотворений, даты которых не удалось установить, расположены в конце текста. Большинство стихотворений не было озаглавлено автором. Произведения, не имевшие авторских заглавий, иногда называются, как это принято в практике азербайджанского стихотворчества, или по первой строке стихотворения, или же по редифу — слову или группе слов, повторяющихся в конце каждого двустушия или строфы.

В примечаниях сообщаются краткие сведения историко-литературного и биографического характера, приводятся варианты заглавий, под которыми печаталось то или иное стихотворение. В связи с тем, что многие стихи Сабера, публиковавшиеся в журнале «Молла Насреддин», являлись органической частью прозаических фельетонов, как бы поэтическим их развитием, и могут быть поняты и осмыслены лишь в контексте, в примечаниях цитируются в сокращении и эти фельетоны. Пояснения отдельных слов, имен и названий, относящихся к культуре, быту, истории и мифологии Азербайджана, даны в Словаре. Написание их приближено к нормам азербайджанского произношения в период творчества Сабера. Слова, выделенные разрядкой, поясняются в соответствующих местах Словаря.

1. Написано в юношеские годы и впервые опубликовано во вступительной статье видного азербайджанского поэта Аббаса Сихата к первому изданию «Хопхопнаме» (1912). Рассказывая об истории его написания, Сихат пишет. «Он не проявлял склонности к сочинению касид, восхваляющих знатных людей, и сказал однажды одописцу: „Я не обладаю умением источать лживую лесть за деньги, но зато могу показать искусство в написании правдивых

сатир. Вот, послушай!" Сабир прочел ему: „Стих — это жемчуг драгоценный...“».

2. В ряде изданий печаталось под загл. «Интернационал». Написано в связи с армяно-азербайджанскими столкновениями, спровоцированными царизмом на Кавказе в 1905 г., и напечатано в газете «Хаят» с письмом Сабир, в котором поэт откликнулся на призыв к сотрудничеству, прозвучавший в газете по случаю начала ее деятельности. Редакция дала к стихотворению следующее примечание: «В связи с тем, что в вашем стихотворении имелись некоторые слова и обороты, противоречащие тюркскому языку, и некоторые строки, не соответствующие правилам аруза, а также множество ритмических срывов, мы сочли необходимым внести поправки». Рукопись оригинала не сохранилась. Зная о бунтарской направленности поэзии Сабир в годы первой русской революции 1905 г., можно предположить, что правка носила не только стилистический, но и идейный характер, притупляя политическую остроту стихотворения.

4. Джалил Мамедкулизаде в своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Десятилетие библиотеки Сабир» (Баку, 1929), оспаривает принадлежность этой сатиры Сабир, не называя, однако, ее подлинного автора. Последующие изыскания доказали принадлежность сатиры Сабир. Является заключительной частью фельетона Джалила Мамедкулизаде «За что вы меня бьете?», в котором говорилось: «О моллы, за что вы меня бьете? Или вы боитесь меня? Боитесь, что я пойду к народу и шепну ему на ухо несколько слов, расскажу кое о чем? Или вы боитесь, что слуги будут разжигать самовар страницами моего журнала, а дети будут забавляться картинками из него, и люди в конце концов узнают кое-что?.. Может быть, вы понимаете, что одной страной не могут править два царя, в одну эпоху не могут жить два моллы: Молла Хасреддин и Молла Насреддин?.. Вы, моллы, говорите: „Пусть грабят мой родной народ — что мне за дело?..“ и т. д.

5. Печаталось под загл. «Горемычный». Является частью фельетона Мамедкулизаде «Почему я убежал из школы», в котором говорится: «Мало ли людей убежало из школы? Не берусь судить, как у других народов, но знаю: на земле нет ни одного мусульманина, который не убежал бы с уроков. Мы уже говорили: кто убежит с уроков, тот будет ученым. Да, единственная причина тому, что все мусульмане становятся учеными, — их бегство с уроков. В общем, кто не убежит с уроков, тот не мусульманин. У каждого своя причина бегства... Как-то пришел я к покойному отцу и говорю: «Пусти меня в школу!» Он согласился, но при условии, что прежде сходит к молле Исманлу, чтоб узнать, что по этому поводу говорят священные книги... Не успел отец спросить, как покойный молла Исманл раскрыл свою тетрадку и прочитал отцу вот эти стихи: „В тот день, когда аллах тебе дарует сына...“ и т. д. *Не вызывай врача, не оскверняй малютку. До революции врачей-азербайджанцев насчитывались единицы и потому, как правило, приглашали врача-немусульманина — «гяура», что считалось «грехом».*

6. Пародия на известную газель Хафиза (ок. 1325—1389 или 1390), начинающуюся следующим бейтом:

Еще вернется твой Юсиф под сень Канана, не грусти!
И скорбный дом твой обретет вид гулистана, не грусти!

(Перевод П. Панченко)

Публикация в журнале «Молла Насреддин» сопровождалась иллюстрацией: на фоне текста сатиры стоит погруженный в думу крестьянин с палкой в руках, на него печально смотрит Молла Насреддин.

7. Печаталось под загл. «Я не пойму». Заключает фельетон Мамедкулизаде «Почему я убежал из школы» (см. примеч. 5). Перед данной сатирой идет следующий прозаический отрывок из фельетона: «Словом, стал я ходить в школу. Честно говоря, большая была у меня охота к учению. Возвращаясь из школы, я обкладывался книгами и готовил уроки. Мое рвение досадило отцу, и он два раза сказал мне: «Не изводи себя. Далось тебе это учение!» Будто не слыша отца, продолжал заниматься. В один из дней я, как обычно, сидел за книгами. Вдруг вижу — отец идет к матери и говорит ей стихами вот эти слова: „Ну что хорошего нашел мой сын в ученье? ..“ и т. д.

8. Печаталось под загл. «Жалоба на старость» и «Жаль, поставил я!».

9. В журнале «Молла Насреддин» сопровождалось иллюстрацией художника Роттера: мимо фабричных ворот, на которых висит огромный замок, бегут рабочие, а за ними скачут конные жандармы с поднятыми плетями.

10. В журнале «Молла Насреддин» сатире предпослана редакционная информация «Признаки прогресса», в которой написано: «18-го числа прошлого месяца — раби-уль-эввель — в добрый час среди кавказских мусульман свершилось два благодетельных дела, одно в Кюрдмире, другое в Тифлисе. Кюрдмирские мусульмане вручили властям следующую благодарственную бумагу: «Мы, кюрдмирские мусульмане, довольны, что у нас наконец-то открыт пятый духан — разве достаточно было нам четырех? (...) Дата и подписи сорока четырех мусульман». А слезное прошение тифлиских мусульман следующего содержания: «Ах, минувшие дни!.. Нет, ист, вас, увы, не вернуть! (...) Где, где те дни, когда в нашей прекрасной округе на Сумбатовской улице блистали, радуя глаз, публичные дома!.. Оживление, фазтоны, жизнь бурлила и кипела!.. Куда там Лондон, побоку его, разве сравнится с нашим благолепием? Но вот объявился какой-то, — будь проклят! — наших неженков, наших красотошек, наших — пальчики оближешь! — сердешных со всеми их прелестями переселил от нас!.. Очень большая просьба у нас, мусульман: верните нам на нашу улицу эти публичные дома!.. Дата и подписи шестидесяти мусульман». От редакции: Ах!.. ах!.. вай!.. вай!.. О мусульмане, подписавшие эти письма! „Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом. ..“ и т. д.

11. В журнале «Молла Насреддин» сатире предпослан фельетон Джалила Мамедкулизаде «Голощاپова отозвали», в котором говорится о генерал-майоре Голощاپове, направленном в начале 1906 г. в Азербайджан для подавления крестьянских волнений: «По

телеграмме, присланной из Шуши, читатели могут узнать, что Голошапов отозван оттуда... А было так. Когда муфтий и шейхуль-ислам, сев в фаэтон, отправились жаловаться к сардару-наместнику, я тщетно пытался уговорить их. Куда там!.. «Как? — возмутился муфтий. — Чтоб наших мусульман в Шуше резали, а мы — молчать?! Есть ли в тебе честь?!» {...} А я тем временем влез на стенку и через окошко в кабинет к наместнику гляжу. «Ай, молла, — увидев меня, стыдит шейх, — ради аллаха, сойди, увидит наместник, неудобно!» А я ему пальцем: «Можно вас, господин шейх, я кое-что скажу!» — «Что?» — спрашивает. А я ему шепотом: „Судьбы коварство испытал наш край...“ и т. д. *Как вздернут пятки кверху* — намек на широко распространенный вид наказания фалакка.

12. Печаталось под загл. «Спи — прозябай!».

13. Автор пародирует газель Физули из поэмы «Лейли и Меджнун», используя рифмовку поэмы.

15. Печаталось под загл. «Горе моллы», «Подражание Физули». В сатире перефразированы строки из любовной газели Физули:

Я вздохнул от счастья видеть прелесть стана твоего,
Плачу кровью: роза рта мне так желанна твоего.

(Перевод П. Панченко)

На первой странице журнала «Молла Насреддин» была помещена иллюстрация художника О. И. Шмерлинга: в тени большого ветвистого дерева сидит на ковре молла в огромной чалме и курит кальян; перед ним, почтительно склонившись, стоит босой крестьянин. Под иллюстрацией приведены первые два двустишия сатиры, напечатанной целиком на следующей странице. Иллюстрацию сопровождает следующий диалог: «„Господин ахунд, сегодня под забором скончался бездомный с того берега, не можем найти моллу, чтобы предать покойного земле. Ради аллаха, примите на себя этот труд“. — „Иди, пощи другого, я тебе не какой-нибудь приходский молла“».

16. После опубликования фельетона Джалила Мамедкулизаде «Почему я убежал из школы», в котором, составляя его органическую часть, были даны и два стихотворения Сабира (см. примеч. 5, 7), бакинская газета «Хаят» выступила 25 августа 1906 г. в разделе «Юмор» с отповедью «Молла Насреддину» „Ответ дедушке Молла Насреддину, или, вернее, Хопхопу, за подписью „Гопгоп“». Автор фельетона в газете «Хаят» упрекал журнал в непочтении к высокопоставленным особам из правительственных кругов и из среды духовенства; далее автор рассказывал, как началось его собственное учение: отец взял его к молле Самеду и тот, принеся книгу, прочитал, записывая, стихи, призывающие к просвещению:

Ты в школу мальчика отдай, пускай растет сыночек твой,
Там сердце мягкое, как воск, приобретет сыночек твой.

(Перевод П. Панченко)

Новой сатире Сабира в журнале «Молла Насреддин» был предослан фельетон «Ответ Гопгопу из газеты „Хаят“, в котором го-

порилось: «...Обида у меня на моллу Гопгопа; он стыдит меня за побег с уроков — мол, недоучка я; да еще о молле Самеде пишет, который, записывая и пыхтя, прочитал о пользе просвещения... Ну я — недоучка, но ты-то, молла Гопгоп, учен! Неужто тебе в башку не втемяшит, что молла Самед должен был ради личной выгоды прочитать именно такие стихи, чтобы получить мзду за учение и — себе в карман! Будь молла Самед бескорыстным моллой, он бы прочитал не те стихи, а стихи вроде вот этих; когда я убежал из школы, отец силой потащил меня туда; я сопротивлялся, обливаясь слезами, и вдруг — навстречу старик с седой бородой, в высокой папахе и шерстяном кушаке; может, это ангел был? (...) Увидев меня плачущим, он вытер мне слезы полой своей длинной одежды и, расспросив о причине моего горя, обратился к моему отцу со следующими стихами, их бы и прочитать молле Самеду: „Этот мальчик — свет очей, радость сердца и покой...“ и т. д.

18. Печаталось под загл. «По случаю закрытия газеты „Хаят“».

19. Печаталось под загл. «Бакинским пехлеванам».

20. В журнале «Молла Насреддин» сатире предпослан приписываемый Сабиру короткий фельетон «Как же мне быть, Молла-ами?!»: «Клянусь аллахом, ну как тут не подивиться? Все пошло шиворот-навыворот в этом бренном мире! И впрямь изменилось, ну ей-богу, я ведь не слепой, вижу! Да и не я один — всяк, кто зрячий. Да что там толковать? И убеждения изменились, и еда не та, и одежды какие-то диковинные, и питье, и говорят как-то не так, и походки другие, то ли ходит, то ли петляет, ну все-все иначе! Как вспомнишь былое, так видишь, что и дерутся теперь как-то по-другому! Впрямь голову приложить поэту некуда — уж лучше камень себе на макушку! И разве пристало поэту, коль все пошло вкривь и вкось, старые рифмы вспоминать? И рифму надо менять, чего уж там? Так что стал я ломать да пыхтеть над ломкой, и так, и эдак рифму ломаю, и кое-что, какжется, удалось. Да убережет аллах от этой страсти!.. И ты скажи, чего молчишь: о боже, упаси! А теперь послушай, что я еще молвить хочу: „Имелся старинный обычай у нас...“ и т. д.

21. Печаталось под загл. «Тяжек гнет мужей».

23. Печаталось под загл. «Стихи» и «Эй-вай!». Впоследствии журнал «Молла Насреддин» (1907, № 17) отозвался на изгнание Гаджи-Мирзы Гасана новой сатирой Сабра и карикатурой: Гаджи восседает на ишаке, а тебризские граждане, улюлюкая и угрожая ему палками, изгоняют из города. Под карикатурой надпись: «Гаджи-Мирзу Гасан-ами выпровождают из Тавриза».

24. В журнале «Молла Насреддин» сатире предпослан фельетон «Толстопузые», принадлежащий перу Джалила Мамедкулизаде, в котором говорилось: «„А что, если, — думали мы, — путем рассылки разных календарей и книжечек увеличить число подписчиков нашего журнала?!“ Думали, а шайтан окаянный, чтоб провалиться ему, свое черное дело замышляет, стоит над душой, нашептывает нам, подстрекатель: „А вы в журнале своем возьмите и напишите знаете о чем? В Тавризе наследный принц собирает верноподдан-

ную шайку головорезов, посылает их по деревням и городам Ирана грабить народ, а добычу потом они делят между собой, при этом, как вы понимаете, львиную долю принц забирает себе! " А мы возьми да опубликуй эту шайтанью весть! Журнал выходит, и наследный принц Мамедали-мирза, прочтя нашу заметку, приказывает закрыть журналу дорогу в Иран, сжечь на границе все экземпляры... Слава аллаху, наши ученые мужи в полном уме и здравии. А что касается бедных там пахарей или рабочих — о них позаботится сам господь, это не наша, смертных, забота. Аллах создал — аллаху и думать, ломать голову о тварях, им самим созданных!.. Помню, в деревне Данабаш (Телячьеголовой), молла Садык, часто выговаривал: «Уж если толковать о нациях, то единственная стоящая нация на земле — мы, мусульмане, наша нация! А все другие нации вроде, ну как это яснее выразиться, вроде животных! Да, да, истинно так!» — «Откуда вам это известно?» — спрашивал я моллу Садыка. «Откуда! — удивлялся он моему неразумению. — А это в книге «Умдадул-эфкар» написано». — Иди, мол, ищи-свищи такую книгу «Начало мыслей». Что ж, молле Садыку лучше знать. Но наш Хопхоп мыслит чуток иначе. Хопхоп говорит: „Будь щедрым, что скупиться? Но бедным — ни гроша!..“ и т. д.

26. Печаталось под загл. «Нескончаемое море» (по арабскому названию формы стиха: нескончаемый ряд внутренне спаянных рифмой слов). *Парфюмерная лавчонка*. На Востоке в подобных лавках торговали обычно как пряностями, острыми специями, ароматическими снадобьями, так и аптекарскими товарами.

27. Печаталось под загл. «Не буду кукарекать».

28. Печаталось под загл. «Нескончаемое море» (см. примеч. 26).

29. В журнале «Молла Насреддин» сатире предпослан фельетон Джалила Мамедкулизаде «Амшари», в котором говорится: «Тридцать амшари жалуются мне из Баку, что их не пустили в мечеть на панихиду по усопшем шахе (речь идет о Музаффараддиншахе, умершем 25 декабря 1906 г. — *Ред.*)... Эй, амшари, эй, приславшие мне письмо все тридцать амшари! Навострите уши и послушайте теперь, что я вам скажу. А я, оказывается, и не предполагал раньше, кто такие эти амшари. Я, конечно, знал, что амшари — это рабочий, амбал — носильщик, колодезник, землекоп, жнец, слуга, водонос, человек, который разжигает кальян, истопник в бане... Мне казалось, что амшари — это нечто вроде мухи, прах под ногами, колючка какая, но я никак не предполагал, что амшари — тоже человек (...). Эй, пославшие мне письмо амшари! Навострите уши и послушайте, что я вам скажу. Если вы хотите, чтобы и вас почитали за людей и впускали в мечеть, вам надлежит усвоить кое-какие мои советы. Первым делом, о несчастные и сырые амшари из разоренного и падшего края, все мы непременно и немедленно должны крепко ухватиться друг за друга! Как? А вот так: хватается Мухаммедвели за руку Гасана, Гасан — Кербелай-Касума, Кербелай-Касум — Уста-Джафара, а этот, в свой черед, — за руку Мешади-Ахверди, и так далее: словом, все до единого амшари должны взяться за руки, а это значит — объединиться!.. Одно еще слово к вам у меня осталось. Боюсь я, что вы понадеетесь на всякие там свободы в Иране и снова погрузитесь в глубокий сон. Не надо об-

манываться, тешить себя всякими иллюзиями. Лучше послушайте, что говорит об этой самой свободе наш Хопхоп: „Мне горечь рот свела, хочу вкусить твоих щедрот, свобода!..“» и т. д.

30. Печаталось под загл. «О, страсть!».

33. Печаталось под загл. «Люди». Пародия на стих. «Изумление, или Обращение ангела к людям», опубликованное в журнале «Фиюзат» («Благо»), 1906, № 1, за подписью «Безумный поэт»; стих. начиналось словами: «С небес изумленный ангел глядит, воскликая: „Люди! О люди!“» Ангел упрекал людей в кровопролитиях и насилиях. Сабир сохранил размер, рифмы, отдельные поэтические фигуры оригинала, пронизав свое произведение острой критикой насилия, невежества и фанатизма.

34. Печаталось под загл. «Подражание Намик Кемалю». Сохраняя строфику, ритм, принцип рифмовки и даже отдельные рифмы оригинала. Сабир в своей сатире перефразирует стихи выдающегося турецкого поэта и общественного деятеля Намика Кемалю (1840—1888), опубликованные в журнале «Фиюзат», 1907, № 11. У Кемалю: «Османцы мы...»; у Сабира: «Мы, кавказцы...».

35. *Без бород, зато гривасты.* Брить бороду и оставлять волосы на голове считалось у фанатиков грехом.

37. *И тотчас за Адамом вслед соблазн зерна его увлек!* Имеется в виду одно из преданий, согласно которому Адам был изгнан из рая за нарушение запрета прикасаться к пшеничному зерну.

38. Пародия на газель турецкого поэта Махмуд-Экрема Реджаизаде (1847—1913). *Как зангезурец, не кричи о хлебе, о зерне своем!* Зимой 1906 г. в Зангезурском уезде Карабаха был голод, вызванный неурожаем и закрытием дорог в связи со спровоцированными царизмом армяно-азербайджанскими столкновениями. На этой почве начались крестьянские волнения, для усмирения которых туда были посланы войска. Эти события нашли широкое отражение на страницах журнала «Молла Насреддин».

39. *Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог и О ненавистный прошлый год и позапрошлый год.* Устами фанатика-реакционера так характеризуются революционные события 1905—1906 гг. *Права... Свобода... Порт-Артур... Маньчжурия... Размах!*.. — намек на русско-японскую войну и последующие революционные события.

40. Печаталось под загл. «Что ни день — то новая жена», в русских переводах — «Мы — благочестивые».

41. Написано накануне закрытия Второй Государственной думы. Печаталось под загл. «Не вышло ль так, как я сказал?», «Не я ль орешек раскусил?».

42. Написано на языке фарси.

43. Печаталось под загл. «Человеком считаешь?..»

44. Написано на языке фарси. В первых двух изданиях опубликовано под загл. «Подражание одной газели Саади, увидевшей снег в издающемся в Баку журнале «Хегаиг» за номером 3». В последующих изданиях — под загл. «Человечность». Подражание газели Саади «Истинная человечность». В подражании сохранен размер, ритм, рифма, некоторые поэтические фигуры оригинала, однако Сабир придал своей газели острую сатирическую направленность.

45. В газете «Таза хаят» («Новая жизнь»), 1907, № 47, стихотворению предпослано следующее авторское «Извещение»: «Мы весьма благодарны нашим поэтам из Шуши, Баку, Ардебилы, взявшим общий с нами псевдоним. Но для различения мы вынуждены, по мере наших возможностей и в дозволенных стихотворным размером пределах, вмещать в одну поэтическую строку наряду с нашим подлинным именем «Али» также и наш псевдоним «Сабир». А. С. Т.-заде». Это предупреждение было вызвано тем, что с псевдонимом Сабир выступали в то время в бакинской печати многие поэты из разных частей Азербайджана. На Востоке, как правило, в одной из поэтических строк последней строфы упоминается имя поэта. Полное имя поэта — Али-Акбер или Алекбер; Сабир приводит первую часть имени — *Али*.

46. Печаталось под загл. «Можно ли в голову вдолбить?», в русских переводах — «Деньги».

47. Печаталось под загл. «Умер?».

48. Печаталось под загл. «Горемычный рабочий!», в русском переводе — «Аристократическая мелодия» (или «Песенка аристократа»).

49. Печаталось (в том числе в русском переводе) под загл. «Сыну». Подражание отрывку из поэмы Физули «Лейли и Меджнун», в котором отец уговаривает своего сына Меджнуна отказаться от безумной любви к Лейли. Пародируя форму двустийший Физули, Сабир насыщает стихотворение сатирическим смыслом.

50. Печаталось (в том числе в русском переводе) под загл. «Экинчи» («Пахарь»).

51. «Дебистан» («Начальная школа») — иллюстрированный двухнедельный прогрессивный журнал для детей, издававшийся в Баку. Первый номер вышел 16 апреля 1906 г. До закрытия вышло восемь номеров, впоследствии (в 1908 г.) — еще два номера. «Бурхани-тарагги» («Плоды прогресса») — газета, издававшаяся в Астрахани с перерывами в 1906—1911 гг. В газете со статьями выступал Н. Наримапов, печатали стихи Сабир, Хади и другие азербайджанские поэты. «Ульфет» («Дружба») — бесцензурная политическая и научная газета, издававшаяся в 1905—1907 гг. в Петербурге на татарском языке. В газете публиковались и стихи Сабир. «Хемийят» («Высота духа») — еженедельная газета, выходившая в 1907 г. в Астрахани. «Иршад» («Путеводитель») — ежедневная общественно-политическая газета, выходившая в Баку в 1905—1908 гг. В газете выступали многие видные деятели азербайджанской культуры,

В 1907 г. издание газеты было временно прекращено. «*Рахбар*» («Предводитель») — издававшийся в Баку в 1906—1907 гг. просветительский журнал. «*Текамоль*» («Зрелость») — еженедельная большевистская газета, издававшаяся в Баку в 1906—1907 гг.

52. Сатира написана накануне 2-го съезда азербайджанских учителей, средства на созыв которого были отпущены бакинским благотворительным обществом «*Ниджат*» («Спасение»).

53. Печаталось в русских переводах под загл. «Когда любимая уйдет...». В конце газели дано разъяснение поэта, в котором он «с почтительностью извещает», что в последнем бейте использован поэтический символ из бейта классика азербайджанской поэзии Хагани Ширвани (1120—1199). *Этна*. По арабской транскрипции в начале и в конце этого слова располагается «элиф» — первая буква арабского алфавита, а середина, «тэн», составляет корень другого слова — «ненависть»; «элиф» графически изображается в виде прямой вертикальной черты, в восточной поэзии, в соответствии со своим начертанием, приобретает различный символический смысл, в данном случае — символ стоящего на страже.

54. Ответ (с сохранением размера, ритма и некоторых поэтических фигур) на стих. «Восхваление» Джаппати в журнале «*Фиюзат*», 1907, № 24, где каждая строфа-шестистишие завершалась тирадой: «Туранцы мы!..», полной националистического самохвальства. Сатирик пародирует идеи оригинала, показывая их несостоятельность и враждебность интересам народа. *Чернобаранние* (Каракоюнлу) — феодальное государство со столицей в Тавризе (Тебризе), существовало в 1410—1468 гг. *Белобаранние* (Аккоюнлу) — феодальное государство, возникло на развалинах государства Чернобаранних и существовало с 1468 по 1501 г. со столицей в Тавризе. *Потом и стон и крик стоял над Анкарою*. Имеется в виду битва под Анкарой в 1402 г. между Тимуром и Баязетом. *Но раздвоили нас* и т. д. Религиозные фанатики разжигали рознь между народами Ирана и Турции, принадлежащими к двум враждующим толкам ислама — шиитам и суннитам. «*Иранство*» и «*османство*» — здесь принадлежность к одному из двух враждующих направлений мусульманской религии — шиитам и суннитам.

57. В журнале «*Бахлуд*» сатире предпослан фельетон «Не могу понять», предполагаемый автор которого сам поэт. Фельетон написан ритмической прозой, предложения рифмуются между собой: «Почему, я понять не могу: наши рабочие, одаривая чужеземных приказчиков, не скупаются никак, а своему приказчику-мусульманину ни за что не отдадут лишний пятак?! Почему, я понять не могу: при виде разодетого мусульманина наши женщины-мусульманки бегут, не чужа ног, а при виде носильщика-амбала, рабочего, разносчика воды, за людей их не считая, лиц своих не прячут, это для них не порок?! Почему, я понять не могу: наши моллы ни клочка бумаги не напишут для несчастных детей бедняков, чтоб уму-разуму их научить, на светлый вывести путь, а их взрослым пропишут на счастье такую писульку-молитву, что с нею в пору ноги протянуть?! Почему, я понять не могу: в пятницу нашим купцам нет чтобы лавки свои закрыть да благими делами заняться, — воровато оглядываясь, тор-

гуют из-под полы, новые сделки им снятся, почему? Почему, я понять не могу: при виде шляп наши мусульмане готовы валигъся в ногах, но они же тотчас звереют при виде папах?! Почему, я понять не могу: наши юные и лучезарные богатыри при виде несчастных своих матерей и сестер отворачивают взгляд, а учуют разрумяненных, очами стреляющих барышень — за версту к ним, запыхавшись, не то что бегут, а летят?! Почему, я понять не могу: смотришь — здоровяк, крепыш, пудовые руки, — отлынивает от работы, ему по душе слоняться без дела, день-деньской стоять у чужих ворот, — не терзают его никакие заботы, почему?! „К тайне жизни ключа я найти не могу. . .“ и т. д.

58. Печаталось под загл. «К Молла Насреддину». «Сорок поугаев» — книга сказок в стиле «Тысячи и одной ночи», написанная на языке фарси.

59. В первых двух изданиях печаталось под загл. «Ответ на стихи с припевом „Вышло по-твоему или по-моему?“», в третьем и четвертом изданиях — «Не вышло еще по-твоему!». В русских переводах — «Надежды не сбылись». В ответ на сатиру Сабир «Ну, где твои надежды?..» (см. № 41) газета «Таза хаят» откликнулась двумя стихотворениями: 29 августа 1907 г. за подписью «Мухаммед Мамедзаде», и 6 сентября 1907 г. за подписью «Мусульманин». После публикации «Одного ответа на два вопроса» Мамедзаде снова поместил свои возражения в «Таза хаят» 12 сентября 1907 г. Poleмика шла по важнейшим социально-политическим событиям дня, освещаемым с противоположных позиций; с революционно-демократических позиций Сабир высмеивает либерально-буржуазные иллюзии, питаемые кругами, опьяненными первыми успехами демократического движения в Иране. *Национальное, скажи, правительство дано ли вам?* Подразумевается народное, выборное правительство, обещанное народу.

60. В русских переводах печаталось под загл. «Невозможное», «Немыслимое».

61. В журнале «Молла Насреддин» печаталось с подзаголовком «Подражание уважаемому мастеру Экрем-беку (№ 29 покойного «Фиюзата»)». Последний, 32-й номер журнала «Фиюзат» вышел 1 ноября 1907 г. В русских переводах сатира публиковалась под загл. «Подражание». Сабир пародирует стихи турецкого поэта Махмуд-Экрема Реджаизаде (см. примеч. 38), опубликованные в «Фиюзате», 1907, № 29. Сатира направлена против поэтов, чьи стихи оторваны от бед и нужд народа, асоциальны и беспредметны. Название сатиры рифмуется с заглавием стихотворения Реджаизаде. У Реджаизаде — «Листок весны, или Песня из напева», у Сабир — «После голода — не еда, а болтовня, или Листок из журнального древа». Сабир сохраняет размер и ритм, а также обыгрывает двустишие — рефрен пародируемого стихотворения: «Птицам без лугов не быть, сердцу без тебя не быть».

62. *За людей, утопивших в крови* и т. д. Имеется в виду братоубийственная армяно-азербайджанская резня. *О, за кровь, что по воле твоей затопила Баку.* Имеется в виду разгул бакинских голово-

резов — к о ч и. Исследователи творчества Сабира высказывают предположение, что в этой строке Сабира содержится косвенное напоминание об убийстве по подстрекательству нефтепромышленников известного азербайджанского революционера-большевика Ханлара Сафаралиева (см. об этом: А. Мирахмедов, Поэт, призванный революцией, Баку, 1964, с. 199). Ханлар был убит 19 сентября 1907 г. незадолго до написания Сабиром данного стихотворения. *И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье.* В 1907 г. группа вооруженных грабителей проникла в женскую баню в Баку, в старой части города, крепости Ичери-шехере, и учинила грабеж. Баня в те годы была для женщин местом, куда приходили на весь день, надевая драгоценности и облачаясь в лучшие наряды. Событие с грабежом в женской бане широко обсуждалось в бакинской прессе.

67. *Гнев долгополых мусульман* и т. д. Поэт подразумевает фанатиков, носивших традиционную одежду; *люди в сюртуках* символизируют людей передовых, просвещенных.

68. В журнале «Молла Насреддин» печаталось с подзаг. «Молодой — старый». В некоторых изданиях — под загл. «Новое и старое».

69. Написано в связи с кончиной Гасапбека Зардаби (1837—1907) — видного азербайджанского просветителя, общественного деятеля, публициста и педагога, выпускника Московского университета (1865), издателя первой азербайджанской прогрессивной газеты на родном языке «Э к и н ч и».

70. В последних изданиях печаталось под загл. «Нечетный чих». По азербайджанскому поверью, при нечетном числе чиханий полагалось воздерживаться от намеченного дела.

73. В сатире упоминается о голоде в Зангезурском уезде (см. примеч. 38). *Не равнину дал им бог, а гряду высот.* Зангезурский уезд расположен в горах, и зимы там бывают суровые.

74. Пародия на стих. азербайджанского поэта Мухаммеда Хадди (1879—1920), опубликованное в газете «Таза хаят» 10 и 11 марта 1908, в котором автор передает свои радостные чувства, вызванные видом чинно идущего в школу христианского мальчика. Сабир сохранил размер, ритм и рифмы пародируемого стихотворения, его редиф — «дитя».

75. *Твой противный круглый глаз с молоканским, право, схож.* Фанатик сравнивает мусульманина с христианином-молоканом, чтобы унижить и оскорбить его.

76. Печаталось под загл. «Отец и сын».

77. В некоторых изданиях (в том числе на русском языке) под загл. «Спи в невежестве». В журнале «Молла Насреддин» сатира сопровождалась примечанием: «Ответ на стихи, опубликованные в № 10 «Молла Насреддина» за подписью «Гыздырмалы» («Лихорадочный»). Под псевдонимом «Лихорадочный» выступал в жур-

нале поэт-молланасреддинец М. Г. Зейналов (1870—1917), поместивший в журнале стихи, «посвященные нашему поэту Хопхопу», в которых упоминалось имя М и р з ы - Г а н б а р а.

78. В русских переводах печаталось под загл. «Женись!». Ответ на сатиру поэта-молланасреддинца Али Назми (1882—1946), опубликованную в «Молла Насреддине», 1908, № 12, под загл. «Совет», в которой шестидесятилетний старик просит совета, жениться ли ему на девочке.

80. Впервые опубликовано под загл. «Подражание доктору Абдулле-Джевдет-беку («Иджтихад», № 4)». В азербайджанских и русских изданиях печаталось под загл. «Такая сладостная жизнь». Пародия на стихи турецкого поэта А. Джевдета, опубликованные в журнале «Иджтихад» («Рвение») и начинавшиеся строками:

С одной стороны — грустная возлюбленная, с другой — вселенная.
Пусть сгинет такая горестная жизнь!
Во взгляде моей души родина гибнет.
Пусть сгинет такая жизнь! . .

81. Впервые опубликовано под загл. «Ай, харай!» (восклицание, означающее призыв на помощь). *Ширван превратить в Гянджу хотят!* Намек на местнические интриги и дразни толстосумов.

83. Сатира является перифразом стихотворения Мухаммеда Хади, опубликованного в газете «Таза хаят» 10 и 11 марта 1908, в котором восхваляется надежда народа, «султан вселенной» — дитя, тянущееся к знаниям. Сабир использует редиф, строфику и размер перифразируемого стихотворения.

84. Печаталось под загл. «Нам повезло — мальчик! . .».

88. *Следи, чтоб в кизяке была стена.* На Востоке кизяк — коровий помет, смешанный с соломой, — служит топливом; его просушивают, прилепляя к стене.

89. Печаталось под загл. «Не спите! . .». Посвящено революционным событиям в Турции, приведшим к низложению султана Абдул-Гамида. *Не смей, как персиянин, спать* — намек на подавление революционно-демократического движения.

90. Печаталось (в том числе и в русских переводах) под загл. «Иран — мой». *Конституцию в свой час мой отец вам даровал.* Отец Мухаммедали-шаха, от лица которого написано стих., Музаффардин-шах был вынужден под давлением народных масс в годы революционно-демократического движения 1905—1907 гг. дать стране конституцию. *Люди в красных фесках* — участники движения младотурков. *А таврицы неужель были слепы в те года.* По давней традиции, наследный принц до восшествия на престол назначался правителем обширной провинции в Иране — Южного Азербайджана с резиденцией в Тавризе (Тебризе). Мухаммедали-шах «вспоминает» годы своего правления в Южном Азербайджане.

91. Сатире предпослана короткая заметка «Из Баку» за подписью «Демдемки» («Легкомысленный»): «Дядя Молла! Здесь один

ахунд заключил брак и выдал девочку 13 лет за старика 65 лет. Теперь народ клянет его, говоря: «Эй, ахунд, зачем ты выдал маленькую девочку за старика?» И что же ахунд? Он отвечает: «Хороший человек этот старик, вместе паломничество в Мекку совершали...» Сочинив от имени девочки-сиротки эти стихи, посылаю вам, чтобы опубликовали: „Он идет, чурбан!.. Тебя, не пускай!“ и т. д.

93. Ответ на стихи М. Хади (см. примеч. 83) «Будущее наше — блестяще!», опубликованные в газете «Таза хаят» (4 и 7 августа 1908).

98. Печаталось под загл. «Месяц рамазан».

99. В журнале «Молла Насреддин» опубликовано за подписью «Абу-Наср Шейбани». Скрывшись за именем известного иранского поэта (1830—1891), постоянными мотивами поэзии которого были протест против несовершенства общественного устройства, жалобы на лихоимство властей, взяточничество чиновников, Сабир тем самым выразил приверженность критическому, социально-обличительному направлению в поэзии. Во многих изданиях, в том числе и в переводе на русский язык, сатира известна под названием «Я — поэт».

100. В дореволюционных подцензурных изданиях печаталось под загл. «...хану»; и в тексте стихотворения вместо имени шло многоточие, так как цензура запрещала упоминать имя Саттар-хана. В изданиях после 1922 г. стихотворение печаталось под полным загл.

101. Печаталось под загл. «Изгнание Мир-Хашима». *К вождю свободы*. К этим словам имеется примечание-сноска от редакции журнала, чудом избегнувшая цензуры: «Речь о Саттар-хане» (см. примеч. 100).

103. Печаталось под загл. «Спи, мужчина», «Спи, человек», «Фахрат-киши».

104. Печаталось под загл. «Предложение проповеднику», «Вызов проповеднику». Сатира является продолжением фельетона «Правда», принадлежащего перу Джалила Мамедкулизаде, в котором говорится: «Хочу немного побеседовать здесь с нашим уважаемым читателем. Но каждый, кто хочет послушать меня, должен прежде всего прочитать в газете «Тарагги» («Прогресс». — *Ред.*) за номером 132 телеграмму на второй странице под первым столбцом, а я пока выпью стакан чая, и мы потом вернемся к нашему разговору. Так вот, телеграмма следующего содержания. Тегеран: «В мечети Маджидульдовле шейх Фазлуллах со своими сторонниками устроили антиконституционную демонстрацию. Были зачитаны телеграммы окружных мучтеидов, направленные против конституции. Объявили всех конституционалистов вероотступниками. Мучтеиды подали шаху прошение, чтобы он ни о каких основах закона не помышлял». Вот какого содержания эта телеграмма!.. Откуда иранцу знать, что такое конституция? Даже возьмем самого Мухаммедали-

шаха — он тоже не ведает и, разинув рот, глядит, что скажут мучтеиды. И когда европейские государства требуют, чтобы шах утвердил конституционное правление, Мухаммедали-шах неизменно отвечает: «Мучтеиды не велят, потому что находят конституцию противной шариату!» Правда на свете одна, и она состоит в том, что в Иране мутят воду и держат народ в темноте только и только мучтеиды! Каждый, кто приставит палец к виску и задумается, поймет, что я прав, а кто не захочет подумать, то ничего, ну совсем-совсем ничегошеньки не поймет! А теперь послушаем, что говорит наш поэт: „Ну давай, ханжа-отшельник, обнажимся мы хоть раз...“ и т. д.

106. Печаталось под загл. «Донесение». В форме поэтического сказания «Шахнаме» Фирдоуси генерал Мухаммедали-шаха Эйнуddовле, посланный на подавление возглавляемого Саттарханом революционного движения в Тебризе «рапортует» шаху о своей готовности выполнить его «любой приказ». Армия Эйнуddовле была разгромлена восставшими силами Саттар-хана. Глаза государства ослепли в тот миг! Шах награждает каждого высокопоставленного своего чиновника титулом. Генерал носит титул «Эйнуddовле», что означает «Очи государства».

107. *Скорпион* — «Насреддин» — журнал «Молла Насреддин». В оригинале Сабир употребляет немало новых для азербайджанских читателей слов, в те годы не сходивших со страниц периодической печати и напоминающих о важнейших событиях дня.

108. «Молла Насреддин», 1909, № 6, за подписью «Абу-Наср Шейбани» (см. примеч. 99). Является ответом на «Загадку», опубликованную в «Молла Насреддине», 1909, № 1:

«Орудую я кулаком,
Держу народ под каблуком,
Расставил палачей кругом,
Как рявкну — тотчас грянет гром.
А ну, кому я не знаком? . . .
Ответьте — речь о ком?»

(Перевод Ч. Гусейнова)

109. Печаталось на азербайджанском и русском языках под загл. «Отныне». Написано в стиле религиозной анафемы — фетва.

110. За подписью «Абу-Наср Шейбани» (см. примеч. 99) печаталось под загл. «Всему виной толстошей», «Толстошей», «Виной дубина». Под «толстошейм» подразумевается иранский шах Мухаммедали. Написана сатира в связи с обстрелом иранского парламента войсками шаха. *Зачем Коран испепелен?* Мухаммедали-шах, еще находившийся тогда на троне, приказал открыть огонь по демонстрациям учащих, которые направлялись к шахскому дворцу с Кораном в руках.

111. *И тем, кто на арене той, отвaga львиная дана.* Имеется в виду Саттар-хан.

113. В журнале «Молла Насреддин» опубликовано с указанием: «продолжение следует». Однако продолжения не последовало. В некоторых изданиях печ. под загл. «Жалоба женщины».

114. Сатира написана в связи с низложением турецкого султана Абдул-Гамид II, заточенного в Салоникскую крепость. *Не зови врага в свой край*. Шах боролся против революционного движения в стране при поддержке и с помощью европейских государств. *Мне юлдузские дворцы хитрость не вернет — ой, жалы!* Низложенный в результате турецкой революции султан Абдул-Гамид II содержался во дворце Юлдуз (Звезда) в Стамбуле; затеяв ремонт дворца, он перешел к рабочим и пытался бежать, но был задержан, а затем сослан в Салоники. *Вздумавай подражать тебе*. Имеется в виду Мухаммедалишах, который неоднократно под давлением революционно-демократического движения давал торжественные обещания соблюдать конституцию и нарушал их.

115. Во многих изданиях на азербайджанском и русском языках печаталось под загл. «Безим, мой сын!»

116. Поводом к написанию сатиры послужили опубликованные в газетах того времени сообщения о том, что Мухаммедалишах решил распродать значительную часть находящихся в казне исторических ценностей, чтобы спасти свое пошатнувшееся финансовое положение. Сабир придал этой вести символическое звучание: шах, по сатире, продает страну английским и российским империалистам. С сатирой Сабира перекликалась опубликованная в журнале «Молла Насреддин» за 1909, № 27, карикатура на Мухаммедалишаха художника Роттера. Шах был изображен в виде уличного продавца с круглым деревянным подносом на голове. Разинув широко рот, продавец выкрикивает: «Кому тейрани, кому сладкое тейрани? (Из области политики)» (игра слов: «Тейраи» — «Тегеран»; созвучие с «эйраном», прохладительным кислым молочным напитком, которым торговали уличные продавцы). Знаменита в Азербайджане и карикатура народного художника Азима Азим-заде к сатире Сабира «Продаю»: на подносе, который несет на голове уличный продавец, лежат вперемешку с обычным товаром и старинные ценности; под карикатурой — строки Сабира.

118. *И призванным тобой со всех сторон — хвала гостям твоим!* Указание на призыв шаха к европейским государствам о помощи против революционно-демократического движения в Иране.

119. Печаталось под загл. «Сирота Мемдели, или Бунтуют персияне». Сатира написана в связи с низложением Мухаммедалишаха.

120. Печаталось в ряде изданий на азербайджанском и русском языках под загл. «Подражание нашим поэтам», «Красавица», «Пародия на лириков».

121. Подражание классику азербайджанской поэзии XVIII в. Ага-Масиху Ширвани, в частности перефразировано его двуступище

из стихотворения «Обеты»: «О, каюсь я, всевышний, каюсь в том дурном, что совершил, ведая о том, и что совершил, о том не ведая».

122. Написано в связи с бегством Мухаммедали-шаха в Россию — в Одессу. Пародия на газель Физули, с использованием ее ритма и рифмы:

Имей я разум, разве б я не охладел к страстям тогда?
Имей я волю, разве я не присмирел бы сам тогда?

(Перевод П. Панченко)

В том же номере журнала помещена карикатура на Мухаммедали-шаха, который уезжает в двухколесной бричке, крепко держа в руках большой узел со своими пожитками; под карикатурой — двустилишие из сатиры Сабира:

Смекни я, что из рук моих когда-нибудь уйдет Иран,
Да разве б не смешал его я с пеплом пополам тогда?

124. Печаталось под загл. «Будем невеждами!».

128. *И не солгу Фахри: «Свободной ты живешь»*. Намек на то, что молла заключает «временные» браки.

130. Печаталось под загл. «Газель», «Мечта отшельника», «Праведник». Стих. сопровождалось карикатурой: фанатик с выкрашенной хной бородой, с четками в руке, напротив него — гурия с пальмовой ветвью, а под ним — уголок ада с сатаной. В журнале «Молла Насреддин», 1911, № 20, были приведены восемь строк стихотворения под карикатурой художника Роттера, изображающей четверых религиозных фанатиков, которые, глядя на больного Сабира, злорадно говорят: «За сочинение кощунственных слов и обрушилась кара разгневанного аллаха!»

132. Впервые опубликовано в журнале «Революция и культура», 1939, № 5, по рукописи с примечанием: «Это стихотворение Сабира, переданное в редакцию сыном поэта Мамедсалимом Таирзаде, публикуется впервые. Написано оно в Баку и адресовано тем, кто оказал поэту внимание и проявил о нем заботу в бытность его в Баку, в частности, земляку по имени Алигулу. В стихах освещаются некоторые факты из жизни Сабира, в частности, рассказывается о тяжелых днях, проведенных им в Шемахе...»

134. Сатира направлена против молодых людей буржуазно-помещичьего происхождения, получивших образование в царских школах и с презрением относившихся к своему народу, языку и культуре.

137. Печаталось под загл. «Сегодня». Сатира написана в связи с тем, что русские миссионеры на одном из собраний в Петербурге обратились к царскому правительству с прошением закрыть школы с преподаванием на национальных языках для малых народов. Это их предложение вызвало одобрение мусульманского духовенства.

138. Печаталось под загл. «Нации».

139. В сатире устами фанатика высказано недовольство сатирическим журналом «Зенбур» («Овод»), издававшимся в Баку в 1909—1910 гг., под непосредственным влиянием «Молла Насреддина». В первом номере журнала от 13 марта 1909 в передовице так определялась его идейная направленность: «Поздравляю вас, господа, в наш город прилетел Зенбур... Отныне надо быть осторожными, потому что осы-оводы, известно, любят жалить и изменить их характер, увы, невозможно, тем более если они видят перед собой сладкие туши; к примеру, аппетитные толстые шен дармоедов, голые ляжки бесстыдных госпожой, огромные пуза процветающих от горя народа толстосумов...» *Зачем какой-то человек тобой в чалме изображен?* — и т. д. Имеется в виду помещенная в «Зенбуре», 1910, № 4, карикатура художника Б. Р. Телингатера (Бено), на которой исламский мир изображается в виде старика, привязанного цепями к дереву. В звеньях цепи помещены угнетатели-реакционеры; старик тщетно пытается разорвать цепи и обрести свободу. Тут же сбоку сидит шайтан и, глядя на старика, ехидно замечает: «Несчастный, ему кажется, что это я его опутал цепями, а между тем из каждого звена выглядывают рожи более жестокие, чем моя».

140. В сатире раскрыта психология восточного купца, впервые выехавшего за границу и попавшего в большой город, окунувшегося в его разгульную жизнь.

142. Печаталось под загл. «Как с новостями, мешади?», «Сладкая беседа».

143. Печаталось под загл. «Нищета», «Нищий». *Мы собрались, чтобы справить помин.* Имеется в виду благотворительный обед, устраиваемый по обычаю для неимущих.

144. Печаталось под загл. «Не надоело ли тебе?».

146. *Вот уже пять лет, как вы оскверняете Коран.* Имеется в виду журнал «Молла Насреддин», который издавался пятый год.

147. В двустихии-рефрене пародируется лирическое стихотворение Сеид-Азима Ширвани:

Ты попал в беду любви, с долей новой примирись!
От разлуки дни темны — что ж такого? Примирись!

(Перевод П. Панченко)

148. Подражание лирическому стихотворению Сеид-Азима Ширвани.

150. В сатире приемом саморазоблачения поэт клеймит «вождей нации», для которых характерны кичливость, высокомерие, стремление играть на невежестве масс, возмущение недовольством «гольфы», мечтающей о свободе и равенстве. Называя страны и города, в которых живут «правоверные», Сабир развенчивает пантюркистские амбиции фанатиков-националистов.

158. *Рыба, Бык* — название созвездий.

160. Печаталось под загл. «Правоверные с бульвара». *Дядюшка Молла, в краю грузин*. Имеется в виду журнал «Молла Насреддин», издававшийся в Тифлисе.

162. Написано в связи с публикациями в печати полуграмотных статей реакционного деятеля — директора школы «Иттихад» («Единение») Гусейна Кемалья.

163. Печаталось на азербайджанском и русском языках под загл. «Пришла пора!», «Чести пора настала!». Сатира, написанная от имени *М у х а м м е д а л и - ш а х а*, разоблачает тайные происки низложенного и изгнанного из Ирана шаха, к возвращению на престол которого стремились реакционные круги.

164. *Коврик* — седжада, молитвенный коврик для совершения намаза.

166. Сатира написана от имени буржуазного издателя Гашимбека Везирова, выпускавшего газету «Седа» («Голос»), в которой он время от времени помещал пасквилы и фельетоны на прогрессивных деятелей под загл. «Когда мне охота».

170. Сатирический отклик на репрессии царского правительства против прогрессивной прессы — закрытие изданий, аресты и высылки издателей.

171. Данное стихотворение является ответом на грубый памфлет, направленный против Сабира и опубликованный в газете «Седа» от 25 августа 1910 г. *Некто* (Бириси) — один из псевдонимов редактора газеты «Седа» Г. Везирова (см. примеч. 166).

172. Есть вариант данного четверостишия, где вместо «шах» и «везир» — «муж» и «жена».

174. Написано по поводу болезни поэта, приведшей его к преждевременной смерти.

179. 5 ноября 1910 г., через два дня после публикации этого стихотворения в газете «Гюнеш» («Солнце») опубликовано там же письмо Бахыша Ахмедова, уполномоченного школы в бакинском пригороде Балаханы, где учительствовал Сабир. Письмо-заметка называется «Ответ анонимным письмам» и проливает свет на историю написания данного четверостишия. Автор выступает в защиту Сабира, получающего анонимные письма с угрозой: «Немедленно покинь школу, иначе обрушатся на твою голову удары, испытываешь беды и несчастья!», «Оставь в недельный срок Балаханы, иначе худо будет!» и т. д.

180. В стихотворении использованы материалы периодической печати того времени, относящиеся к заграничному вояжу изгнанного из страны *М у х а м м е д а л и - ш а х а*.

181. Печаталось под загл. «Игла», «Шило».

182. Вторая часть стихотворения печаталась отдельно под загл. «Признание Абдул-Гамида». «Тарджумани-Хагигат» («Толкование истины») — ежедневная газета, выходившая на турецком языке в Стамбуле. В ней была помещена заметка о том, как проводит время в заточении низложенный народом турецкий султан Абдул-Гамид II.

185. В русском переводе печаталось под загл. «Находка».

186. *Бараны шкуры школярам ты отдай!* В печати обсуждали в то время вопрос о том, чтобы шкуры жертвенных баранов сдавались в пользу школ, против чего возражали фанатики.

191. В русском переводе печаталось под загл. «Буйволица». Во всех отдельных изданиях выходило под загл. «Буйволица и наводнение».

192. В конце стихотворения помещено обращение редакции к больному Сабиру, в котором, в частности, говорится: «Сабир, самое великое качество величия — быть терпеливым. Этим своим именем ты прославился! Дорогой мой, вопреки всем, кто причинял тебе муки, запасись терпением, живи — не умирай!..» Трижды повторяемое в конце стихотворения слово «свобода» не было пропущено царской цензурой ни в журнале, ни во всех последующих дореволюционных изданиях и было заменено многоточием.

196. Ранее ошибочно приписывалось азербайджанскому поэту А. Гамкюсару (1880—1919), активно сотрудничавшему в журнале «Молла Насреддин». Включено в Собр. соч. Сабир (т. 2, с. 152).

197. Написанное в форме диалога между Мухаммедали-шахом и Абдул-Гамидом II, стихотворение было опубликовано в «Молла Насреддине», 1911, № 3, без подписи. В ряде изданий печаталось под названием «Мемдели и Гамид».

198. Печаталось под загл. «„Стань моею!“ — „Уйди, отстань!“». После низложения и изгнания из Ирана Мухаммедали-шах жил некоторое время в Одессе, затем уехал в Берлин.

201. *Плут* (Хейвера) — псевдоним Гаджи-Ибрагима Касымова, редактора «Паландуза», сатирического еженедельного приложения к газете «Гюнеш» («Солнце»).

203. Впервые опубликовано в газете «Мелумат» («Вести»), 1911, 29 июля, за подписью «А. Сабир», со следующим примечанием: «Из последних строк, сочиненных покойным Сабиром». Датируется по письму, посланному Сабиром из Тифлиса Курбанали Шарифзаде. В письме, подписанном «А. Сабир Таирзаде Ширвани», сообщаются следующие подробности из жизни поэта: «Уже неделя, как я в Тифлисе. Остановился у Мирзы (имеется в виду Джалил Мамедкули-заде. — *Ред.*). С первого сентября и по сей день болею. Три месяца обивал пороги докторов в Баку, а два месяца — пороги док-

торов в Шемахе. Все тщетно, приехал лечиться в Тифлис. Удастся ли излечиться мне здесь?! В Тифлисе холодно, не отхожу ни на миг от печки. . . Надеюсь, что эти мои нацарапанные здесь строки дадут вам представление о моем состоянии. . .»

205. Печаталось под загл. «Отчего погиб Иран?».

206. В журнале «Мектеб» («Школа»), 1913, № 11, напечатано под шапкой: «Одно из последних стихотворений покойного А. Сабира для детей». В этом номере журнала в связи со второй годовщиной со дня смерти поэта были помещены также биография Сабира, стихи, посвященные памяти поэта.

207. Печаталось под загл. «Постыдитесь!».

208. Написано в связи с пышными торжествами по случаю юбилея Хафиза-эфенди Шейхаде. На этот юбилей Сабир откликнулся еще сатирой «Юбилейные торжества» (см. № 211).

210. Первая публикация сопровождалась примечанием: «Наиточнейший перевод из газеты „Несими-Шимал“» («Северный ветер»).

211. *Свой пыл. . . уйми: с глупцом толкуешь о Руми* — цитата из поэмы «Лейли и Меджпун» Физули.

214. *Таков твой перевод*. Имеется в виду перевод «Отелло» Шекспира, выполненный Гашимбаком Везириным на очень низком уровне (см. примеч. 166, 171).

215. Впервые опубликовано в газете «Мелумат» («Вести»), 1911, 4 июля, в воспоминаниях о поэте журналиста Г. И. Гасимова (1886—1936). Впоследствии было приведено во вступительном слове Аббаса Сихата к первому сборнику стихов поэта (1912). Сихат поясняет: «Болезнь усиливалась. Не будучи в состоянии оставаться в Баку, возвращается в Шемаху, а оттуда — в Тифлис для продолжения лечения. Но все тщетно: не могли помочь и средства, собранные журналом «Молла Насреддин» для лечения. Возвращается в Шемаху, нет сил бороться с недугом. И тогда поэт сочиняет следующий свой бейт: „Я жажду смерти, а она все убегает от меня! . . .“»

216. Из последних стихотворений Сабира. Написано на языке фарси. Впервые опубликовано в газете «Мелумат» («Вести»), 1911, 21 июля, в воспоминаниях Али Фахми, затем — во вступительном слове Аббаса Сихата к первому сборнику Сабира (1912).

217. Во втором издании сочинений поэта (1914) опубликовано впервые со следующим примечанием Аббаса Сихата: «Это стихотворение было начато покойным во время болезни в последние дни жизни и осталось незаключенным». *Хоть средь других народов нам и мало лет сейчас*. В мусульманских странах летосчисление ведется со дня бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину — 662 г. *Когда арабы нашу рать разбили в оны дни*. Имеются в виду арабские завоевания, насадившие ислам и вытеснившие языческие верования.

220. *Хоть ты не ангел, поклонись ты праху.* Намек на библейское сказание: бог, создав Адама из праха, повелел ангелам поклоняться ему.

223. *И на седьмое небо ты взошла своею красотой.* Намек на предание о пророке Мухаммеде, который еще при жизни был вознесен на небо.

СЛОВАРЬ

- Аба** — верхняя мужская одежда в виде длинной шерстяной накидки, носимая обычно духовенством.
- Абдул-Гамид II** (Абдул-Хамид II, 1842—1918) — турецкий султан с 1876 по 1909 г. Вступив на престол, провозгласил конституцию (1876), но через два года разогнал парламент и установил деспотический режим, заслужив прозвище «кровавого султана». Усилившееся под влиянием русской революции 1905 г. демократическое движение в Турции привело в 1908 г. к революции, вынудившей Абдул-Гамида восстановить конституцию и созвать парламент. В 1909 г., после неудачной попытки контрреволюционного переворота, был низложен и арестован. До 1912 г. содержался под стражей в Салониках, а затем, в связи с начавшейся Балканской войной, был перевезен обратно в Стамбул, где умер в заключении.
- Абульгасан-хан** — министр в правительстве Атабека в Иране в начале XX в., достиг власти благодаря связям и взяткам.
- Агалар** — господин, хозяин.
- Азраил** — ангел смерти у мусульман.
- Айран** — пахтанье, кислое молоко, прохладительный напиток.
- Аксакал** — букв.: «белая борода»; старик, уважаемый человек.
- Али** — х а л и ф (656—661), один из двенадцати и м а м о в, двоюродный брат и зять пророка М у х а м м е д а.
- Алиф** (элиф) — первая буква арабского алфавита, изображается в виде прямой вертикальной черты; в поэзии — символ стройного прямого стана, иногда — одиночества.
- Аман** — возглас скорби, ужаса; мольба о пощаде.
- Амбал** — носильщик, грузчик.
- Ами** — дядя.
- Амшари** — букв.: «земляк»; уничижительная кличка азербайджанцев из Ирана, приехавших на заработки в Баку и другие промышленные города Закавказья.
- Анатолия** — область в Турции.
- Ардебиль** — город в Иране.
- Арнауты** — албанцы.
- Асад** — иранский военачальник, глава племени бахтияров, вел борьбу против шаха М у х а м м е д а л и, перейдя на сторону революционеров.
- Атабек** — титул, дававшийся воспитателям наследников сельджуцких султанов. Впоследствии присваивался главным советникам султанского двора. В Иране в XIX—XX вв. являлся титулом главы шахского правительства. Его имел премьер-министр Мирза-Алескер-хан Эйнуддовле (1857—1907), назначенный на этот пост М у з а ф ф а р а д д и н-шахом. Своими жестокостями вызвал гнев народных масс и даже духовенства, грубо нару-

шив святость «беста», т. е. права неприкосновенного прибежища «священных стен» для преследуемого. Под напором революционных событий в Иране был отстранен, но вновь назначен премьер-министром Мухаммедали-шаха в 1907 г. 30 августа 1907 г. убит при выходе из меджлиса членом организации муджахидов Аббас-агой.

Ахунд — высокий духовный чин, исполняющий судебские и духовно-административные обязанности, совершающий брачные договоры, нотариальные акты и т. д. Ахунды считались состоящими на царской службе и получали жалованье от правительства.

Бабай — старик.

Байрам — праздник.

Бахлул — герой популярных анекдотов; название сатирического журнала, издававшегося в Баку в 1907 г.

Бахтияры — племя в Иране.

Баштан (бостан) — бахча.

Баязет (Баязид) Ильдрым (Молниеносный, 1360—1403) — султан Турции с 1389 по 1402 г. Вел захватнические войны, в 1402 г. был разбит Тимуром в сражении при Анкаре и взят в плен, где и умер.

Бейт — поэтическая строфа-двустипшие, строки которой связаны единой законченной мыслью.

Бек — титул наместника, правителя области.

Бири-Алам — букв: «Кладезь печали», местность в Аравии, связанная в легендах с одним из чудес имам а Али.

Бистун (Бисутун) — название легендарной горы в Иране, на которой высечены клинописные надписи и барельефы в честь побед Дария I (522—486 до н. э.). Каменотес Фархад, один из героев поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», пробил туннель в горе ради своей возлюбленной Ширин.

Бозбаш — суп из рубленой баранины с картофелем и горохом.

Ваиз — проповедник.

Вамбери Арминий (1832—1913) — венгерский путешественник-ориенталист, этнограф, автор книг «Мои странствия и переживания в Персии» (1864), «Путешествие по Средней Азии» (1865).

Везир — ближайший советник правителя.

Габиб — см. Махмудбеков Габиб-бек.

Гаджи — почетный титул человека, совершившего паломничество («хадж») в Мекку и поцеловавший священный камень мусульман в храме Кааба, прибавляется к имени как его неотъемлемая часть.

Гаджи-мирза Гасан — мученик, настоятель соборной мечети в Тебризе в 1906—1911 г. Вначале поддерживал революцию, а затем изменил ей и был изгнан народом из Тебриза.

Газель — стихотворная форма в поэзии Востока.

Галемдан — пенал для тростниковых перьев и туши.

Гамид — см. Абдул-Гамид II.

Гасан-бек Меликов Зардаби (1837—1907) — выдающийся деятель азербайджанской культуры; в 1873 г. вместе с Н. Везировым организовал постановку пьесы М. Ф. Ахундова «Приключения скряги», положив тем самым начало азербайджанскому национальному театру; издатель и редактор газеты «Экинчи».

- Гейс** — легендарный арабский поэт (VII в.), влюбленный в Лейли и прозванный Меджнуном.
- Гонгол** — букв: «трепач», «болтун»; псевдоним фельетониста газеты «Хаят» («Жизнь»).
- Губад** — легендарный шах Древнего Ирана (V в.), девятнадцатый из династии Сасанидов.
- Гурии** — прекрасные, вечно молодые девушки, услаждающие в раю мусульман.
- Гусейн** (Хуссейн) — имам, сын Али, внук Мухаммеда, был убит в 680 г. во время битвы с войсками халифа Иезида, из Омейядской династии, в Кербеле (Ирак), где и похоронен. Почитается мусульманами-шиитами как мученик за веру, ему посвящена религиозная мистерия шахсей-вахсей.
- Гыздырмалы** — букв: «Лихорадочный»; псевдоним поэта, молланасредниовца М. Г. Зейналова (1870—1917) и Джалила Мамедкулизаде.
- Гылманы** — прекрасные юноши, которые вместе с гуриями услаждают в раю правверных мусульман.
- Гюлистан** — цветник, розарий.
- Гюрза** — ядовитая змея.
- Гянджа** (ныне Кировабад) — город в Азербайджане, древний культурный центр.
- Гяур** — букв.: «нечестивец»; исповедующие ислам так называют иноверцев-немусульман, а также безбожников.
- Данибаш** — букв.: «телячьеголовое»; собирательное название азербайджанского села в творчестве Джалила Мамедкулизаде.
- Дастан** — эпическое произведение, основанное на народных легендах и преданиях.
- Дервиш** — букв.: «нищий»; мусульманский странствующий монах, ведущий аскетический образ жизни; член одного из орденов исламских мистиков-суфиев. Дервишизм возник в VIII в. как протест против ортодоксального ислама. Впоследствии многие дервиши превратились в обыкновенных шарлатанов. Дервиш, странствуя, как правило, рассказывает истории на религиозные темы.
- Дехкан, дехканин** — крестьянин.
- Джамшид-Джем** — кубок Джемшида, разукрашенный драгоценными камнями, с написанными на нем стихами-изречениями. В чаше Джемшида отражались мировые события и судьбы людей.
- Джан** — букв.: «душа»; возглас, выражающий восторг.
- Джейран** — дикая коза, газель; символ грации.
- Джемшид** — легендарный повелитель Древнего Ирана, воспетый Фирдоуси в эпической поэме «Шахнаме», царствовал семьсот лет и был низвергнут богами за гордыню.
- Джинн** — злой дух, бес, демон пустыни.
- Диван** — 1) совет вельмож, государственная канцелярия; собрание мудрецов, ученых, поэтов; 2) рукописный сборник поэтических произведений.
- Дола** — голубцы из виноградных листьев.
- Достархан** — скатерть; иносказательно — обильное угощение.
- Духан** — питьевой дом.
- Ефрем-хан** — активный участник иранской революции, в 1908—1909 гг. возглавил борьбу против Мухаммедали-шаха

в Реште, участвовал в захвате Тегерана революционными войсками.

Зенджан — город в Иране.

Зилли-Султан (Максуд-мирза) — дядя иранского шаха Мухаммеда-Али, крупный феодал, известный своей жестокостью. В годы иранской революции 1905—1907 гг. народ требовал его изгнания и конфискации всего имущества, он был арестован, затем бежал.

Зороастр (Заратустра) — полулегендарный основатель древнеиранской религии огнепоклонников-зороастрийцев, с верованиями которых связан мусульманский праздник новруз-байрам.

Зоухак — легендарный шах-деспот, один из героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Согласно легенде, за его спиной вырастали два змея, которых ежедневно кормили мозгами двух младенцев.

Зульфикар Ширвани (род. 1190 или 1192) — азербайджанский поэт.

Ибрагим-Халил (Халилуллах — «Друг Аллаха») — мусульманский вариант имени библейского пророка Авраама.

Ильдрым — см. Баязет.

Имам — букв.: «стоящий впереди», т. е. лицо, за спиной которого совершают молитву в мечети; глава мусульманской общины, мечети; халиф, являющийся носителем духовной власти. Звание имама принадлежит пророку Мухаммеду, его потомкам (двенадцать шиитских имамов) и преемникам, мусульманским вероучителям, основателям правоверных толков.

Имам-Джума — наследственное звание главного моллы в городе, настоятеля соборной мечети, который заменяет шаха в мечети во время общественных молитв.

Искандер — восточный вариант имени Александра Македонского.

Ислам — букв.: «покорность»; мусульманская религия, основанная пророком Мухаммедом в VII в. и исповедуемая большинством населения стран Ближнего и Среднего Востока.

Исмаил (1487—1524) — шах Ирана и Азербайджана (с 1502), основатель династии Сефевидов, поэт, писал под псевдонимом «Хатан».

Исрафил — в мусульманской мифологии имя одного из четырех архангелов, хранителя небесной трубы (рога). Протрубив в рог в первый раз, он умертвит все живое, во второй — воскресит всех мертвых, возвещая о наступлении Страшного суда.

Ишот-мишот — звукоподражание русскому слову «что».

Ксаба — главная святыня мусульман, мечеть в Мекке, в которой хранится священный черный камень.

Кавкай — азербайджанское название Владикавказа (ныне — Ordjonikidze).

Каджары — шахская династия, основанная в конце XVIII в. Ага-Мухаммед-шахом (правила Ираном до 1925 г.).

Казан — котел.

Казах — город в Азербайджане.

Казвин — город в Иране.

Кази (кадий) — мусульманский духовный судья.

Каймак — густые сливки.

Кальян — курительный прибор, состоящий из сосуда, наполненного

водой, и трубки с табаком, через которую курильщик тянет табачный дым, фильтруемый через воду.

Канан (Ханаан) — библейская страна, родина легендарного Иосифа Прекрасного (Ю с и ф а).

Касида (касыда) — древняя поэтическая форма в литературах народов Востока преимущественно панегирического содержания, соответствует хвалебной оде, дифирамбу. Пишется с одной рифмой, количество строк колеблется от 30 до 300. Схема рифмовки: *аа, ба, ва, га* и т. д.

Ках — город в Азербайджане.

Кей — имя нескольких легендарных царей из династии Кейянов.

Кеклик — горная куропатка.

Кербелай — почетный титул, прибавляемый к имени правоверного, совершившего паломничество в город Кербелу (Ирак).

Керман — город в Иране.

Кибла — специальное сооружение, показывающее направление к Мекке, в эту сторону обращают свои лица мусульмане во время молитвы; иносказательно — предмет постоянного внимания.

Кишмиш — изюм.

Ковсер — райский источник в Коране.

Коран — букв.: «чтение»; священная книга мусульман, содержит проповеди и поучения *М у х а м е д а*.

Кочи — наемный убийца, головорез, к чьим услугам прибегали миллионеры-нефтепромышленники и царская полиция для расправы с негодными. От рук кочи погибли многие революционеры в годы революционного подъема 1905—1907 гг.

Куба — город в Азербайджане.

Кунжут — масличное растение, из семян которого получают масло, употребляемое для приготовления халвы.

Курбан-байрам — праздник жертвоприношения у мусульман в десятый день зуль-хиджа, двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря; центральным ритуальным действием праздника является принесение кровавой жертвы (обычно — барана). Богатым надлежало резать жертвенных баранов для неимущих, однако они, как правило, уклонялись от этого обычая, щедро угощая друг друга и духовенство.

Кызылбаши — букв.: «красноголовые»; воины династии Сефевидов, которые носили красные шапки. Позднее это название было перенесено на все население Ирана. У Сабера кызылбаши часто выступают синонимом *ши и т о в*.

Кызыл-Орда (Золотая Орда) — феодальное государство в XIII—XV вв.

Кюфта — крупные фрикадельки из рубленой баранины, перемешанной с рисом.

Кюфта-бозбаш — суп с кюфтой, картофелем и горохом.

Кябин — брачный договор, законный брак.

Кямиль-паша — министр-реакционер в правительстве султана Абдул-Гамида.

Лаваш — хлеб из тонко раскатанного теста.

Лаглагы — букв.: «болтун»; один из псевдонимов Джалила Мамедкулизаде.

Лал — рубин; иногда собирательное название драгоценного камня; в поэзии — синоним уст возлюбленной.

Лейли — героиня легенды о трагической любви, возлюбленная Гейса (Меджнун); образ девушки, страстно и преданно влюбленной.

Ленкорань — город в Азербайджане.

Магеррам (мухаррам) — первый месяц мусульманского лунного календаря «хиджри» — траурный, печальный, связанный с гибелью в борьбе за власть мусульманских «святых», в частности Гусейна.

Майдан — площадь; базарная площадь; поле битвы.

Мамедкулизаде Джалил (1866—1932) — азербайджанский писатель, главный редактор журнала «Молла Насреддин».

Марсия — элегия; траурное песнопение у шиитов, исполняемое в дни религиозной мистерии шахсей-вахсей.

Марсияхан — исполнитель марсии.

Махмудбеков Габиб-бек (Габиб, 1864—1928) — деятель азербайджанского народного просвещения.

Махмудбеков Махмудбек — издатель и редактор прогрессивного журнала «Рахбар» («Предводитель», 1906—1907).

Меджид — см. *Султан Меджид Ганизаде*.

Меджлис — букв.: собрание, компания; название иранского парламента.

Меджнун — букв.: «безумный», «одержимый»; прозвище Гейса. История его трагической любви к Лейли широко распространена в литературах Востока, впервые стала содержанием поэмы Низами Гянджеви (1141—1209) «Лейли и Меджнун». Символ несчастного, обезумевшего влюбленного.

Медина — город на западе Аравийского полуострова, первый оплот сторонников Мухаммеда в VII в.

Медресе — мусульманская духовная школа (начальная и средняя) при мечети.

Мейхана — питейный дом, трактир.

Мекка — город на Аравийском полуострове, религиозный центр мусульманства, место паломничества.

Мелик-шах (1055—1092) — властелин сельджуков; в годы его царствования была разграблена Гянджа.

Мемдели, Мендели и Мэдели (от слов «дели» — «дурак», «сумасшедший»; «мэ'дели» — «пузатый», «обжора») — намеренно искаженные имена иранского шаха Мухаммедали Кязима.

Менджиль — живописная дачная местность в Иране.

Мехраб — ниша в мечети, куда обращаются лицом молящиеся.

Мешади — почетный титул мусульманина, посетившего гробницу имама Ризы в Мешхеде (Иран); синоним благочестивого, набожного человека.

Мешади-Сижимкули — псевдоним поэта Али Назми Мамедзаде (1882—1946), ученика Сабира.

Меямей — город в Иране.

Минбар — кафедра в мечети для проповедника-моллы.

Мирза — букв.: «писец», «секретарь»; как приставка к собственному имени, означает почтительное обращение; присоединяется также к имени царевича, сына шаха.

Мирза-Алекбер — реакционер-фанатик, около полувека (с конца XIX в.) был ахундом в Ардебиле, предавал анафеме революционеров во время иранской революции 1907—1911 г.

Мирза-Алескер-хан — см. **Атабек**.

Мирза-Ганбар — фанатик-молла.

Мирза-Гусейн — один из активных членов тебризского энджумена.

Мирза-Джавад — один из активных членов тебризского энджумена, известен своим непримиримым отношением к реакционному духовенству и яркими речами в защиту иранской революции.

Мир-Хашим — глава духовенства в Тебризе в годы революционного движения, активно боролся против революции, благословлял напутственной речью шахские войска, выступившие под водительством Эйнуддовле против войск Саттар-хана. В противовес энджуменам создал «Исламийе отагы» («Дом ислама»), очаг реакционного духовенства в Тебризе. Бежал из Тебриза после поражения Эйнуддовле. Казнен в 1909 г.

Младотурки — члены турецкой организации «Единение и прогресс», руководившей буржуазной революцией 1906—1909 гг., направленной против деспотического режима султана Абдул-Гамида II. В результате младотурецкой революции (июль 1908) в Турции была провозглашена конституционная монархия. Организация была создана в 1889 г. и ликвидирована в 1918 г., после поражения Турции в первой мировой войне.

Мозалан — букв.: «ковод»; псевдоним, распространенный среди авторов журнала «Молла Насреддин», которым чаще всего пользовались писатель А. А. Ахвердов (1870—1933) и журналист О. Ф. Неманзаде (1872—1937).

Молдаи — букв.: «дядя Молла», частое обращение в сатирах Сабира к Молле Насреддину.

Молла (мулла) — духовное лицо; образованный, начитанный человек.

Молла Насреддин — персонаж народных анекдотов, остроумный насмешник, защитник бедняков.

Молла Хаджибаба (Гаджибаба) — молла-фанатик в Кубе, ярый противник журнала «Молла Насреддин».

Молла Хасреддин — нарицательное имя, противоположное Молла Насреддину.

Молокане — представители религиозной секты в христианском вероучении, возникшей в XVIII в.; преследовались царским правительством и ссылались в Закавказье.

Мугань — степной район Азербайджана в нижнем течении Куры и Аракса.

Муджахиды (муджехиды) — букв.: бойцы, революционеры; участники иранской революции 1907—1911 гг.

Музаффараддин-шах (1853—1906) — иранский шах из династии Каджаров, правил с мая 1896 г. по декабрь 1906 г. Под напором демократического движения в стране был вынужден издать 25 сентября 1906 г. указ о введении конституции и учреждении меджлиса.

Муфтий — главный судья по шариату у мусульман-суннитов, толкователь мусульманского права.

Мухаммед (Магомет, 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, основатель мусульманской религии (ислама), почитаемый как пророк.

Мухаммедали-шах (1872—1925) — иранский шах из династии Каджаров, сын Музаффараддин-шаха, правил с января

1907 г. до июня 1909 г. Аннулировал конституцию и разогнал м е д ж л и с, был свергнут восставшим народом. Попытка водвориться на престол осенью 1911 г. окончилась неудачей, и шах снова был вынужден бежать за границу.

Мучтеид — духовное лицо, толкователь канонов.

Муэдзин — букв.: «объявляющий», «приглашающий»; служитель при мечети, призывающий мусульман к молитве.

Мюрид — букв.: «ученик», «последователь»; лицо из свиты и м а м а.

Наджаф — город в Иране, где похоронен халиф Али и находится резиденция мучтеидов и высшая духовная академия.

Надир (Надир-шах, 1688—1747) — персидский шах с 1736 по 1747 г., установил в стране режим тирании, был убит в результате заговора феодальной группировки.

Намаз — ритуальная пятикратная молитва у мусульман.

Нариман — персонаж «Шахнаме» Фирдоуси, предок Р у с т а м а.

Немруд (Немврод) — библейский царь, прославившийся своей жестокостью.

Новруз — букв.: «новый день»; праздник весеннего равноденствия, новогодний праздник мусульман.

Ной — библейский пророк, почитаемый и мусульманами.

Паландуз — ремесленник, выделяющий грубые, набитые соломой холщовые седла (паланы) для вьючных животных и грузчиков-амбалов.

Палас — тканый шерстяной ковер.

Пехлеван — богатырь.

Пити — суп из баранины с горохом и картофелем.

Раби-уль-эввель — третий месяц мусульманского лунного календаря.

Рамазан — девятый месяц мусульманского календаря, во время которого правоверные должны соблюдать строжайший пост от восхода и до захода солнца: не есть, не пить, даже не глотать слюну. Это наиболее прибыльный для духовенства месяц, так как по вечерам после ужина толпы людей устремляются в мечеть, неся туда пожертвования.

Редиф — рефрен, слово или группа слов, повторяющиеся в конце каждой строфы после рифмы.

Рей (Рага) — одно из древних наименований Ирана, а также города, разрушенного в XIII в. при нашествии монголов.

Решт — город в Иране.

Розехан — духовный служитель, повествующий о мучениях святых и заставляющий слушателей плакать.

Руми Джалалиддин (1207—1273) — персидско-таджикский поэт.

Рустам — герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме», легендарный богатырь, олицетворение физической силы, мужества и отваги.

Сабзавар — город в Иране.

Садри — один из лучших сортов риса, идущий на приготовление плова.

Сальяны — город в Азербайджане.

Сам — персонаж поэмы Фирдоуси «Шахнаме», дед Р у с т а м а.

Сардар — военачальник; персонаж сатиры поэта-молланасреддиновца Али Назми (1882—1946).

- Саттар-хан** (1870—1915) — один из руководителей иранской революции 1907—1911 гг., азербайджанец по национальности. Революция в Тебризе в 1908 г., направленная против шахской деспотии, охватила почти весь Южный Азербайджан и привела к свержению и изгнанию Мухаммеда Али-шаха.
- Сеид** — букв.: «господин»; потомок пророка Мухаммеда. В мусульманских странах сеиды пользовались большим авторитетом и почетом, имели право получать долю с указанных шахриатов отчислений мусульман от своих доходов в государственную казну или в пользу мечети.
- Сеид-Азим Ширвани** (1835—1888) — классик азербайджанской поэзии, учитель Сабира.
- Селим I Грозный** (1467—1520) — турецкий султан с 1512 по 1520 г., казнил на почве религиозной вражды между шиитами и суннитами 40 тысяч человек, вел нескончаемые войны с Ираном.
- Сельджуки** — тюркские племена, кочевали в Средней Азии, завоевали в XI в. Персию, Ирак, Малую Азию и образовали обширное государство. Династия Сельджуков правила в XI—XIV вв.
- Сефевиды** — шахская династия в Иране в XVI—XVIII вв.
- Сийга** — временный брак. По шахриату правоверному не разрешалось иметь более четырех жен, с которыми заключен законный брак — кябин. Однако мусульманину-шииту разрешалось заключать и временные браки, и тем самым каждый мог иметь неограниченное количество временных жен — сийга.
- Сипехдар** — один из сторонников шаха, крупный феодал. Во время нарастания революционного движения изменил шаху и перешел на сторону восставших, командовал наступающими на Тегеран революционными войсками.
- Софи** — см. *суфий*.
- Сулейман** — мусульманский вариант имени библейского царя Соломона (965—928 до н. э.), обладавшего волшебным перстнем, благодаря которому ему покорялись люди, животные и духи. В литературах Востока — символ мудрости, богатства и могущества.
- Султан** — монарх, государь; в Иране и Азербайджане XVI—XVIII вв. титул среднего феодала.
- Султан Меджид Ганизаде** (1866—1938) — деятель азербайджанской культуры, писатель-просветитель, педагог.
- Сунниты** — приверженцы одного из двух основных направлений ислама, враждующие с шиитами. С суннитами в сатирах Сабира связывается термин «османство».
- Суфий** (софи) — мусульманский монах, исповедующий суфизм, мистико-аскетическое течение в исламе; переносно — мудрый, знающий человек; в сатирах Сабира — синоним ханжи, святоши, фанатика.
- Сырых** — букв.: «бесстыжий»; один из псевдонимов Джалила Мамедкулизаде.

Тавриз — см. *Тебриз*.

Таги-заде — иранский общественный деятель, снискал большую популярность в народе своими антишахскими выступлениями в меджлисе. Был в составе делегации меджлиса на перегово-

- рах с шахом. Известен эпизод, когда Таги-заде демонстративно отвернулся от протянутой ему руки шаха.
- Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — полководец и завоеватель, глава военно-феодалного государства в Средней Азии, одержал победы над Тохтамышем.
- Таты* — название одной из народностей, населяющих Азербайджан, они приезжали на заработки в промышленные районы Закавказья и жестоко эксплуатировались.
- Тебриз* (Тавриз) — город в Иране.
- Терек* — сладкое блюдо, мука с сахаром, поджаренная на масле.
- Тимур* — см. Тамерлан.
- Тохтамыш* (ум. в 1407) — хан Золотой Орды.
- Туранцы* — жители Турана, обширной территории в Средней и Центральной Азии, населенной тюркоязычными народами. В сатирах Сабира это название употребляется в переносном смысле (см. вступ. статью, с. 31).

Улем — ученый-богослов.

Умми-Хаган — имя матери Мухаммедали-шаха, известной своей распущенностью.

Унсизаде Джалал — редактор демократической газеты «Кашкуль» («Чаша из скорлупы кокосового ореха, носимая дервишами»), издававшейся в Тифлисе с марта 1884 г. по октябрь 1891 г. (с января 1883 г. по март 1884 г. — журнал под тем же названием) и продолжавшей традиции газеты «Экинчи».

Ураза (орудж) — пост у мусульман.

Фазлуллах — мученик, советник Мухаммедали-шаха, выступал против демократических реформ и называл революцию преступлением против шариата, а революционеров — вероотступниками.

Фаллякка — приспособление для наказания, шест, к которому привязывают ноги провинившегося, когда его бьют розгами по пяткам.

Фаррати — низший полицейский чин в Иране, жандарм.

Фархад — легендарный каменотес, герой поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин»; символ верного, страдающего влюбленного.

Феле — рабочий.

Фетва — решение, вынесенное шейхуль-исламом, мучениками или авторитетными богословами по вопросам религии или мусульманского права; проклятие, анафема.

Физули Мухаммед (1498—1556) — азербайджанский поэт.

Фирман — указ, повеление правителя.

Фирни — сладкая молочная каша.

Фисинджан — блюдо из мяса с орехами.

Хагани Ширвани (1120—1199) — классик азербайджанской поэзии.

Хадж — религиозное паломничество мусульман в Мекку.

Халал — имущество, дозволенное по религиозному закону, приобретенное честным путем.

Халва — жирное мучное блюдо, подавалось во время поминок.

Хслилуллах — см. Ибрагим-Халил.

Халиф — наместник, преемник пророка Мухаммеда, духовный глава мусульман.

Хан — титул правителя, независимого властителя.

Хан-киши — собирательное название купцов.

Харам — имущество, запретное по закону, приобретенное нечестным путем.

Хафиз-эффенди Шейхзаде — учитель в Шемахе, отличался реакционными взглядами.

Хаят — букв.: «жизнь»; название бакинской либеральной газеты, издававшейся в Баку Алимарданбеком Топчубашевым с июня 1905 по сентябрь 1906 г. под редакцией Алибека Гусейнзаде и Ахмедбека Агаева. В газете, по направлению буржуазно-националистической, печатались и прогрессивные деятели азербайджанской культуры — Г. Зарбади, М. А. Сабир, Н. Нариманов, Н. Везиров, Ф. Кочарли, М. Хади, С. М. Ганизаде, А. Сур и др.

Хопхоп — удод.

Хурма — плодое дерево; плод.

Чайхана — чайная.

Чалтык — неочищенный рис.

Чинара — дерево из семейства платановых, символ стройности.

Чингиз (Чингисхан, 1155—1227) — монгольский завоеватель, основатель обширной империи.

Чихиртма — блюдо из баранины или курицы, зажаренной с яйцами.

Чобан (чабан) — пастух.

Чоха — верхняя длиннополая мужская одежда.

Чурек — пресный хлеб, лепешка.

Шаи — мелкая медная монета, равная пяти копейкам.

Шайтан — дьявол.

Шапшал — учитель и советник Мухаммедали-шаха, ставленник русского царизма при иранском дворе.

Шариат — букв.: «предписание», «законоположение»; свод религиозных законов, основанный на Коране.

Шах — государь, правитель.

Шахсей-вахсей — название траурной религиозной мистерии у шиитов в месяце мухаррам в честь мученической смерти имама Гусейна, сопровождается самоистязаниями верующих фанатиков.

Шейх — первоначально: старейшина, вождь племени; старец; глава суфийской общины; почетный титул мудрого наставника, давался поэтам, ученым и т. д.

Шейхульислам — один из титулов представителей высших слоев духовенства.

Шеки — город в Азербайджане.

Шемаха — город в Азербайджане.

Шербет — сладкий прохладительный напиток.

Шииты — приверженцы одного из двух основных направлений ислама, находящиеся в непримиримой вражде с суннитами; иранцы и большинство азербайджанцев — шииты, в сатирах Сабера с ними связывается термин «иранство».

Ширван — старинное название одной из областей Азербайджана с центром в Шемахе.

Ширин — возлюбленная Фархада, впоследствии жена царя Ирана Хосрова I (531—579), героиня поэмы Низами Гянджеви «Хосров и Ширин».

Эбрехе — арабский полководец, по преданию, победил деда пророка Мухаммеда Абдул-Муттелиба, правителя Мекки, и захватил Каабу. За это святотатство по воле аллаха на армию Эбрехе налетели горные ласточки, несущие в клювах камни, взятые из преисподней, и побили ими воинов и боевых слонов Эбрехе.

Эдем — земной рай.

Эйнуддовле — букв.: «очи государства»; военачальник Мухаммедалишаха, в 1909 г. выступил с войсками против тебризских революционеров, возглавляемых Саггтарханом, и потерпел от них поражение.

Экинчи — пахарь; название первой просветительско-демократической газеты в Азербайджане (1875—1877).

Энджумен — букв.: «комитет»; органы местного самоуправления в Иране, созданные в период иранской революции 1907—1911 гг.

Юсиф (Юсуф) — мусульманский вариант имени библейского Иосифа Прекрасного, проданного братьями в рабство и долго скитавшегося на чужбине; в поэзии — символ красоты.

Яйлаг — летнее пастбище в горах.

Яман — дурной, злой.

Ятаган — большой кривой турецкий кинжал.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Сабир.

2. *Между с. 144 и 145*. Сабир, М. Хади и А. Эфендизаде.

3. *Между с. 176 и 177*. Сабир в лавке. Рис. худ. А. Зейналова.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Великий азербайджанский поэт. <i>Вступительная статья Ч. Г. Гусейнова</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

* 1. «Стих — это жемчуг драгоценный, его не обесценю ложью. . .» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	41
2. К согражданам мусульманам и армянам. <i>Перевод П. Анткольского</i>	41
3. Беседа двенадцати мужей на собрании. <i>Перевод С. Васильева</i>	42
4. Что мне за дело? <i>Перевод С. Васильева</i>	43
5. «В тот день, когда аллах тебе дарует сына. . .» <i>Перевод А. Ахундовой</i>	44
6. Не грусти. <i>Перевод П. Панченко</i>	46
7. «Ну что хорошего нашел мой сын в ученье? . . .» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	46
8. Жалоба старика. <i>Перевод В. Лифшица</i>	48
9. Бакинским рабочим. <i>Перевод С. Васильева</i>	49
10. «Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом. . .» <i>Перевод А. Ахундовой</i>	50
* 11. «Судьбы коварства испытал наш край. . .» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	52
12. «Темнота кругом, дитя, ляг, усни ты, не проснись. . .» <i>Перевод П. Панченко</i>	53
13. Изучение наук. <i>Перевод П. Панченко</i>	54
14. Отцовский наказ. <i>Перевод П. Панченко</i>	55
15. «Я вздыхаю, так я жажду дыма твоего кальяна. . .» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	56
16. Ответ Гопгопу из газеты «Хаят». <i>Перевод П. Панченко</i>	57
* 17. Трудись для грядущего. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	58
18. Почему же? <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	60
19. Бакинским кочи. <i>Перевод С. Васильева</i>	61
* 20. «Имелся старинный обычай у нас. . .» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	62

¹ Звездочкой отмечены стихотворения, переведенные впервые.

21. Советы старой колдуньи девицам. <i>Перевод П. Панченко</i>	63
22. Детям. <i>Перевод П. Панченко</i>	65
23. Исповедь Гаджи-Мирзы Гасана. <i>Перевод П. Панченко</i>	66
24. «Будь щедрым — что скупиться? Но бедным — ни гроша!..» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	68
25. Слово. <i>Перевод П. Панченко</i>	68
26. Горе аптекаря. <i>Перевод П. Панченко</i>	69
27. Вот тебе и кукареку! <i>Перевод С. Васильева</i>	71
28. Призвание женщины. <i>Перевод П. Панченко</i>	72
29. Свобода. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	74
30. «О страсти! Веления твои превыше всех иных!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	75
31. Наставление сыну. <i>Перевод П. Панченко</i>	77
32. Горе скряги. <i>Перевод П. Панченко</i>	80
33. «Злой шайтан из преисподней восклицает: „Люди, люди!..“» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	81
* 34. «Наше главное стремление — загубить страну вконец!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	82
35. Не пускайте! <i>Перевод В. Лифшица</i>	83
36. Плач. <i>Перевод С. Васильева</i>	84
37. «О виночерпий, не пускай ты к нам святошу в погребок!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	85
38. Не кричи, спи! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	86
39. «Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	86
40. «Все наши помыслы с тобой, о женщина, жена!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	88
41. «Ну, где твои надежды?..» <i>Перевод С. Васильева</i>	89
* 42. «Ты, пекущийся о чести, не обманывай народ!..» <i>Перевод И. Бадалбейли</i>	90
43. Рабочему. <i>Перевод П. Панченко</i>	90
* 44. «Честь и слава воздадутся, если будешь ты богат!..» <i>Перевод И. Бадалбейли</i>	91
45. Поэтический мотив. <i>Перевод П. Панченко</i>	92
46. «Сумеет ли нас бестолковый понять как-нибудь?..» <i>Перевод П. Панченко</i>	93
47. «Черт побери, уснул же этот малый!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	95
48. Благородный напев. <i>Перевод С. Васильева</i>	95
49. Лейли-Меджнун. <i>Перевод П. Панченко</i>	97
50. «Притворясь угнетенным, не очень-то ной, экинчи!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	99
* 51. «Благодарение творцу за то, что «Дебистан» закрыли!..» <i>Перевод И. Бадалбейли</i>	100
* 52. «Благо, власти запретили съезд, затеянный в Гяндже!..» <i>Перевод С. Мамедзаде</i>	101
53. Мне стоять. <i>Перевод П. Панченко</i>	102
54. Восхваление. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	103
55. Боюсы! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	105
56. «На плов я в домах набредаю подчас и на мясо!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	106
57. «К тайне жизни ключа я найти не могу!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	107
58. «Не несись ты вскачь, Молла!..» <i>Перевод П. Панченко</i>	107
59. Один ответ на два вопроса. <i>Перевод П. Панченко</i>	109

60. Вопрос — ответ («— Не смей глядеть!..»). Перевод С. Васильева	110
61. После голода — не еда, а болтовня, или Листок из журнального дерева. Перевод П. Панченко	111
62. Боже, слава тебе! Перевод П. Панченко	113
63. Письмо («Эй, Молдан, не злись!..»). Перевод П. Панченко	114
64. В школу. Перевод П. Панченко	115
65. Мальчик и лед. Перевод П. Панченко	116
66. Дни весны. Перевод П. Панченко	116
67. На что тебе, аллах? Перевод П. Панченко	117
68. Вопрос — ответ («— Как город ваш? Растет?..»). Перевод С. Васильева	118
* 69. Элегия. Перевод С. Мамедзаде	119
* 70. Чох. Перевод С. Мамедзаде	119
71. Фисинджан. Перевод П. Панченко	120
72. «Не верю я, что речь твоя чиста, честна, святой отец!..» Перевод П. Панченко	121
73. Нам что? Перевод П. Панченко	121
74. «Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое днтя!..» Перевод П. Панченко	122
75. Ай, хвала, хвала тебе! Перевод П. Панченко	123
76. Пусть не будет. Перевод Л. Лосева	124
77. «Если тем, кто заодно с темной!..» Перевод П. Панченко	125
78. Совет. Перевод П. Панченко	126
79. Ширван. Перевод П. Панченко	127
80. «В одном кармане — векселя, в другом — рубли, рубли, рубли!..» Перевод П. Панченко	128
81. Спасите! Перевод П. Панченко	129
82. Истина. Перевод П. Панченко	130
* 83. Возлюбленный. Перевод И. Бадалбейли	130
84. Благодарю судьбу. Перевод Д. Самойлова	131
85. Терпи! Перевод П. Панченко	132
86. «Ой, мама, с красной бородой старик!..» Перевод П. Панченко	133
87. Сетования. Перевод П. Панченко	134
88. Дочь гяура. Перевод П. Панченко	135
89. «Османец, нег, не верь опять, храни тебя аллах!..» Перевод П. Панченко	135
90. «Я — могущественный шах, подо мной — страна моя!..» Перевод П. Панченко	137
91. «Он идет, чурбан!.. Тетя, не пускай!..» Перевод П. Панченко	139
92. Еще малыш. Перевод С. Васильева	140
* 93. Наше будущее — одно суесловье! Перевод Ю. Нейман	140
94. Молодой. Перевод В. Лифшица	141
95. Ах! Перевод П. Панченко	142
* 96. «Приходит утро, вижу я: ко мне почтение растет!..» Перевод С. Ботвинника	143
97. Наставление. Перевод П. Панченко	144
98. «Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан — для нас!..» Перевод П. Панченко	145
99. О чем писать? Перевод С. Васильева	146
100. Саттар-хану. Перевод П. Панченко	147
101. «А ну, укладывайся, эй, Мир-Хашим!..» Перевод П. Панченко	148

102.	Нет подобного мне! <i>Перевод П. Панченко</i>	149
103.	Мужчина. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	150
104.	«Ну давай, ханжа-отшельник, обнажимся мы хоть раз...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	151
105.	Спор деревьев. <i>Перевод П. Панченко</i>	152
106.	Шахнаме. <i>Перевод П. Панченко</i>	153
107.	Пожелание. <i>Перевод В. Лифшица</i>	156
* 108.	Разгадка загадки. <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	157
109.	«Найдем предлог какой-нибудь — отныне до скончания дней...» <i>Перевод П. Панченко</i>	157
110.	«От горя свет померк дневной...» <i>Перевод П. Панченко</i>	158
111.	Будущее — наше! <i>Перевод П. Панченко</i>	160
112.	«Что делать мне, аллах? Погиб наш род!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	161
113.	«Боль разрывает сердце, душит горло...» <i>Перевод Л. Пень- ковского</i>	162
114.	Мне не повезло. <i>Перевод П. Панченко</i>	164
115.	«Ах вот как здесь поставлены дела!...» <i>Перевод С. Ва- сильева</i>	166
116.	Продаю! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	168
117.	Пахнет обманом. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	169
118.	Тебе во благо. <i>Перевод П. Панченко</i>	170
119.	«Опять неймайся голытьбе — умерь ее аллах!...» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	171
120.	Пародия на лириков. <i>Перевод С. Васильева</i>	173
121.	Выкладывай! <i>Перевод П. Панченко</i>	173
122.	Подражанье Физули. <i>Перевод П. Панченко</i>	175
123.	Скажи, зачем?.. <i>Перевод П. Панченко</i>	176
124.	«Погрузимся в невежество, век в темноте проживем...» <i>Перевод В. Державина</i>	176
125.	«Человек с мощной — человек большой...» <i>Перевод П. Пан- ченко</i>	178
126.	Не даю! <i>Перевод П. Панченко</i>	178
127.	Лучше пропадом пропасть! <i>Перевод П. Панченко</i>	181
128.	Нет, не напишу! <i>Перевод П. Панченко</i>	182
129.	Пахарь! <i>Перевод П. Панченко</i>	183
130.	«Отшельник верит, что во сне при жизни рай он обре- тет...» <i>Перевод В. Державина</i>	184
131.	«Кто может усомниться в нас в эти дни?...» <i>Перевод П. Панченко</i>	184
132.	«Среди руин Ширвана никогда...» <i>Перевод П. Панченко</i>	186
* 133.	Марш стариков. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	189
134.	Марш умников. <i>Перевод С. Васильева</i>	190
135.	К детям-школьникам. <i>Перевод П. Панченко</i>	191
136.	Божество вы мое! <i>Перевод П. Панченко</i>	192
137.	Благодарность. <i>Перевод И. Бадалбейли</i>	193
138.	Песня нации. <i>Перевод П. Панченко</i>	194
139.	Жалоба. <i>Перевод П. Панченко</i>	195
140.	«Шесть десятков лет напрасно погубил я, Ардебиль!...» <i>Перевод В. Лифшица</i>	197
141.	«Достоинство нации — где оно? Нет! Не найдешь!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	198
142.	Задухновенный разговор. <i>Перевод С. Васильева</i>	200
143.	«А ну-ка, бездомный босяк, замолчи поскорей!...» <i>Перевод С. Васильева</i>	202

144.	«Не веришь ни во что, но всем внушаешь веру...» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	203
145.	«Мы — орава дармоедов, наше дело — вздор болтать...» <i>Перевод В. Державина</i>	204
146.	Не пушу! <i>Перевод П. Панченко</i>	205
147.	Примиришь! <i>Перевод П. Панченко</i>	207
* 148.	«Ты, Соня, прелесть и краса, небесный свет!...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	209
149.	«Сочувствовать школе? Ну что за народ!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	211
150.	«Эй, не зевай! Раздавит конь! Народ лихой идет!...» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	212
* 151.	Лицо нации. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	214
152.	«Эпоха с нами говорит...» <i>Перевод С. Васильева</i>	214
153.	«Да, брат, персидский жив народ!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	214
154.	Врач и больной. <i>Перевод П. Панченко</i>	216
155.	Старый садовник. <i>Перевод П. Панченко</i>	216
* 156.	Святоше. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	217
157.	Муравей. <i>Перевод П. Панченко</i>	217
* 158.	«Когда я весел и здоров — как будто злится небо...» <i>Перевод В. Коллегорского</i>	218
* 159.	Патриоты. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	218
* 160.	«Ах, спишь ты, дядюшка Молла, в краю грузин туманном...» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	218
* 161.	«Из борцов за свободу всегда и везде...» <i>Перевод В. Коллегорского</i>	219
* 162.	Письмо («Вам такое письмо и во сне не приснится...»). <i>Перевод В. Коллегорского</i>	219
163.	«Слуги верные мои! Не спать — вставать пришла пора!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	220
164.	Букет цветов. <i>Перевод П. Панченко</i>	221
165.	«Нет, нет, святоше не давай!.. Нет, мой портрет не для него...» <i>Перевод П. Панченко</i>	221
* 166.	«Я убеждения привык менять на каждом слове...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	222
167.	«Когда бы объявил аллах, что за безделье он...» <i>Перевод П. Панченко</i>	222
168.	«„Кто просвещенный?“ — я спросил и услышал в ответ...» <i>Перевод П. Панченко</i>	222
* 169.	«Ребенка надо воспитать. Зачать и жизнь ребенку дать...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	222
170.	Ай джан, ай джан!.. <i>Перевод П. Панченко</i>	223
171.	162-му номеру «Седа». <i>Перевод П. Панченко</i>	224
172.	«Сказал везиру шах...» <i>Перевод П. Панченко</i>	224
* 173.	«От ума все людские несчастья бывают, да-да...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	224
174.	«Мое несчастье только в том, что ни одна болезнь...» <i>Перевод П. Панченко</i>	224
* 175.	«— Скажи нам, в чем его вина, за что ты бьешь беднягу?..» <i>Перевод В. Коллегорского</i>	224
* 176.	Выборы гласных. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	225
* 177.	Бакинцы говорят. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	225
* 178.	«Вчера и впрямь аэроплан, как птица, воспарил...» <i>Перевод В. Коллегорского</i>	225

179.	«Детским почерком письмо ты подложно написал...» <i>Перевод П. Панченко</i>	225
* 180.	«Чей-то глас...» <i>Перевод С. Мамедзаде</i>	225
181.	«Пой, восторгом окрылен, иранец мой!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	227
182.	«„Тарджумани-Хагигат“ говорит...» <i>Перевод П. Панченко</i>	227
* 183.	«Чему сейчас любой народ служенье посвящает?...» <i>Перевод В. Коллегорского</i>	228
184.	Одеяло Молла Насреддина. <i>Перевод П. Панченко</i>	228
185.	Мальчик и деньги. <i>Перевод П. Панченко</i>	229
186.	Курбан-байрам. <i>Перевод П. Панченко</i>	230
187.	«Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил...» <i>Перевод П. Панченко</i>	231
188.	Искандер и нищий. <i>Перевод П. Панченко</i>	231
189.	Большой крестьянин. <i>Перевод П. Панченко</i>	232
190.	Отшельнику. <i>Перевод П. Панченко</i>	233
191.	Владелец буйволицы и наводнение. <i>Перевод П. Панченко</i>	233
192.	Душа моя!.. <i>Перевод П. Панченко</i>	234
193.	Молла Насреддин и вор. <i>Перевод П. Панченко</i>	235
194.	Паук и шелкопряд. <i>Перевод П. Панченко</i>	235
195.	«Земля на краткий срок жилищем нам была...» <i>Перевод П. Панченко</i>	236
* 196.	«Если родного народа участь плачевна и зла...» <i>Перевод С. Мамедзаде</i>	236
* 197.	Диалог. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	237
198.	Любовные похождения Мемдели в Европе. <i>Перевод П. Панченко</i>	238
199.	Украшение матерей. <i>Перевод П. Панченко</i>	239
* 200.	Обращение к языку. <i>Перевод В. Коллегорского</i>	240
201.	Сон. <i>Перевод П. Панченко</i>	241
202.	Купец-плут. <i>Перевод П. Панченко</i>	242
203.	«Болезней тяжких сон расширил сердце мне...» <i>Перевод П. Панченко</i>	243
204.	Отставка Азрапла. <i>Перевод П. Панченко</i>	243
205.	«Хотя и горем он безмерным обуян...» <i>Перевод С. Васильева</i>	244
206.	Лживый чобан. <i>Перевод П. Панченко</i>	246
207.	«Не тверди ты без конца, что ты знатен и богат...» <i>Перевод П. Панченко</i>	247
* 208.	«Обищала Европа — не то что Баку!...» <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	248
209.	Усердые. <i>Перевод П. Панченко</i>	248
210.	Маленькая сценка. <i>Перевод С. Васильева</i>	249
* 211.	Юбилейные торжества. <i>Перевод Ч. Гусейнова</i>	251
212.	«Ты — закадычный друг купцов, новруз!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	254
213.	Праздничный подарок. <i>Перевод П. Панченко</i>	254
214.	«Увы! Таков твой перевод, что тень Шекспира, зарыдав...» <i>Перевод П. Панченко</i>	254
215.	«Я жажду смерти, а она всё убегает от меня!...» <i>Перевод П. Панченко</i>	254
216.	«Дорогу дайте мне, я отправляюсь в путь...» <i>Перевод П. Панченко</i>	254
217.	Новруз. <i>Перевод П. Панченко</i>	254
218.	У тебя. <i>Перевод П. Панченко</i>	255

219. Ни к чему. <i>Перевод П. Панченко</i>	256
220. «Росинками из глаз моих жильё твоё омою я...» <i>Перевод П. Панченко</i>	256
221. «Когда не кудри — душу мне захочет растрепать твой взгляд...» <i>Перевод П. Панченко</i>	257
222. Не распознал. <i>Перевод П. Панченко</i>	257
223. «Ты у царицы красоты, о милая, венец златой...» <i>Перевод П. Панченко</i>	258
Примечания	259
Словарь	285
К иллюстрациям	296

Мирза-Алекбер Сабир

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983, 304 стр.
План выпуска 1983 г. № 407

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *Л. П. Полякова*
Корректор *И. Г. Клейнер*

ИБ № 3489

Сдано в набор 22.02.83. Подписано к печати 30.06.83. М 35084. Бумага тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 14,98. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1072. Цена 1 р. 40 к. Изд-во «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

